ВОЙНА И АРМИЯ

Брюс

Александр Филимон

ВИП

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

Брюс

Александр Филимон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В мировой истории есть определенные вехи, которые являются определяющими для дальнейшего развития страны. Такова эпоха правления Петра I. Но петровские реформы не были бы возможны без тех людей, сподвижников Петра, которых принято называть «птенцами гнезда Петрова». Одним из самых видных «птенцов» был Яков Вилимович Брюс — непревзойденный инженер, артиллерист, фортификатор, дипломат и ученый. Однако общественное мнение превратило его в глазах потомков в колдуна и чернокнижника, мага и алхимика, чародея и волшебника. Эти легенды сделали свое черное дело: они заслонили реальную фигуру Брюса, заменив ее мифологической. Поэтому жизнь и деятельность этого человека оказались забытыми на многие десятилетия. И только в наше время на рубеже XX–XXI веков стало возможным открыть для широкого круга читателей имя Брюса, рассказать его биографию.

- Александр Филимон
  - Вступление
  - Часть первая
    - Шотландские и ирландские предки
    - Прибытие Вилима Брюса в Москву и начало русской службы
    - Старший брат Якова Брюса
    - Племянник Якова Брюса
    - Внучатый племянник Якова Брюса
    - Трагедия богатой наследницы
  - Часть вторая
    - Начало службы русскому царю
    - Поездки Петра в Архангельск
    - Кожуховский поход
    - Первый Азовский поход
    - Второй Азовский поход
    - Великое посольство
  - Часть третья
    -
    - На должности губернатора Новгорода
    - У руководства артиллерией
    - Артиллерийские школы
    - Оценка артиллерии ч. Витвортом
    - Трагедия в Гродно
    - «Надзрение» за типографией

- 1706 год. Повседневная жизнь начальника артиллерии
- Калишская баталия
- 1707 год
- 1708 год. Я. В. Брюс и проблемы снабжения артиллерии
- Я. В. Брюс и артиллерийский полк
- 1708 год. Повседневная жизнь Я. В. Брюса
- Я. В. Брюс в военных операциях 1708 года
- Полтавская битва
- Осада Риги
- Миссия в Данциге. Прутский поход
- Дело Царевича Алексея
- Брюс — президент Берг- и Мануфактур-Коллегии
- Успехи в модернизации артиллерии
- Брюс в Глинках
- Астрономия
- Богатое наследие

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Александр Филимон
БРЮС

Вступление

В мировой истории есть определенные вехи и события, которые являются определяющими для стран и континентов, характеризуют целые эпохи и поколения жизни людей. К таким знаменательным событиям можно отнести образование империи Карла Великого и Киевской Руси в IX веке, Норманнское завоевание Вильгельмом Оранским Англии в XI столетии, монголо-татарское нашествие на Русь и Европу XIII века, открытие Америки и Великие географические открытия XV столетия, образование Нидерландских штатов, революция и гражданская война в Англии в XVII веке, революция во Франции и образование империи Наполеона Бонапарта в конце XVIII — начале XIX века, мировые войны XX столетия.

В перечне этих вех не менее значимым является эпоха правления в России Петра I, или, как его называют за пределами России, Peter The Great (Петр Великий). Для каждого россиянина имя этого человека хорошо знакомо как имя царя-реформатора, создавшего в нашей стране фактически новую цивилизацию, включившую Россию в число передовых государств Европы, основавшую империю в отсталой и патриархальной стране, каковой было наше государство в XVII веке.

Деятельность Петра Великого вызывает среди россиян неоднозначную оценку. Много в ней позитивного и негативного, особенно если предполагать иные варианты развития страны. Но история не приемлет сослагательного наклонения, поэтому неизменным в оценке деятельности Петра является главное — из петровских преобразований Россия вышла совсем другим государством, влиявшим на судьбы народов и стран Западной Европы. В этом непреходящее значение данной эпохи для мировой истории.

Не касаясь сути преобразований, скажем, что они не были бы возможны без взрывной энергии самого царя и без тех людей, сподвижников Петра, которых принято называть «птенцы гнезда Петрова». К таким людям с полным правом можно отнести героя данной книги Якова Вилимовича Брюса (1669–1735), сподвижника Петра I, много сделавшего для России в суровые годы преобразований.

Прожив без малого 66 лет, Брюс достиг вершины в военной карьере, начав службу в русской армии прапорщиком и завершив ее генерал-фельдмаршалом. Он был непревзойденным в то время инженером, артиллеристом и фортификатором. Человеком, который, руководя артиллерией в русской армии, одновременно

занимался организационными преобразованиями, создавая артиллерию как новый род войск, руководил командным и офицерским составом, проводил исследования в баллистике, по совершенствованию пороха, разработке новых зарядов, пушек, лафетов и даже зарядных ящиков, участвовал в военных операциях. В годы войны он был и одним из ведущих дипломатов Российского государства, неоднократно руководил дипломатическими миссиями по поручениям Петра, занимался государственными преобразованиями, будучи первым президентом Берги Мануфактур-коллегии, он закладывал основы развития промышленности Российского государства.

Брюс был первым российским ученым, учившимся у И. Ньютона. Именно он делал первые переводы книг по самым различным дисциплинам: географии и землемерии, артиллерийскому и инженерному делу, механике и оптике, медицине и астрономии. При этом Брюс активно занимался подготовкой создания первых российских школ и первой в России Академии наук. Именно ему принадлежала ведущая роль в определении ньютонианства в качестве пути развития российской науки в XVIII веке. Научный консультант первого российского императора, именно Брюс предопределил ход многих петровских реформ. Даже после смерти его деятельность оказалась полезной обществу. Научный кабинет Брюса — огромная коллекция научных приборов, инструментов и книг — был передан в Санкт-Петербургскую академию наук, академическую библиотеку и долгие годы давал возможность ученым заниматься научными исследованиями по самым различным академическим дисциплинам.

Однако реалии переходного периода от старой Московии к России нового времени, закостенелость и консерватизм общественной мысли русских людей, элементарная безграмотность большей части населения страны в XVIII веке и, наконец, желание использовать имя этого человека в коммерческих целях, игра на традиционном суеверии россиян сформировали сугубо дилетантское и суеверное общественное мнение об этом незаурядном человеке, превратили его в глазах потомков в некоего монстра, способного, скажем, заморозить летом пруд и кататься на коньках, сделать искусственного человека или летать на железном драконе. Как снежный ком, эти истории с каждым новым поколением увеличивались в своем количестве, передавались «как испорченный телефон», переходя из столетия в столетие, становились забавными и мистическими, страшными и колдовскими, превратив Брюса в героя народного фольклора — колдуна и чернокнижника, мага, чародея и

волшебника.

Пожалуй, нет другой такой личности во всей российской истории, о ком так много рассказывали самых разных небылиц. Эти истории сочиняли с середины XVIII века на протяжении двух с половиной веков, сочиняют их и сейчас, продолжая уже укоренившуюся в народе традицию. Каждый житель Москвы или Санкт-Петербурга наверняка слышал о необыкновенных способностях этого человека, которые на самом деле никакого отношения к самому герою нашей книги не имели.

В общем-то об этих легендах не стоило бы здесь вспоминать, но эти истории сделали свое черное дело: они заслонили реальную жизнь Брюса, заменив ее мифологией. Поэтому жизнь и деятельность этого человека оказались забытыми на многие десятилетия.

Читатель может проверить это на примере своих ассоциаций. Есть люди, имена которых можно соотнести с определенными событиями и эпохами: Ярослав Мудрый, Александр Невский, Михаил Ломоносов, Михаил Кутузов, Петр Багратион. На уровне ассоциаций сразу возникает в сознании человека то или иное событие российской истории или целая эпоха. То же касается и петровского времени. Его характеризуют имена А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, Ф. М. Апраксина, которые прочно слились с петровскими преобразованиями. Когда же мы слышим «Брюс», то первое, что приходит в голову, — колдун и чернокнижник, и только потом начинаем вспоминать о петровском времени, о знаменитых строчках из поэмы А.С. Пушкина «Полтава»:

> … И Шереметев благородный,
> И Брюс, и Боур, и Репнин,
> И, счастья баловень безродный,
> Полудержавный властелин.

К сожалению, эти ассоциации и не давали возможности историкам на протяжении двух с половиной столетий заниматься изучением жизни и деятельности Якова Вилимовича Брюса. И только в наше время на рубеже XX–XXI веков стало возможным «открыть» для широкого круга читателей имя Брюса, рассказать его биографию.

Поэтому никаких мистических историй и преданий о Брюсе в этой монографии нет, а есть рассказ о реальных событиях, которые имели место в жизни этого человека, представлено то, что на самом деле было им сделано. Хотя исследования фактов биографии Брюса продолжаются, уточняются отдельные сведения о его деятельности в различных сферах государственной, научной

и общественной жизни, но главное, что на основе многолетней исследовательской работы большого количества историков и архивистов удалось доказать, что Брюс вопреки легендам не был ни колдуном, ни чернокнижником, а был и остается крупным государственным и военным деятелем, дипломатом и ученым, одним из ближайших сподвижников Петра Великого. Это главное, что автор хотел бы донести до читателя при знакомстве с данной книгой.

Часть первая
КОРНИ И КРОНА

Шотландские и ирландские предки

Яков Вилимович Брюс родился в Москве 1(11) мая 1669 года.

Его отец приехал в Россию в 1647 году, нанявшись служить в русскую армию. Он был представителем известного в Шотландии и Ирландии рода.

Род Брюсов — один из самых древних и именитых в Европе. Выходцы из Нормандии, Брюсы ведут свою родословную с первых веков нашей эры. Одно из значительных событий в этой истории — Норманнское завоевание Англии, произошедшее в середине XI века. Именно тогда Роберт де Брюс *(фр.* Robert de Brus), дворянин из Котантена, переселился в Англию и получил во владение земли в Йоркшире. Его сыну Роберту де Брюсу король Шотландии Дэвид I пожаловал в 1124 году долину реки Эннан (Аннан) в юго-западной части страны. Таким образом, Роберт де Брюс стал первым лордом Эннандейла (Аннандейла).

После смерти 1-го лорда Эннандейла его владения были разделены между двумя детьми Роберта де Брюса: земли в Йоркшире отошли к старшему сыну Адаму (линия угасла в 1271 году), а шотландские владения — к младшему Роберту, основателю шотландской линии рода. Роберту Брюсу, 2-му лорду Эннандейла, удалось добиться признания королем Шотландии права наследования своих земель по мужской линии. Его внук Роберт Брюс, 4-й лорд Эннандейла, женился на Изабелле, второй дочери Дэвида Хантингдонского, брата шотландских королей Малкольма IV (около 1141–9 декабря 1165, король Шотландии с 1153 года) и Вильгельма Льва (около 1143, 4 декабря 1214 — король Шотландии с 1165 по 1214 год). Этот брак обеспечил в будущем возможность представителям рода Брюсов предъявить (в числе 11 претендентов!) претензии на шотландский престол.

Роберт Брюс, 5-й лорд Эннандейла, в период правления Александра III был неофициально признан ближайшим наследником шотландской короны после сына короля. Пятый лорд Эннандейла играл значительную роль в политической борьбе страны в середине XIII века, а после смерти единственной внучки Александра III королевы Маргариты в 1290 году предъявил претензии на престол. Он вошел в историю Шотландии под именем Роберта Соискателя. Однако корона досталась в 1292 году Иоанну Баллиолю.

Роберт Брюс, 6-й лорд Эннандейла, отличавшийся в молодости особенной красотой, был похищен графиней Каррикской Мэрджори и тайно женился на ней, несмотря на недовольство короля Александра III. Их сын Роберт Брюс (1274–

1329) унаследовал в 1292 году графство Каррик, а в 1306 году возглавил борьбу за независимость Шотландии и в Сконе был коронован королем. Именно Роберт I Брюс добился освобождения Шотландии от английского владычества, что было провозглашено в 1328 году.

События освободительной борьбы шотландского народа под предводительством Роберта Брюса были воспеты в 1375 году Джоном Барбором, написавшим поэму «The Bruce», в которой излагается история жизни короля. Эта поэма была напечатана впервые в Эдинбурге в 1570 году и затем выдержала почти двадцать изданий. В 1793 году Роберт Бернс в поэме «Robert Bruce's March To Bannockburn» прославил подвиг короля-освободителя. Джоаккино Россини в 1846 году написал оперу «Роберт Брюс». В наше время эти события отражаются в произведениях кинематографистов: в 1995 году вышел фильм «Храброе сердце», получивший премию «Оскар» как лучший фильм года, а в 1996 году — фильм «Брюс», снятый английскими кинематографистами.

В 1329 году папа Иоанн XXII пожаловал королям скотов право помазания при коронации. Однако Роберта Брюса к этому времени уже не было в живых: 7 июня 1329 года он скончался в своем дворце Кардросс. По легенде, в свой последний час он призвал лучшего из рыцарей, лорда Джеймса Дугласа, и просил доставить его сердце в Святую землю. После смерти Брюса Джеймс Дуглас пытался исполнить волю короля. Но путь с заветным ларцом в Палестину стал для верного рыцаря роковым. В марте 1330 года он пал в Андалусии, сражаясь вместе с королем Альфонсом XI против мавров Гранады. Эта история отражена в символике рода Дугласов, на гербе которого изображено сердце. До недавнего времени эта история считалась лишь красивой легендой, но при восстановлении аббатства Данфермлин, усыпальницы королей скотов, открыли могилу Брюса — ребра над сердцем были вырезаны. В 1992 году в печати промелькнула информация о том, что в Испании была обнаружена могила Джеймса Дугласа с заветным ларцом.

Наследником короля Роберта I стал его сын Дэвид, передавший власть племяннику — Роберту II Стюарту. Мать Дэвида — Мэрджери Брюс — вышла замуж за Уолтера Стюарта, что и позволило их сыну Роберту стать наследником королевского престола. Так Роберт II стал основателем династии Стюартов на престолах Шотландии и Англии.

Был у короля-освободителя Роберта I Брюса брат — Эдвард, который в 1315–1316 годах завоевал в Ирландии Улстер и Коннахт и был провозглашен ирландским королем. Он погиб в

бою с англичанами в 1318 году.

Еще один родной брат Роберта I Брюса, Томас, стал первым лэрдом (в континентальной традиции бароном) Клакманнаном (Clackmannan) и получил титул и землю на северном берегу залива Фёрт-оф-Форт в Шотландии. От него и начинается линия Брюсов, ведущая к герою нашей книги.

Прадед Якова Вилимовича Брюса был младшим братом 8-го барона Клакманнана, не получившим по принципу майората в наследство титул и состояние отца, поэтому, став рыцарем, он вынужден был искать место для службы у короля или за границей.

Такая же участь постигла и отца Якова Брюса в XVII веке.

Прибытие Вилима Брюса в Москву и начало русской службы

Как показывают исследования рода шотландских Брюсов, которыми занимается Ирина Алексеевна Блайс (Blyth), в девичестве Либерман, представительница современных потомков российской ветви Брюсов, Вильям (Вилим) Брюс ко времени приезда в Россию (с 1639 года) был женат и арендовал небольшой участок земли, которого в конце концов лишился. Он родился в начале 1620-х годов в протестантской семье в Шотландии, в графстве Клакманнан на северном берегу залива Фёрт-оф-Форт. Участвовал на стороне короля в гражданской войне между Карлом I и парламентом в 1640-е годы. После поражения королевских войск в сражении при Нейзби 14 июня 1645 года многие сторонники короля стали покидать родину. Во многом это обстоятельство и стало причиной его выезда на континент в 1647 году.

В это время представитель русского царя Илья Данилович Милославский набирал иностранных офицеров на русскую службу. Среди них оказался и Вилим Брюс.

Напомним читателю, что в ходе Тридцатилетней войны состоялся поход русской армии под Смоленск в 1632–1634 годах, когда русское правительство, помогая своему союзнику Швеции, выступило против Речи Посполитой, пытаясь вернуть утерянные в эпоху Смутного времени западные земли. В осаде Смоленска, возглавляемой Шейном, участвовали полки «нового строя», сформированные на основе наемных иностранных специалистов. К сожалению, неудача под Смоленском привела к тому, что большинство иностранцев оказались на службе короля Владислава. Таким образом, набор военных, который осуществлял Милославский в европейских странах, был вынужденной мерой, призванной пополнить новые воинские формирования.

Однако «земля обетованная» встретила иностранцев сурово. При подходе к Архангельску корабль, на котором они плыли, затонул, и документы нанятых офицеров пропали. Состоявший в делегации И. Д. Милославского дьяк Иван Байбаков, занимавшийся оформлением прибывших, отметил о В. Брюсе, что «выехал он порутчиком из Галанской земли».

Надо отметить, что отношение к иностранным специалистам в то время в России было особое. И их прибытие в страну и даже заключенный договор на военную службу совсем не означал, что

правительство будет исполнять свои обязательства перед иностранцами. О такой практике очень красноречиво повествуют письма Франца Лефорта, который прибыл в Архангельск в составе группы офицеров, нанятых на русскую службу, в августе 1675 года. Группе было сразу отказано в службе и в обратном возвращении. Четыре месяца (в зимнее время!) без содержания иностранцев продержали в Архангельске до решения дальнейшего вопроса об их судьбе, и только в декабре после челобитной, поданной на имя царя, иностранцам было разрешено выехать в Москву «на своих проторях и подводах». В феврале они прибыли в Москву, а 4 апреля им было вновь отказано в службе. Только к лету офицеры стали получать должности инженеров и военных специалистов.

Так и для группы офицеров, приехавших в Архангельск в 1647 году вместе с В. Брюсом, вопрос об их службе царю не был окончательно решен. После прибытия в Москву мытарства путешественников не закончились. Несмотря на то что 1 ноября был издан указ, в котором говорилось: «…бытии им ныне у Государя на дворе и видеть ево царские очи… маеору и капитаном… порутчиком… прапорщиком да солдатом, да стволовому мастеру… Государь велел спросить о здоровье и пожаловал к руке», условия для несения службы в Москве для многих иностранцев были неприемлемы. Дело в том, что многие из них прибыли в Россию с семьями.

С января по май 1648 года иностранные офицеры обращались к царю с «челобитными», в которых сообщали о невзгодах, приключившихся с ними на русской земле, о том, что они с женами и детьми вынуждены «болтаться меж двор, просить подаяния и нищенствовать». Они просили царя увеличить им содержание. Возможно, ввиду того, что Вилим Брюс прибыл в Россию один без семьи, он одним из первых согласился на те условия содержания, которые предложило новое отечество.

В качестве иллюстрации об отношении к иностранцам в Москве приведем отрывок из «Дневника» Патрика Гордона, прибывшего в Москву в 1661 году: «Здесь… я убедился, что на иноземцев смотрят как на сборище наемников и в лучшем случае (как говорят о женщинах) — necessaria mala *(лат,* неизбежное зло); что не стоит ожидать никаких почестей или повышений в чине, кроме военных, да и то в ограниченной мере, а в достижении оных более пригодны добрые посредники и посредницы, либо деньги и взятки, нежели личные заслуги и достоинства; что низкая душа под нарядной одеждой или кукушка в пестром оперении здесь так же обыкновенны, как притворная или раскрашенная личина; что с туземцами нет

супружества; что вельможи взирают на иностранцев едва ли как на христиан, а плебеи — как на сущих язычников; что нет индигената без отречения от былой веры и принятия здешней; что люди угрюмы, алчны, скаредны, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны — когда имеют власть, под властью же смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов».

Поводом для такой оценки послужило то, что Патрик Гордон был обескуражен требованием от него взятки только за то, что дьяк должен был выполнить распоряжение боярина о выдаче жалованья ему и его подчиненным, также прибывшим служить в Москву. Вероятно, эти же проблемы оказались неразрешимыми и для группы иностранцев в 1647 году.

В течение семи лет службы в полку барона Ягана Лесли с жалованьем 5 алтын в день В. Брюс выше чина прапорщика не поднялся. Лишь в 1654 году началась военная карьера Вилима Брюса. Во время войны против Речи Посполитой он участвует в походе на Смоленск и быстро продвигается по службе. Об осаде Смоленска он писал: «…под Смоленском на многих выласках и на приступех был…», причем оказался в самой горячей точке сражения. «И за тое Смоленскую службу Великого Государя по имянному указу из капитанов пожалован в маеоры».

В следующем, 1655 году Вилим Брюс пожалован в подполковники и под командованием Иоганна Лесли участвовал в походе под Вильну, где поляки были разбиты и в конце июля 1655 года Вильна была взята.

В 1656 году начались военные действия против Швеции, напавшей с севера на Речь Посполитую. Брюс сообщает, что «во 7164 [1656] году из Москвы послан на службу Великого Государя под Ригу и з дороги из с под Полоцка з боярином Семеном Лукьяновичем Стрешним [Стрешневым] послан… под Динаборк… А из под Динаборка пришли под Куконаус и Куконаус приступом взяли.

И после того был под Ригою». Здесь при осаде Риги Брюс получил ранение: «и на выласке в трех местах ранен: в левую ногу да правый бок». П. Гордон утверждает, что осада Риги осуществлялась самолично царем, который вернулся в Москву с частью войск только после снятия осады, продолжавшейся шесть недель.

Напомню, что речь идет о царе Алексее Михайловиче, которого называли Тишайшим, считая, что он вообще не участвовал в военных действиях и дальше Преображенского из Москвы никуда не выезжал. В 1658 году В. Брюс после двухлетнего пребывания в Смоленске «по имянному указу за тое

военную службу и за раны на Москве пожалован он изс подполковников в полковники в салдацкой же строй…».

Так, через четыре года после начала военных действий (а фактически, за сражения 1654–1656 годов) Вилим Брюс дослужился от прапорщика до полковника русской армии. «И послан на службу Великого Государя в Курск с полком. И после того был в Волхове и во Белеве. И по указу Великого Государя тот ево полк в Белеве роздал по разным приказом в стрельцы, а ему по указу Великого Государя и по грамоте велено быть к Москве с начальными людьми. И с Москвы послан в Смоленск с полком».

Полк Брюса принимает участие в военных действиях под Могилевом в 1660 году, где входил в подчинение князя Ю. А. Долгорукого.

В 1664 году полковника Брюса «пулькою ранили тяжелою увечною раною» под селом Сигновичи в Смоленском уезде.

После этого полковник Брюс в военных действиях участия не принимает.

В 1668 году сообщается о прибытии из Астрахани в Москву жены Брюса. Обстоятельства пребывания ее там пока неизвестны. Возможно, это связано с рождением сына Романа.

В русских архивах нет сведений о его жене. Письма Я. В. Брюса и его старшего брата Романа «братцу» Андрею Инглису, написанные в 1705–1706 годах после взятия Нарвы, давали повод российским исследователям, начиная с М. Д. Хмырова (1860-е годы), считать, что мать Якова Брюса первым браком была замужем за Юрием Инглисом. Брюс тогда получил земли в пригороде Нарвы, а Андрей Инглис был назначен комендантом Нарвы. Кстати, в письме указывается, что Брюс подарил сестре Инглиса Елене, бывшей замужем за Н.Н. Балком, дом.

Упомянутые уже исследования И. А. Блайс показывают, что жена Вилима Брюса приехала из Шотландии.

Впрочем, исследования родословной продолжаются.

До 1672 года Вилим Брюс жил в Смоленске, владея пожалованными ему двором и землями в Смоленском уезде. Однако при переформировании смоленских полков он был переведен в Москву. Все его поместья и вотчины в Смоленском уезде были отписаны на государя в 1673 году.

Живя в Немецкой слободе в Москве Брюс участвует в ежегодных весенних смотрах до 1679 года. Здесь в Москве выросли его дети, получили образование, которое позволило им впоследствии стать крупными военными и государственными деятелями. Этот вопрос освещается в исследованиях В. Ковригиной, которая пишет, что, еще до Петра I в царствование Алексея Михайловича, жители Немецкой слободы создавали

школы при культовых учреждениях (кирхах, костелах), были подобные школы и в отдельных кварталах слободы, нанимались домашние учителя, гувернеры. Следовательно, получившее впоследствии распространение в России домашнее образование в Немецкой слободе существовало еще до Петра I. Здесь, пожалуй, важен не сам термин «домашнее образование», который предполагает обучение ребенка на дому нанятым для этого учителем, а само содержание процесса обучения, в ходе которого учитель практически передает не только свои знания, а жизненный опыт, «работая» в непосредственном контакте с учеником. Такой же характер был и у процесса образования в Немецкой слободе в то время. Иностранные специалисты, обучая своих детей, максимально пытались передать им свой жизненный опыт и знания, что не могло не сказаться на качестве образования. Хотя, естественно, определяющими в этом были таланты самих учеников. Кстати, В. А. Ковригина называет Романа и Якова Брюсов жителями Немецкой слободы, родившимися и выросшими здесь. Более того, она утверждает, что оба брата не только учились в Немецкой слободе, они и преподавали здесь.

Немецкая слобода была островком Европы на территории Москвы и отличалась тем, что жившие в ней представители разных стран во всем поддерживали друг друга. Не исключено и то, что после смерти Вилима Брюса в 1680 году его дети оказались на воспитании у кого-то из иностранцев, живших по-соседству.

Старший брат Якова Брюса

У Вилима Брюса было трое детей. Его старшая дочь Елизавета впоследствии вышла замуж за полковника Джона Трейдона. Умерла в 1694 году.

Старший сын Роман (1668–1720), по другим сведениям рожденный в 1667 году, был женат на Сарре-Элеоноре, которая родила ему пять детей, двое из которых умерли во младенчестве. Именно сын Романа Александр (Иван Александр) (1704–1760) стал наследником Я. В. Брюса. Дочь Романа Наталья вышла замуж за полковника Р.Р. Боура, сына участника Полтавской баталии. Еще одна дочь, Елизавета (Доротея Елизавета), вышла замуж за генерала В. В. Фермора, известного в качестве главнокомандующего русской армией во время Семилетней войны (1756–1763). Именно по этой линии Ферморов исследователям удалось проследить родословную до современности. Наследники Ферморов, москвичи Либерманы и Тарасевичи, являются потомками этого рода в России. Это удалось установить в результате исследований, которыми занимались братья Алексей и Михаил Яковлевичи Либерманы. Они проделали огромную работу по восстановлению генеалогии рода Брюсов в России. Это был поистине колоссальный труд, ведь продолжение российской ветви Брюсов шло по женской линии, и среди потомков оказались Ферморы, Стейнбоки, Альбрехты, известный русский гидротехник М. И. Сердюков, создатель Вышневолоцкой гидротехнической системы, связывающей Волгу с Балтийским морем.

О Романе Вилимовиче сохранилось немного информации, хотя с 1704 по 1720 год он занимал пост обер-коменданта Санкт-Петербурга. К тому же во многих исследованиях, путая братьев Романа с Яковом, как правило, приписывают сделанное старшим братом Якову Вилимовичу. Это вполне объяснимо, поскольку Яков Брюс добился гораздо большего, нежели его старший брат Роман.

Приведем несколько эпизодов из военной биографии Романа Брюса.

В 1704 году, когда главные силы русской армии были сосредоточены в районе Дерпт — Нарва, шведское командование, желая отвлечь часть русских сил от этого района, планировало нанести по Петербургу комбинированный удар с суши и с моря. Командующий войсками в Петербурге обер-комендант крепости генерал-майор Р. В. Брюс, получив сведения, что на реке Сестре обнаружен 8-тысячный отряд шведов под командованием

генерала И. Майделя, принял срочные меры по защите города. У берега Невы, на Березовом острове, были возведены укрепления. На Большой Неве сосредоточили весь имевшийся флот.

2(13) июля войска генерала Майделя подошли к Неве и остановились против того места, где были возведены укрепления. Линия обороны на Городском острове с батареями была построена за одну ночь. Созданием этой линии обороны и ее командованием руководил Р. В. Брюс. Шведы открыли сильный артиллерийский огонь, продолжавшийся четыре часа. Русские мужественно отбили нападение врага. Майдель отступил и занял позицию за рекой. Одновременно в направлении Петербурга двинулся и шведский флот. 12 (23) июля к Котлину подошла эскадра де Труа с десантом в одну тысячу человек. Неприятель попытался высадиться на Котлине. Отряд Р. В. Брюса хотя и был небольшим, но оказал шведам упорное сопротивление, после чего они повернули обратно, не достигнув поставленной цели.

В первых числах августа Майдель предпринял новое наступление. Его войска расположились недалеко от развалин Ниеншанца и оттуда стали угрожать Петербургу. Майдель отправил Брюсу ультиматум с требованием сдать город, угрожая в противном случае взять его силой. Роман Брюс с достоинством ответил: «Мне очень странно предложение господина генерал-поручика уступить вверенную мне всемилостивейшим моим государем и царем крепость: не угодно ли господину генерал-поручику удалиться в свою землю, а меня таким писанием пощадить?»

Брюс с частью Петербургского гарнизона и пушками выступил навстречу противнику. Русские войска расположились на левом берегу Невы, против устья Охты. Шведы по наведенному мосту сумели переправиться через Охту, но закрепиться им не удалось. Майдель был вынужден отступить.

Летом 1705 года шведское командование предприняло новую попытку овладеть Петербургом комбинированной атакой с моря и суши. Но и на этот раз замысел противника не осуществился. Сильная неприятельская эскадра в составе 22 вымпелов под командованием адмирала Анкерштерна безуспешно пыталась овладеть Кронштадтом, уничтожить русский флот и прорваться к Петербургу. Но этого сделать им не удалось. Историк XIX века А.С. Чистяков писал: «… тобы затруднить плавание и частью с целью обмануть шведов, поперек всего фарватера, перед русским флотом были устроены плавучие рогатки, которые держались на якорях и издали, с моря походили на мачты, вбитые в землю, или мачты затопленных кораблей, так что казалось, будто никакого проезду нет».

Неточность, которую допустил А.С. Чистяков, в том, что он полагал, будто фокус с рогатками, имитировавшими мачты затопленных кораблей, придуман Яковом Вилимовичем Брюсом. Оно и верно, кто как не легендарный Яков Брюс мог такое придумать. Но это был его старший брат Роман. (Этот прием блокировки бухты был использован в 1854 году при обороне Севастополя от англо-французской эскадры. (Правда, тогда был действительно затоплен при входе в бухту русский парусный флот.)

Неудачными были действия и 10-тысячного отряда шведов во главе с И. Майделем. Его намерение захватить Шлиссельбург и атаковать Петербург с суши было сорвано активной обороной русских войск во главе с генералом Р. В. Брюсом. Шведы понесли большие потери и были отброшены к Выборгу. Так, обер-комендант Санкт-Петербурга Роман Вилимович Брюс смог отстоять важный форпост России в устье Невы. Это во многом способствовало тому, что с 1706 года Петербург стал по-настоящему торговым городом, все более обретая черты новой столицы.

Кстати, шведский генерал-лейтенант Майдель писал 24 июля 1704 года: «Петербург очень хорошо основан и укреплен, его положение таково, что он может стать одновременно и сильной крепостью и процветающим торговым городом…» Эта справедливая оценка будущей столицы России была подтверждена деятельностью такого военного и государственного деятеля, каковым был обер-комендант Санкт-Петербурга Роман Вилимович Брюс.

Роман Вилимович прикладывает максимум усилий при строительстве крепости и города. Он собирает каменщиков и плотников со всей Новгородской области. Санкт-Петербург строили солдаты и осужденные преступники. На Брюса это возлагало особую ответственность. Недалеко от крепости, на правом берегу Невы, был построен «Домик Петра», кроме этого были выстроены Зимний и Летний дворцы. Все эти сооружения были деревянные и большой роскошью не отличались. Во многом это соответствовало вкусу Петра I, который особо не терпел пышных помещений, высоких комнат. Саженях в двадцати пяти от Домика Петра был построен обширный дом для губернатора Санкт-Петербурга, светлейшего князя А. Д. Меншикова. Дом этот также назывался посольским, потому что Петр принимал здесь иностранных послов.

За домом Меншикова стояли дома Головкина, Я. В. Брюса, Шафирова.

Все эти постройки выполнены в 1704–1705 годах.

Обер-комендант Санкт-Петербурга не только строил и защищал город. Он командовал войсками, воевавшими в Прибалтике и Финляндии.

В 1710 году Роман Брюс в звании генерал-майора командует войсками при осаде Выборга. Ему было поручено самое сложное в инженерном отношении место осады. В 12 верстах от Выборга, в самом узком месте пролива Тронгзунд, необходимо было соорудить два шанца — выдвинутые укрепления, на которых должен был быть размещен батальон солдат, а затем соорудить береговые батареи, которые должны были воспрепятствовать подходу шведского флота на помощь осажденной крепости. Работы проводились в условиях сильных морозов на каменистом грунте, и все это создавало немалые трудности при сооружении траншей и апрошей. Для возведения брустверов приходилось использовать даже мешки с шерстью. Блокировка Выборга с западной стороны Р. В. Брюсом и с восточной — войсками генерала Беркгольца обеспечила полную изоляцию Выборга от Финляндии.

Осада Выборга завершилась капитуляцией крепости без штурма 13 июня 1710 года. После этого генерал-майор Р. В. Брюс с войсками был переброшен под Кексгольм (Корелу). Овладение этой крепостью на противоположной стороне Карельского перешейка должно было закрепить победу под Выборгом. После более чем двухмесячной осады 8 сентября 1710 года гарнизон Кексгольма капитулировал.

За участие в этих походах Роман Брюс был награжден парсуной.

В 1713 году Р. В. Брюс, командуя пехотным полком, численностью четыре тысячи человек, принимает участие в высадке русского десанта на реке Пелкина. Эта операция особая. Командующий десантным отрядом генерал-лейтенант М. М. Голицын перед началом операции впервые в военной истории разрабатывает письменную диспозицию об атаке десанта в озерных условиях. Кроме того, в этом бою русские войска применили новые для того времени способы ведения боя: сочетание фронтального удара с обходом фланга противника путем высадки десанта, решительный штыковой удар, атака колонной. Причем фронтальный удар в центр неприятельской армии нанесли после переправы на плотах пехотные полки Головина и Брюса.

После этого генерал Р. В. Брюс в составе десанта под командованием М. М. Голицына принимает участие в сражении при Лапполо 19 февраля 1714 года, где была одержана блестящая победа над шведами.

Генерал-лейтенант Р. В. Брюс был похоронен на территории Петропавловской крепости у собора Святых Петра и Павла. Это была первая могила на Комендантском кладбище.

Романа Брюса связывали с А. Д. Меншиковым не только служебные отношения «начальник — подчиненный». Совершенно очевидно, что отношения были и дружескими. Неслучайно, когда у Романа Брюса в 1704 году родился сын, его крестным отцом стал светлейший князь.

Племянник Якова Брюса

Сын Романа Брюса принадлежал уже к третьему поколению российских Брюсов. В отличие от своих дяди и отца он был православным человеком.

Именно он унаследовал состояние, а в 1740 году и графский титул дяди. Это произошло потому, что у самого Якова Брюса дети умерли в младенчестве. Первая дочь — Маргарита — прожила всего месяц: родилась в феврале, а умерла в марте 1698 года, вторая — Наталья — родилась в январе 1708-го, а умерла в июне 1709 года, о чем в своем письме после победы под Полтавой Яков Вилимович с прискорбием сообщил старшему брату. Жена Я. В. Брюса, Маргарита фон Мантейфель, умерла в 1728 году.

Александр Романович дослужился до звания генерал-лейтенанта и пользовался особым расположением А. Д. Меншикова. Служил в гренадерском полку. При этом во время опалы Меншикова нисколько не пострадал. Был трижды женат, и все его жены — представительницы знатных боярских фамилий — Долгоруковых и Колычевых.

Первая жена — Анастасия Михайловна, дочь губернатора Москвы Михаила Федоровича Долгорукова, — получила в качестве приданого дом на Большой Никитской улице. Об этом здании по Москве ходили легенды, что это дом Брюса, имея в виду главного героя нашей книги. На самом деле в этом доме Я. В. Брюс мог быть только на свадьбе своего племянника. Дом этот уцелел. В 2009 году в этом здании по адресу ул. Большая Никитская, 14 после реставрации разместился Центр музыкальной культуры.

После смерти Анастасии Михайловны в 1745 году А. Р. Брюс делает предложение Екатерине Алексеевне Долгоруковой, известной «государыне-невесте». 30 ноября 1729 года, будучи 17 лет от роду, юная княжна была обручена с 14-летним Петром II, а свадьба назначена на 12 января 1730 года, на Святки. Однако император неожиданно в начале января простудился и заболел. Свадьба была отложена на 19 января. Но течение болезни осложнилось, а новый диагноз прозвучал как приговор — оспа. И в день назначенной свадьбы, в 3 часа 45 минут пополуночи, император скончался. Е. А. Долгорукова вместе с родственниками была отправлена в Сибирь, в Березов. Лишь в 1742 году, в царствование дочери Петра I императрицы Елизаветы, она вновь была приближена ко двору. А в 1745 году граф А. Р. Брюс вторым браком женился на Екатерине Алексеевне. Правда, этот брак оказался коротким. Графиня Брюс скончалась в возрасте 35 лет в

1747 году.

Третья жена графа Александра Брюса была намного его моложе. Представительница известной боярской фамилии Наталья Федоровна Колычева (1730–1777) пережила своего мужа на 17 лет и была похоронена в Глинках рядом с Александром Романовичем. К сожалению, усыпальница и захоронения были варварски уничтожены в 1934 году. Тогда же в Глинках была закрыта и перестроена под спальный корпус церковь, выстроенная Александром Романовичем в 1756 году.

После А. Р. Брюса владения перешли к его сыну Якову Александровичу (1729–1791), человеку, имя которого требует также особого разговора.

Внучатый племянник Якова Брюса

Получив домашнее воспитание, Я. А. Брюс был записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк в 1744 году, произведен в прапорщики в 1750 году, в подпоручики в 1751 году, через четыре года в поручики. Обладая большим состоянием, Брюс обратил на себя внимание Румянцевой, которая устроила 27 мая 1751 года его брак со своей дочерью Прасковьей Александровной. Затем Брюс участвовал волонтером французской армии в войне Франции с Пруссией, но после битвы при Россбахе императрица Елизавета приказала отозвать всех русских, находя, что русским офицерам неприлично быть в армии, столь постыдно разбитой. Участвуя после этого с полком в Семилетней войне, Брюс отличился храбростью в сражении при Гросс-Егерсдорфе и был произведен в полковники 25 января 1758 года, а затем, за блокаду крепости Кюстрина и битву при Цорндорфе, произведен в 1759 году в бригадиры.

При вступлении на престол Петра III Брюс был сделан 28 декабря 1761 года секунд-майором лейб-гвардии Семеновского полка, через два дня — генерал-майором, а через несколько недель (в феврале 1762 года) награжден орденом Святой Анны.

Со вступлением на престол Екатерины II Брюс благодаря тому особому расположению, которым пользовалась его супруга у императрицы, быстро продвигался по службе. Он был произведен в генерал-поручики и 14 мая 1769 года награжден орденом Святого благоверного князя Александра Невского. В начале Первой турецкой войны Брюс находился в армии князя Голицына, командовал частями войск первой линии и участвовал в сражениях под Хотином в 1769 году, в особенности 29 августа и 6 сентября, где Брюс с трудом удерживал натиски турок. После того как Голицын был отозван и на его место назначен граф П. А. Румянцев, брат его жены, Брюс получил в командование 3-ю дивизию и принимал участие в сражении при Ларге, находясь на левом фланге главного каре. В последовавшей затем битве при Кагуле 21 июня 1770 года Брюс был направлен для атаки в тыл правого фланга турецкого ретраншемента. При этом турки окружили со всех сторон каре Брюса и Репнина, храбро и стойко державшихся, пока в результате действий Румянцева турки не потерпели полного поражения. Получив после битвы при Кагуле приказ Румянцева выступить с отрядом к Фальчи, чтобы спешить к штурму Бендер, сообразуя свое движение с отрядом генерала Глебова, Брюс, достигнув 1 сентября Фальчи, остановился ввиду сильного разлития реки Прут от дождей. Румянцев приказал ему

двинуться немедленно далее. Хотя Брюс это и исполнил и дошел до Текуча, но, не имея должного сношения с отрядом Глебова, дал туркам возможность отступить к Фокшанам и, опасаясь один встретиться со значительными силами врага, не решился идти дальше; этими действиями Брюс навлек на себя гнев Румянцева, который ему написал, между прочим: «Мне остается жалеть только о невозвратном времени, когда я должен узнавать, сколько отсутственные мои распоряжения не производят своих действий; всякое мое повеление лежит на моем ответе; напротив, ваше сиятельство одну должность имеете — все то исполнять, что вам повелевается, а за другое, кроме неисполнения приказанного, не потребуется от вас ответа». Брюс обиделся на это письмо, сказался больным, сдал команду Глебову и скоро отправился в Киев, а затем в Петербург, где был пожалован в генерал-адъютанты. В 1771 году ему было поручено, по случаю свирепствовавшей в Москве чумы, принять меры для предотвращения появлениязтой болезни в Петербурге. Брюс принялся за дело энергично, учредил карантины между двумя столицами, строго следил за приезжающими, запретил всякий вывоз товаров из пунктов, зараженных чумою, приказал осматривать и окуривать все привозимые товары и т. д.; благодаря таким мерам чума в Петербург не проникла. Произведенный в 1773 году в генерал-аншефы, Брюс был назначен командовать войсками финляндской дивизии ввиду войны со шведским королем Густавом III. Хотя эта война и не ознаменована особыми успехами нашего оружия на сухом пути, тем не менее Брюс был награжден скоро орденом Святого апостола Андрея Первозванного и после почти одновременной кончины генерал-губернаторов в обеих столицах (князя Александра Голицына в Петербурге и графа Захара Чернышева в Москве), был назначен на их место генерал-губернатором обеих столиц и главнокомандующим войсками в Москве. Из дошедшей до нас переписки императрицы Екатерины с Брюсом, относящейся к этому периоду его деятельности, можно заключить, что Брюс являлся только исполнителем предписаний самодержицы, указывавшей ему постоянно на предметы, о которых он должен был бы озаботиться и сам по своей должности. Из тех же писем видно, что в бытность Брюса губернатором Москвы производилась постройка различных казенных зданий, достраивался Всесвятский каменный мост, приводилась в приличный вид Красная площадь, очищался весь Охотный Ряд, устраивались в связи со сломом стены, окружавшей Белый город, площади в разных местах для торга и т. д. 7 октября 1785 года Брюс получил указ императрицы осмотреть во всех московских

школах, как производится обучение Закону Божьему, в точности ли по догмату православной веры и по каким именно книгам, наблюдая, чтобы не было допускаемо суеверия, развращения и соблазна. Брюс составил для этого особую комиссию из двух светских профессоров и двух лиц духовного звания и доносил Екатерине, что по осмотру ничего предосудительного не оказалось, хотя открылось, что в очень многих пансионах Закон Божий преподается небрежно и даже вовсе не входит в курс обучения. Будучи человеком суровым, Брюс резко осуждал действия своего предшественника, графа Чернышева, и в особенности по отношению к мартинистам. Он прямо заявлял, что будет чинить зло мартинистам, ибо императрица считает их подозрительными, и что вообще солидным людям неприлично принадлежать к их обществу. Масона Лопухина, бывшего председателем Уголовной палаты, он принудил выйти в отставку, неоднократно жалуясь на него императрице. Равным образом, согласно указу императрицы от 23 декабря 1785 года о том, чтобы осмотреть и описать типографию Новикова, из которой «выходит много странных книг», а также испытать в Законе Божьем самого Новикова, Брюс доставил к императрице роспись книг, бывших у Новикова и у него отобранных, замечая в своем письме к Безбородко по этому поводу, что «величайшее число книг сенсировано (т. е. цензурован) духовными, но видится мне, что наши духовные с вашими не единогласны, и что из них одни находят для просвещения, то другие — для развращения». Позднее, в 1786 году, Брюс представил императрице допросные пункты, данные Новикову, и его на них ответы, а также доносил ей, что у Новикова все книги опечатаны и у него более не имеется других экземпляров. Брюса в Москве не любили за его суровость, да и сам он был недоволен пребыванием в городе, где «застарелые обычаи и тьма предубеждений», и благодарил Безбородко в 1786 году за исходатайствованное у государыни разрешение ему приехать в Петербург. После этого, 26 июня 1786 года, Екатерина II подписала, по его просьбе, указ об увольнении его от должности, занимаемой им в Москве, так что он остался только генерал-губернатором в Петербурге, продолжая пользоваться расположением императрицы. Во время своего путешествия в Крым в 1787 году Екатерина посылала Брюсу журнал этого путешествия, чтобы отвратить в столице пустые речи. Немного позже, при возникшей войне с Турциею, Брюс был назначен членом особого совета, в котором обсуждалась вероятность предстоящей войны; затем, при возникшей внезапно войне со Швецией в 1788 году, Брюс был назначен главнокомандующим в столице и Петербургской губернии,

однако должен был производить дела под собственным ведением ее величества. В этом звании Брюс особенной деятельности не проявил. «Яков Брюс, да не тот», — писали о нем современники, сравнивая его со знаменитым дедом, героем нашей книги. Сохранились и нелицеприятные воспоминания, характеризующие личность этого человека. Говорят, Яков Александрович внес предложение о радикальном способе борьбы с дезертирами в армии. На лбу у этих солдат необходимо было, по его мнению, выжигать слово «дезертир». Когда же в качестве возражения ему сказали о возможной ошибке в ходе следствия и что солдат может не быть дезертиром, Брюс хладнокровно ответил, что достаточно добавить на лбу подследственного две буквы «не».

В 1784 году Я. А. Брюс выкупил у вдовы бывшего губернатора Чернышева здание на улице Тверской, 13 и перестроил его в резиденцию губернатора. С тех пор на этом месте находятся органы управления столицы: до революции — резиденция московских губернаторов, в советский период — Моссовет, а ныне — правительство Москвы. Именно здесь от здания по адресу Тверская, 13 до Большой Никитской проходит Брюсов переулок, названный по фамилии владельцев здешних зданий Александра Романовича и Якова Александровича Брюсов.

В советское время этот переулок стал улицей, названной в честь певицы А.В. Неждановой. С возвращением в Москве исторических названий этой улице вернули ее прежнее наименование. В связи с чем неискушенные в краеведении москвичи спрашивали: «Как можно было заменить великую актрису Нежданову на поэта Валерия Брюсова?» — не зная, что Брюсовым переулок стал еще в XVIII веке.

Как показали исследования, это совпадение двух фамилий неслучайно, поскольку прадед В. Я. Брюсова по материнской линии, будучи крепостным крестьянином на оброке, принадлежал Я. А. Брюсу, жил в Костромской губернии и после Указа 1764 года, позволившего крестьянам заниматься коммерческой деятельностью и предпринимательством, стал возить товары в Москву на продажу. Накопив приличное состояние, он выкупился у Якова Александровича. В его вольной указывалось, что он Брюсов крестьянин. Так, бывший крепостной стал основателем довольно известной в XIX — начале XX века династии московских предпринимателей Брюсовых. И дед, и отец, и старший брат поэта В. Я. Брюсова были представителями этой династии. Сам поэт в мемуарах ошибочно отмечал, что является потомком Я. В. Брюса.

О статс-даме Екатерины Великой Прасковье Александровне Румянцевой-Брюс написано немало. Ее портрет можно найти в историческом романе В. Пикуля «Фаворит» и в книге Г. М.

Петрова «Румянцев-Задунайский», в художественных произведениях и в серьезных исторических исследованиях.

Отец Прасковьи Александровны, будучи капитаном гвардии Петра Великого, выполнял особые поручения русского царя. Достаточно вспомнить, что П. А. Толстому и А. И. Румянцеву было поручено разыскать за границей и доставить в Россию царевича Алексея.

Преданность русскому престолу сохранили все Румянцевы.

Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) известен как выдающийся полководец, генерал-фельдмаршал, написавший «Обряд службы», во многом ставший основой будущей теоретической подготовки русской армии. В его подчинении долгие годы служил и выдвинулся как гениальный полководец А.В. Суворов. Сам П. А. Румянцев действительно побеждал не числом, а умением. Это видно по сражениям Семилетней войны при Цорнсдорфе в 1758 году, Кунеисдорфе в 1759 году, ходу военных действий против Турции в 1768–1774 и 1787–1791 годах. Проявил он себя и как искусный дипломат.

Не менее известны имена его сыновей, Николая и Сергея. Один из них явился создателем знаменитой Румянцевской библиотеки (нашим современникам больше известной под названием Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина). Другой — создателем Румянцевского музея.

Прасковья Александровна умерла в 1786 году и похоронена в родовой усадьбе Брюсов — Глинки. Надгробие, установленное на ее могиле, выполнено скульптором И. П. Мартосом и относится к числу лучших работ великого мастера.

Яков Александрович Брюс умер в 1791 году, похоронен в Александро-Невской лавре.

Это был представитель четвертого поколения Брюсов в России.

Пятое поколение оказалось последним.

Трагедия богатой наследницы

Сын Прасковьи Александровны и Якова Александровича Брюсов Иван умер в раннем возрасте.

Дочь Екатерина, родившаяся в конце 1775 года, осиротела в 15-летнем возрасте и оказалась наследницей огромного состояния. Е. П. Карнович отмечает: «Екатерина II хотела женить Мамонова (своего фаворита) на графине Брюс и в 1789 году писала ему: «Дочь графа Брюса составляет в России первейшую, богатейшую и знатнейшую партию, женись на ней». Отношение москвичей к богатствам Е. Я. Брюс и Н. П. Шереметева выразил одной фразой Н.Н. Бантыш-Каменский в письме 1 декабря 1792 года к князю А. Б. Куракину, имея в виду Шереметева: «Москва его женит на Брюсовой».

Однако судьба распорядилась иначе. Незадолго до смерти Я. А. Брюс обратился к другу генерал-фельдмаршалу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину с просьбой взять под опеку Екатерину. В 1793 году опекун выдает Екатерину замуж за своего сына Василия Валентиновича, ее троюродного брата, который добивается того, чтобы к его фамилии в 1796 году была добавлена приставка «Брюс». Видимо, знатность и богатство рода, которых удалось достичь к тому времени четырем поколениям Брюсов, очень прельщали мужа Екатерины. Брак с Мусиным-Пушкиным-Брюсом оказался несчастливым, так как мужа совершенно не интересовала молодая жена, а Екатерину тяготили родственные узы с мужем. В письме императору Александру I в 1804 году она писала, что брак «…по степени родства крови был совершен против законов супружества… против правил святых отец». В 1796 году она уезжает в Италию.

После смерти императрицы Екатерина Яковлевна обратилась с прошением к Павлу I, где сообщила: «Уведомилась я, что муж мой вступил без ведома моего в наследственные мои права и принял фамилию отца моего». В начале 1800 года она подает прошение, «чтобы имения ея разделено было на три части, из которых одну назначала она для своего содержания, другую в пользу мужа, а остальную на уплату состоящих за ея долгов». Однако Павел 119 мая 1800 года на это прошение «повелел: имение привести в законное положение и уничтожив все сделки… с законными правами не согласныя возразить его в ея пользу, долги заплатить не касаясь частей имения праву последних в роде принадлежащаго… определить опекунами сенаторов Державина и Алябьева». Так известный поэт и отец будущего композитора становятся опекунами Екатерины Яковлевны и

приводят в порядок ее имения.

В 1804 году Екатерина приезжает в Москву и подает на имя императора Александра I прошение о расторжении брака. В просьбе было отказано. Екатерина Яковлевна, вернувшись в Италию, через поверенного начинает продажу земель и имущества, принадлежавших ей в России. В этот период она занимается благотворительной деятельностью. Через Санкт-Петербургский банк в России с 1818 года ее пожизненными пенсионерами стали как минимум 55 человек, и, кроме того, значительная сумма была ею положена в том же банке на счет Санкт-Петербургского Николаевского сиротского института. В Италии она вступила в гражданский брак, в котором было у нее двое сыновей — графы Гритти, Камилл и Александр. Им она и завещала все свое состояние. Умерла Екатерина Яковлевна в Париже в 1829 году.

Со смертью Е. Я. Мусиной-Пушкиной-Брюс пресеклась российская ветвь рода Брюсов.

Часть вторая
ЯКОВ ВИЛИМОВИЧ БРЮС. СТАНОВЛЕНИЕ

Начало службы русскому царю

Яков Вилимович Брюс родился в Москве 1 (11) мая 1669 года. Он был на три года старше Петра I. Они были людьми одного поколения. Может, это и повлияло на их сближение в 1690-е годы. Во всяком случае, по духу, по стремлению всегда постигать что-то новое, чему-то постоянно учиться они были, безусловно, схожи.

Одно время считалось, что Петр и Брюс были знакомы в детские годы. Предполагали даже, что с 1683 года Я. В. Брюс был записан в потешные войска, впоследствии ставшие гвардейскими. Однако это утверждение не подтверждается документально, поскольку нигде не упоминаются гвардейские звания Брюса, которые при Петре сохранялись на всю жизнь и сопровождали каждого военного, в каком бы чине он ни находился и кем бы ни служил. Кроме того, необходимо учитывать, что 11-летний Петр привлекал в потешные бои жителей смежных сел Семеновского и Преображенского и, естественно, группу конюхов, которые постоянно Петра сопровождали, в их числе были и будущие первые русские солдаты Сергей Бухвостов, впоследствии плац-майор, и Аким Воронин, погибший во время Азовского похода 1695 года. Из Немецкой слободы для участия в потешных боях привлекались только специалисты, инженеры и опытные военные. Причем было это уже в начале 1690-х годов.

Военную службу в русской армии Яков и Роман начали в 1686 году прапорщиками. Они принимали участие в первом и втором Крымских походах 1687 и 1689 годов, где войсками командовал князь В. В. Голицын. За первый Крымский поход оба брата получили награды — «…по ползолотому в золотом», поместьями в 120 четей[1] земли и от 8 до 30 рублей деньгами.

И это было справедливо, несмотря на неудачу. Об этом походе Ф. Лефорт пишет: «…никогда ни одна армия не страдала столько, как эта здесь.

От реки Мерля пошли мы к реке Коломаку, где трава росла в изобилии, равно как и близ рек Орчики и Липянки. Спустя несколько дней достигли мы прекраснейшей реки, какую только можно видеть: она называется Орель; оба берега ее покрыты великолепными лесами, где во множестве водятся всякого рода звери: олени, вепри, медведи, дикие бараны и другие. Здесь мы простояли некоторое время; затем приблизились к реке Кильчену и, наконец, к весьма красивой реке Самаре, с не совсем, впрочем, здоровою водою. Пройдя еще несколько речек, добрались мы до реки Конская Вода, скрывавшей в себе сильный яд, что

обнаружилось тотчас же, как из нее стали пить. Эта вода для многих была пагубна, смерть произвела большие опустошения. Ничего не могло быть ужаснее мною здесь виденного. Целые толпы несчастных ратников, истомленные маршем при палящей жаре, не могли удержаться, чтобы не глотать этого яда, ибо смерть была для них только утешением. Некоторые пили из вонючих луж или болот; другие снимали наполненные сухарями шапки и прощались с товарищами; они оставались там, где лежали, не имея сил идти от чрезмерного волнения крови. К довершению несчастия, наш великодушный князь, боярин В. В. Голицын, не позволял сворачивать с дороги, хотя мы уже не имели травы, потому что все степи были выжжены. Мы достигли реки Ольбы, но и ее вода оказалась ядовитою, а все кругом было уничтожено: мы видели только черную землю да пыль и едва могли рассмотреть друг друга. К тому же вихри свирепствовали постоянно. Все лошади были изнурены и падали во множестве. Мы потеряли голову. Искали повсюду неприятеля или самого хана, чтобы дать ему сражение. Захвачены были несколько татар и сто двадцать из них и более были истреблены. Пленные показали, что хан идет на нас с 80 000 татарами. Однако и его полчище жестоко пострадало, потому что до Перекопа все было выжжено.

Наш генералиссимус, невзирая на то, пошел вперед к реке Анцике, куда посланы были некоторые отряды, ничего, впрочем, не сделавшие. Армия расстроилась вконец; все роптали, потому что болезни свирепствовали страшно; артиллерию везли те солдаты, которые еще не совсем изнурились. Наш князь был в отчаянии оттого, что не мог достигнуть Перекопа, что оказывалось, действительно, невозможным, да, правду сказать, не было и нужды в том: и без сражений смерть довольно потрепала нас. Она похитила лучших наших офицеров, между прочим, трех полковников: Во, Фливерса, Бальцера, и до двадцати немецких подполковников, майоров и капитанов. Мы напрягли последние силы, чтобы добраться до речки Янчакрака. Здесь армия очутилась в бедственнейшем положении. Вода повсюду была черная, в малом количестве и нездоровая; жара стояла невыносимая; дождя не выпало, ни капли; во весь поход ни следа травы; и солдаты, и лошади едва тащили ноги. Наш генералиссимус был вне себя и, могу Вас уверить, горько плакал. Собрались все генералы на военный совет.

Не могли понять, как удалось татарам выжечь всю траву. Подозревали гетмана казаков в соумышлении с татарским ханом. Это оказалось справедливым, и он был схвачен с двумя сыновьями. Слетело несколько голов, а гетмана и сыновей его

сослали в Сибирь. Мазепу назначили гетманом».

Такова безрадостная картина первого Крымского похода. Обращу внимание на два обстоятельства в связи с этим событием.

Первое. Выжженная степь. Выжженная до начала похода армии В. В. Голицына. Хотя всем нам хорошо помнится картина из учебников по истории и описаний этого похода о том, как татары подожгли степь: «… люди Голицына заметили… дым вдоль горизонта. Татары жгли степь, чтобы лишить корма лошадей и волов в русском лагере. Огонь приближался по высокой траве, оставляя за собой почернелую, дотлевающую стерню. Временами огонь подходил вплотную к колоннам, окутывая дымом людей и животных и грозя подпалить громоздкий обоз. Терпя такие мучения, русская армия ползла на юг, пока в шестидесяти милях от Перекопа Голицын не решил остановиться. Армия повернула назад».

Это описание первого Крымского похода, сделанное одним из самых авторитетных исследователей Петровской эпохи Робертом К. Масси, труд которого долгое время распространялся среди историков нашей страны в виде рукописных переводов. Как видим, штамп однажды сочиненный о трагедии этого похода с горящей степью, наложил свой отпечаток даже на такое авторитетное исследование.

Участник же событий Франц Лефорт справедливо указывает, что от выжженной степи пострадали и сами татары. Поэтому вполне возможно, что гетман, желая не допустить в степь ни русских, ни татар, самостоятельно принял решение о применении тактики выжженной земли. Во всяком случае, татарам это было ни к чему.

И второе. Такой неудачный поход, по мнению самого Голицына и правительницы Софьи, оказался весьма успешным, поскольку главными его задачами были — выполнение союзнических обязательств и оттягиванию на себя сил турецкого султана. При этом Петр Алексеевич, как об этом сообщает тот же Лефорт, не захотел даже встретить вернувшееся войско, считая поход крупной неудачей. К тому времени противостояние Петра с Софьей было достаточно серьезным.

От армии Голицына совсем не требовалось взятия Перекопа, крепости на самом деле неприступной даже для армий XX века. Задача, стоявшая перед русским правительством в 1687-м и позже в 1689 году, состояла в участии в войне против Турции с целью оттягивания на себя войск Порты, что было предусмотрено союзническим договором России со Священной Австрийской империей. Эта задача армией Голицына была успешно выполнена.

«Сей поход принес большую пользу Австрии, ибо разрушил союз, заключенный в Адрианополе между крымским ханом, французским послом и славным трансильванским принцем Текели. По сему союзу хан должен был дать 30 000 войска в помощь верховному визирю при вступлении его в Венгрию; сам же хан с таковым же числом должен был вместе с Текели напасть на Трансильванию. Франция обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусных офицеров».

(Пушкин А.С. История Петра Великого).

Поэтому и были награждены все участвовавшие офицеры, в том числе и братья Брюс.

За участие во втором Крымском походе Яков Брюс пожалован поместьем 130 четей земли и 15 рублями денег.

Личное знакомство Петра с Брюсами состоялось после второго Крымского похода в сентябре 1689 года. И связано это с разрешением кризисной ситуации, завершившей противостояние Петра и Софьи. 8 августа Петр, напуганный известием о том, что стрельцы якобы готовы по приказу царевны Софьи выступить против него, выехал в Троицу, следом за ним прибыло в монастырь и его окружение. Таким образом, образовалось два центра противостояния: Кремль с Софьей и Троицкий монастырь с 17-летним Петром. В ходе четырехнедельного противостояния все разрешилось в пользу Петра, и определяющим фактором в этой борьбе оказался приход в монастырь в поддержку Петра отряда иноземцев, несмотря на угрозу смертной казни, объявленную Софьей. Этим отрядом руководил шотландец по происхождению генерал Патрик (Петр Иванович) Гордон. Яков Брюс состоял в отряде поручиком. Прибытие в монастырь отряда П. Гордона состоялось 5 сентября 1689 года. Отряд иноземцев в полном составе был представлен Петру, который пожаловал их «к руке», спрашивал о здоровье и из собственных рук поднес по чарке вина. Так началась служба Я. В. Брюса непосредственно Петру Алексеевичу. За участие в походе к Троицкому монастырю, где, «живучи в Троицком монастыре, государское здоровье оберегали и в людских харчах и в конских кормах великую нужду и убытки терпели», Брюс был пожалован поместьем от 160 до 270 четвертей земли и деньгами от 16 до 37 рублей.

Конечно, говорить о том, что поручик Брюс и молодой царь сразу стали близки друг другу, излишне. Служба Якова Вилимовича проходила под непосредственным командованием П. Гордона, который, как следует из его дневника, 17 сентября 1689 года был вызван царем в Александровскую слободу, где

показывал ему учение солдат. 18-го Гордон проводил перед государем конное учение и боевую стрельбу. Такие же учения проходили 19-го в 10 верстах от слободы, в Лукьяновой пустыни, 20 и 21 сентября — в поле. В этих «марсовых потехах» поручик Брюс, безусловно, принимал участие.

В начале октября, после переселения Софьи в Новодевичий монастырь, Петр вместе со свитой и войсками возвращается в Москву. В этот период происходят новые назначения на государственные должности и учреждение полков, которым в будущем суждено будет вытеснить стрельцов. Всего было образовано 4 полка, в каждом из которых было по восемь тысяч человек. Первый — Гордона, второй — Лефорта, третий — Преображенский, четвертый — Семеновский. Позже Преображенский полк был распределен по кораблям на морскую службу.

Жизнь в Москве сопровождалась смотрами и учениями. Так, 22 февраля 1690 года, по случаю рождения наследника престола Алексея, в Кремле прошел смотр полков, закончившийся стрельбой. На следующий день, в воскресенье 23 февраля, совершено было над царевичем таинство крещения в Чудовом монастыре, а в 4 часа пополудни приходили с поздравлением два солдатских и остальные шесть стрелецких полков с той же церемонией, что и накануне.

Следующий парад войск, о котором сообщает П. Гордон, проходил в селе Воскресенском на Пресне. Царь выехал туда 26 февраля. По случаю Масленицы в Воскресенском был устроен фейерверк. Празднество началось пальбой из пушек, сначала из каждой в отдельности по два выстрела в цель, а потом залпами из всех пятидесяти холостыми зарядами. Затем происходил парад войск. Войска проходили перед государями маршем, а затем, разделясь на два отряда, произвели нечто вроде примерного сражения, сопровождавшегося пальбой залпами. Когда стемнело, зажгли фейерверк на переднем дворе Пресненского дворца, он горел в течение двух часов. Затем на внутреннем дворе этого дворца был сожжен другой фейерверк, еще больших размеров, приготовленный самим царем и продолжавшийся три часа. По всей вероятности, техническую сторону обустройства обеспечивал зять П. Гордона Рудольф Страсбург (умер в 1692 году), который занимался фейерверками и «гранатным делом».

В мае того же 1690 года в Преображенском происходили особенно энергичные военные упражнения, о которых пишет в своем дневнике П. Гордон. 12 мая — учение конницы; 15 мая конница упражнялась с оружием; 22 мая конница маневрировала. Это была подготовка к очередному потешному сражению, которое

состоялось 2 июня и едва не закончилось несчастьем. Брали штурмом двор в селе Семеновском. В дело были пущены ручные гранаты — глиняные горшки, начиненные порохом. Одну из таких гранат разорвало около Петра и опалило ему лицо. Гордон и несколько стоявших поблизости генералов были легко ранены.

Это происшествие несколько прервало череду учений и военных потех, которые возобновились 4 сентября. В этот день устраивались маневры, в ходе которых Стремянной стрелецкий полк сражался против потешных, семеновской пехоты и конницы московского дворянства. Еще два стрелецких полка действовали один против другого. Через неделю, 11 сентября, потешные бились со стрельцами Сухарева полка. Бои чередовались веселыми пирами. Трудно сказать, был на этих пирах Яков Брюс, но в сражениях он, подчиненный генерала П. Гордона, наверняка участвовал.

В октябре следующего, 1691 года в окрестностях Семеновского и Преображенского состоялись большие маневры, более известные как второй Семеновский поход. 6, 7 и 9 октября армия под предводительством «генералиссимуса» Ф. Ю. Ромодановского противостояла нападениям грозной армии другого «генералиссимуса» И. И. Бутурлина.

В 1692 году Яков Брюс получает новое назначение. Он переводится в Белгородский полк, командиром которого с 1688 года был Борис Петрович Шереметев. Так начинается служба Якова Вилимовича под командой Шереметева, переросшая впоследствии в крепкую дружбу.

В следующем, 1693 году Брюс пожалован в ротмистры, т. е. становится капитаном кавалерии.

Именно об этом периоде в жизни Петра А. Г. Брикнер, ссылаясь на исследования Н. Г. Устрялова, сообщает: «Подобно отношениям с Гордоном, Лефортом и бароном Келлером, было существенно и влияние других иностранцев. От сына голландского купца, занимавшегося в царствование Михаила Федоровича горным промыслом в России, Андрея Виниуса, Петр также узнал очень много сведений о Западной Европе. Виниусу давались посольские поручения, он перевел несколько книг на русский язык, составил географическое исследование, был дипломатическим агентом в Малороссии, заведовал Аптекарским приказом и в царствование Петра управлял почтами. В этой должности он мог быть прекрасно осведомленным обо всех событиях. Петр часто бывал в его обществе и охотно пользовался его многосторонними техническими знаниями в горном деле и в кораблестроении, выписывал из-за границы через посредство Виниуса модели и инструменты, ремесленников и книги. Он

поручал ему переводить голландские книги, приготовлять пушки и порох, устраивать оружейные заводы. Впоследствии Виниус основал Морскую школу.

Среди лиц, в обществе которых находился Петр в первые годы после государственного переворота 1689 года, встречаем мы еще Георга фон Менгдена, бывшего полковником того самого полка, в котором сам царь числился сержантом, потом майора того же Преображенского полка Адама Вейде, весьма опытного в инженерном деле, затем капитана Якова Брюса и переводчика Посольского приказа Андрея Кревета, которому Петр давал поручения, однородные с Виниусом».

Поездки Петра в Архангельск

4 июля 1693 года Петр I отправляется в поездку в Архангельск, ставшую знаменательной и для нашего героя. Вот что сообщает о составе делегации М. М. Богословский: «4 июля на рассвете Петр выехал из Москвы. Его сопровождала большая свита, в состав которой входили бояре князь Б. А. Голицын, князь М. И. Лыков, Ю. И. Салтыков, В. Ф. Нарышкин, А.С. Шейн, князь К. О. Щербатой, князь М. Н. Львов, кравчий К. А. Нарышкин, генерал Лефорт, думный дворянин Ф. И. Чемоданов, постельничий Г. И. Головкин, ближние стольники князь Ф. Ю. Ромодановский и И. И. Бутурлин (оба генералиссимусы), князь Ф. И. Троекуров, Ф. М. Апраксин, Ф. Л. Лопухин, С. А. Лопухин, 18 стольников, неизменный спутник Петра во всех походах думный дьяк Н. М. Зотов, дьяки Виниус и Воинов, доктор Захарий фон-дер-Гульст, крестовый священник Петр Васильев с восемью певчими, двое карлов — Ермолай и Тимофей, сорок стрельцов при трех капитанах во главе с полковником Сергеевым…. Кроме стрельцов, Петра сопровождали 10 человек потешных с трубачом. Всего свита доходила до 100 человек. Здесь был и капитан кавалерии Яков Брюс, отозванный из полка Шереметева Петром».

Архангельск был единственным морским портом, находившимся на территории Российского государства. Как порт он был открыт англичанами в 1553 году. В поисках северного пути в Индию английские корабли двигались тогда вдоль побережья Северного Ледовитого океана, обогнув Скандинавию, Кольский полуостров, они оказались в Белом море, где и была выбрана стоянка для судов — тихая бухта, названная в честь архангела Михайла — архистратига, который считается покровителем воинов, бьющихся за правое дело, кроме того, считается, что этот святой охраняет небесные врата рая. Именно так англичане воспринимали порт Архангельск. Обнаружили они здесь и «индийцев» — жителей побережья Белого моря — поморов, занимающихся рыбным и охотничьим промыслом. Пушнина оказалась не менее ценна, нежели драгоценности Индии. Так англичане, а затем и голландцы налаживают товарообмен с поморами, превратив Архангельск в настоящие врата рая — единственное для России окно в Европу. Именно через Архангельск поступали на территорию страны иностранные товары, выезжали торговать по России и иностранные купцы. Правда, Новоторговый устав 1667 года запретил розничную торговлю иностранных купцов на территории страны, поэтому в Архангельске шла торговля оптовая. Русские купцы закупали

товар у иностранцев и везли его для реализации по стране. В Архангельске было даже построено огромное каменное здание, более версты в окружности, обороняемое со стороны Двины шестью башнями с бойницами, валом и палисадом.

Период навигации был достаточно коротким. Иностранным судам едва хватало времени добраться до Архангельска, отгрузить товары и вернуться. Поэтому Петр Алексеевич, отправляясь в Архангельск, должен был застать приход иностранных купеческих караванов.

Путь в Архангельск занял почти целый месяц. 30 июля царский карбас остановился у Моисеева острова, где был специально для приезда Петра построен дворец.

Через неделю, 4 августа, иностранные торговые корабли снялись с якоря, чтобы отправиться из Архангельска. Таким образом, Петру удалось застать караван английских и голландских торговых судов, пришедших в Архангельск в сопровождении немецкого военного корабля. Излишне говорить о впечатлениях молодого царя от увиденного, и так влюбленного в море, в кораблестроение.

Петр планировал совершить путешествие на яхте «Святой Петр» на Соловецкий монастырь. Однако он решает изменить планы, чтобы на своей яхте сопровождать иностранные корабли на выходе из бухты до пределов Северного Ледовитого океана. В эти шесть дней плавания Петр загорелся мечтой о морской флотилии.

Однако после отплытия торговых кораблей Петр решил дождаться прихода новых товаров, которые обычно поступали в Архангельск к Успенской ярмарке. Ждать пришлось целый месяц, поскольку торговая флотилия прибыла 10 сентября. До 17 сентября устраивались праздничные мероприятия с фейерверками и балами.

Петр назначает Ф. М. Апраксина воеводой Архангельска, оставляет в помощь ему Брюса с тем, чтобы к следующей навигации осуществить спуск нового корабля, киль которого он заложил самолично. Кроме того, был заказан новый корабль голландскому купцу Витзену. Это должно было стать основой для российского торгового флота в Архангельске.

Петр выехал из Архангельска с намерением вернуться в следующую навигацию в мае 1694 года. К этому сроку должны были быть завершены строительные работы и спущен на воду первый корабль «Святой Павел». Словом, оставшиеся осенью 1693 года в Архангельске специалисты должны были упорно трудиться, чтобы встретить Петра в мае следующего года во всеоружии. Вероятно, их работой царь остался доволен.

Вторая поездка в Архангельск была более внушительной: 22 баржи, 300 человек свиты, 24 корабельные пушки, 1000 пищалей, множество бочек с порохом и еще больше бочек с пивом. Высшие морские чины получили ближайшие сподвижники: Ф. Ю. Ромодановский стал адмиралом, И. И. Бутурлин — вице-адмиралом, П. И. Гордон — контрадмиралом. Сам Петр избрал звание шкипера, намереваясь принять командование голландским фрегатом, заказанным Витзену.

Выезд из Москвы состоялся в конце апреля, и уже 18 мая флотилия Петра достигла Архангельска.

Первым делом Петр отправляется к месту строившегося там корабля и убеждается в том, что тот к спуску готов. Спуск состоялся 20 мая.

Именно тогда царь совершил знаменитое путешествие в Соловецкий монастырь, едва не завершившееся трагически. Только благодаря искусству местного кормчего Антипа Тимофеева, выведшего яхту «Святой Петр» в бурю через Унские рога — два ряда далеко вдающихся в море подводных камней — в Унскую бухту к Пертоминскому монастырю, трагедии удалось избежать.

Побывав в Пертоминском, а затем и Соловецком монастырях, 13 июня яхта «Святой Петр» вернулась в Архангельск.

Ожидаемый из Голландии корабль прибыл 11 июля и был назван «Святой Павел».

Обладая уже двумя кораблями на Белом море и ожидая прибытия третьего, Петр мечтает о постройке у Архангельска целого флота. Виниусу было поручено достать из Амстердама от того же Витзена чертежи и размеры голландских кораблей. Виниус, однако, не мог удовлетворить запросы царя. «Со вчерашнею, государь, почтою, — пишет он Петру 9 июля, — из-за моря бурмистр Витцен писал ко мне, что он в книге своей не описал меру о кораблях и о яхтах меры против кила для того-де, что той меры описать было невозможно, затем, что всякой корабелной мастер делает по своему рассуждению, как кому покажется, и чтоб для примеру доброго розмеривания изволил бы ваше царское величество указать розмерить тот корабль, на котором Ян Флам пошел к Городу и куплен про вашу, великих государей, потребу. А тот-де корабль зело хорош и розмерен зделан, и против того карабля розмеру возможно иные суды делать». Петр не соглашается с такими доводами, возражает, указывая на разные типы судов, чем выдает свои познания в кораблестроении. Встреченное на пути препятствие не уменьшает его движение к намеченной цели, и он продолжает настаивать на своем — «сыскать размеры судов разных типов».

Только находясь в Голландии и работая на судоверфях в Саардаме — центре кораблестроения Голландии, Петр поймет, почему Витзен прислал такой ответ. И это, кстати, будет поводом для вызова в Европу в состав Великого посольства Я. В. Брюса. Но будет это только в 1697 году.

Третий корабль прибыл в Архангельск 19 июля. Это был 44-пушечный фрегат «Святое пророчество», на котором впервые был поднят новый русский флаг — красно-синебелый, представлявший собой вариацию голландского флага (красно-бело-синий), под которым он пришел.

Кожуховский поход

В сентябре Петр возвращается в Москву и сразу начинает подготовку к очередной «марсовой потехе», вошедшей в историю как Кожуховский поход.

Участвовавшие в походе войска, как и во время предыдущих маневров, были разделены на две армии под командой прежних генералиссимусов: И. И. Бутурлина, на этот раз почему-то шутливо называвшегося «польским королем», и князя Ф. Ю. Ромодановского. Сборными пунктами армий перед выступлением на маневры были назначены: для бутурлинских войск — село Воскресенское на Пресне, для войск Ромодановского — село Семеновское. Отсюда те и другие войска должны были двигаться на Кожуховские поля. 23 сентября, в воскресенье, состоялось выступление армии И. И. Бутурлина. Это было торжественное шествие, очень живописное и, вероятно, привлекшее большое количество зрителей. Войска двигались через Москву по Тверской улице, затем прошли через Кремль, вышли из Кремля через Боровицкие ворота, а оттуда через Каменный мост и Серпуховские ворота к укрепленному городку. Впереди ехали повозки с запасами. За ними шли пять стрелецких полков: впереди Стремянный Сергеева, далее полки Дементьева, Жукова, Озерова и Макшеева, одетые в длинные стрелецкие кафтаны и широкие шаровары, с небольшими касками на головах. Стрельцы были вооружены ружьями и тупыми копьями. Шестой стрелецкий полк Дурова отправлен был заранее вперед для караула в городок и для устройства обоза. За стрелецкими полками шел отряд пехоты, составленный из подьячих. За пехотой шла конница: одиннадцать конных рот, сформированных также из подьячих, и две роты, набранные из дьяков. За ними — рота есаулов, составленная из стольников. За стольниками ехал со знаменем воевода Ф. П. Шереметев, потом везены были булава и знак. Наконец, следовал сам генералиссимус в мундире, сделанном наподобие французского кафтана, на богато убранном коне. По обеим сторонам его шли 16 человек с алебардами. Генералиссимуса сопровождала большая свита, так называемые «завоеводчики», среди которых находились представители знатнейших московских фамилий. Прибыв на место своего назначения, генералиссимус приказал окружить ретраншемент еще новыми укреплениями и назначил туда комендантом генерала Трауернихта. Всего под командой Бутурлина насчитывалось 7500 человек. 26 сентября выступила из Семеновского, где она сосредоточилась еще с 24-го, армия

Ромодановского. И это было также шествие через Москву, не менее великолепное и также не без некоторой примеси маскарада и шутовства, какими и впоследствии будут отличаться процессии, устраиваемые Петром. Шествие проследовало по Мясницкой, также через Кремль, через Боровицкие ворота и Каменный мост. Впереди шел во главе роты «гамаюнов» (?), составленной из дворовых людей, царский шут Яков Тургенев, носивший титулы «знатного старого воина и киевского полковника»; рота его была вооружена самопалами, а на знамени был изображен его дворянский герб: коза. За отрядом Тургенева следовал сибирский царевич с двумя конными ротами. За ним двигался отряд Лефорта: 12 всадников в панцирях, 12 верховых лошадей Лефорта в богатых уборах, далее запряженная парой его карета, по сторонам которой шли 6 гайдуков в красных венгерских кафтанах, длинных шапках и с топориками в руках; рота гранатников с ружьями, имея с левого боку сумы с ручными гранатами, и, наконец, сам генерал Лефорт, ехавший в богатой одежде впереди восьми рот своего полка. Эти роты шли с распущенными знаменами, при звуке труб, флейт и при барабанном бое; солдаты были вооружены часть ружьями, часть копьями. За отрядом Лефорта двигался отряд Гордона, вели пять верховых лошадей его конюшни, потом следовала рота гранатчиков, за ними везли на телеге мортиру, и, наконец, ехал сам генерал впереди девять рот своего полка. У второй роты прикреплены были к ружьям деревянные штыки с тупыми концами. Бутырский Гордонов полк шел также с военной музыкой. За Бутырским полком следовали Преображенский и Семеновский полки. Перед Преображенским полком шли бомбардиры Петр Алексеев, князь Ф. Троекуров и И. Гумерт. Вслед за Семеновским полком ехала конница: 3 роты гусар в шишаках и латах, «от головы до ног в железе», рота палашников, рота конных гранатчиков. За гранатчиками двигалась «карета великая о 6 возниках» (лошадях). За ней рота карлов, человек двадцать пять, которой командовал карла же Ермолай Мишуков в красном немецком платье и в английской шляпе с перьями, за карлами — рота есаулов. Потом — воевода у знамени — боярин А.С. Шейн и, наконец, сам генералиссимус в богатом наряде на пышно убранном коне. Его сопровождали «дворовый воевода» князь Черкасский и свита из 40 «завоеводчиков» из знатнейших дворян. За свитой двигались два рейтарских полка по 8 рот в каждом; рейтары держали карабины дулами вверх. За конницей следовала артиллерия: пушечного наряда и пороховой казны воевода С. И. Салтыков с шестью пушками и шестью мортирами.

Артиллеристы были в мундирах с золочеными орлами на

груди и на спине. В хвосте процессии везены были большой набат, литавры и воинские обозы. Один из источников, откуда мы берем сведения о Кожуховском походе, Желябужский, при описании процессии упоминает еще о государевой карете, в которой сидели боярин М. С. Пушкин и думный дьяк Н. М. Зотов. Карету сопровождали в пешем строю стремянные конюхи в нарядном платье, за ними двигалась конная рота «нахалов», набранная из боярских холопей, а за нею — сформированная из таких же холопей рота «налетов». В основном источнике — «Известном описании» — этих подробностей нет. «Маршировали мы, — замечает об этом шествии в своем дневнике Гордон, — в порядке и во всем блеске». Пройдя через Серпуховские ворота, войска князя Ромодановского направились к Данилову монастырю и, вновь переправившись по Даниловскому мосту на левый берег Москвы-реки, расположились у Симонова монастыря лицом к реке, левым флангом опираясь на Кожухово, а правым занимая урочище Тюфелево (теперь Тюфелева роща). Из приведенных выше описаний шествий той и другой армий, сохраненных нам современниками, видно, что, как и на прежних маневрах, под командой Бутурлина было сосредоточено старое московское войско, под командой Ромодановского — полки нового строя.

М. Д. Хмыров указывает, что Я. В. Брюс участвовал в Кожуховском походе «и находился поручиком при второй роте второго рейтарского полка армии потешного генералиссимуса кн. Фед. Юр. Ромодановского. В тех полках и ротах, — поясняет современное описание, — были рейтары, все стольники и стряпчие люди, к войне искусные; в роте по 30 человек и большие начальные люди были в немецком платье, вынув сабли и шпаги наголо».

На самом деле в армии Ромодановского действительно были сконцентрированы более «к войне искусные», да к тому же и владевшие инициативой подразделения, нападавшие на Прешбург — потешную крепость, сооруженную на берегу Яузы. Исход сражения был предопределен заранее, иначе это не была бы потеха. И все-таки Кожуховский поход в некоторой степени был настоящими маневрами, где отрабатывались приемы наступления, осады и штурма крепости и обоза. Ведь при взятии Прешбурга брали крепость приступом, засыпая рвы, взбираясь на валы по штурмовым лестницам, затем упражнялись в правильных осадных работах, строя редуты, делая апроши, закладывая мины под неприятельские укрепления и взрывая их. Поэтому называть это только потехой нельзя. По сути, взятие Прешбурга стало первой репетицией взятия Азова. Второй, генеральной

репетицией оказался поход на Азов в 1695 году.

Первый Азовский поход

Накануне первого Азовского похода, в январе 1695 года, Яков Брюс произведен в чин майора, а 24 января он женится на Маргарите фон Мантейфель (в России ее величали Марфой Андреевной), дочери генерала Цёге фон Мантейфеля, выходца из Прибалтики. Посаженым отцом на свадьбе был сам царь.

Вскоре после свадьбы Петр Алексеевич приказывает снаряжать армию в поход на Азов, куда отправляется и Брюс.

Однако из письма Ф. Лефорта брату от 22 марта 1695 года следует, что мы «ждем, когда вскроются реки, чтобы выступить для осады Азова». Хотя в дневнике Гордона указывается на отправку его отряда из Москвы к Тамбову 7 марта. В Тамбове отряд был уже 18-го числа. К Азову отряд П. Гордона, состоявший из Бутырского полка и семи московских стрелецких полков, подошел 27 июня. В связи с походом отряда П. Гордона, проходившем сухопутным путем, отметим интересное обстоятельство, зафиксированное в «Дневнике» П. И. Гордона. После переправы на левый берег Дона 16 июня Гордон получил письмо от атамана Фрола Миняева с вестями об Азове, добытыми через казацких лазутчиков. Лазутчики донесли, что к Азову пришло много кораблей и галер, которые подвезли большое количество войска. При их прибытии турки с радостью сделали залп и 40 выстрелов из крупных орудий. На помощь городу собралось необыкновенно большое количество конницы от всяких народов, которая расположилась лагерем вне города: лазутчики видели необъятное множество шатров и палаток. Поэтому казаки советовали Гордону не идти дальше, но остановиться на реке Сужати или в другом каком-либо надежном месте и написать обо всем государю.

Гордон все же принимает решение двигаться дальше к Азову. Позже, 21 июня, Фрол Миняев сам прибывает к Гордону и привозит с собой пленного грека, сообщившего о тех огромных приготовлениях, которые проходятся в Азове для отражения русской армии.

Вполне возможно, что Петр и не предполагал, какая сила может быть сконцентрирована в крепости против русской армии. Неслучайно Ф. Лефорт позже отметит: «Если бы Его Царское Величество знал, что гарнизон был таким большим, то мы бы взяли больше людей».

Фактически поражение под Азовом в 1695 году было предопределено уже этим обстоятельством. Естественно, наложила свой отпечаток и неопытность русского командования,

и разобщенность в действиях русских генералов — Гордона, Лефорта, А. М. Головина. В какой-то степени повлияли на неудачу под Азовом и действия группы военных инженеров, руководившей проведением осадных работ.

А.С. Пушкин указывает, что в войске вообще не было искусных инженеров, а начальствовавший артиллерией гвардии капитан голландец Якоб Янсен оказался предателем. Однажды ночью, заколотя пушки, он перебежал в Азов.

М. М. Богословский сообщает на основании сведений Н. Г. Устрялова, что «инженерами в первом Азовском походе были Франц Тиммерман, Адам Вейде и Яков Брюс. Из того, что во время движения по Волге Тиммерману был предоставлен особый струг, Устрялов не без основания догадывается, что именно Тиммерман был между ними главным».

Поскольку инженеры плыли на отдельном струге, можно предположить, что во время этого путешествия по Волге они обсуждали с Петром план будущей осады. Возможно, тогда-то Петр и увидел незаурядные качества Якова Вилимовича. Во всяком случае, Брюс попадает в ближайшее окружение Петра. Об этом свидетельствует письмо Петра Ромодановскому от 18 июня, отправленное после того, как волоком «флотилия» Петра перебралась с Волги к Дону и отправилась непосредственно к Азову.

Письмо подписано шутливой подписью: «Нижайшии услужники пресветлого вашего величества: Ивашка меншой Бутурлин, Яшка Брюс, Фетка Троекуров, Петрушка Алексеевъ, Ивашка Гумерт чолом бьют».

По всей вероятности, число инженеров не ограничивалось названными Тиммерманом, Вейде и Брюсом. Тот же М. М. Богословский рассказывает на основании «Дневника» П. Гордона о гибели иностранных инженеров во время вылазки, предпринятой турками из Азова 18 августа, «фейерверкера Доменико Росси и его товарища Джона Робертсона», а также гибели 15 августа инженера Иосифа Мурлота, только что прибывшего из Швейцарии. Последнего А. Г. Брикнер называет швейцарцем Морло.

Вообще Брикнер довольно подробно представляет недочеты работы иностранных инженеров во время осады Азова, считая, что «они все были неспособны и не знали своего дела. Когда, между прочим, был заложен подкоп, то, вопреки настояниям Гордона, сделали ошибку и зажгли его слишком рано. Вместо того чтобы причинить вред туркам, было убито значительное число русских солдат. Это вызвало среди солдат большое смущение и неудовольствие против иностранцев». При этом Брикнер

добавляет, «что Адам Вейд (так его называет Брикнер), неопытности которого приписывалась неудача с подкопом, несколько дней не решался показаться перед войсками».

Надо сказать, что на работу инженеров влияла и открытая разобщенность между командующими армиями, которые не могли прийти к единому мнению даже по вопросам строительства апрошей (траншей). Лефорт и Головин были недовольны тем, что молодой царь во время похода особо прислушивался к мнению старого солдата П. Гордона, действительно очень опытного военного, не терпевшего суеты и шапкозакидательских настроений. А такие настроения, к сожалению, долго присутствовали у Петра и его ближайшего окружения. Для самого царя осада Азова фактически была не чем иным, как продолжением игры, очередным этапом военных потех после Кожуховского похода. Поэтому-то он и торопился и с назначением штурма, совершенно не подготовленного, по мнению Гордона, и с взрывом мин в подкопе, и со многими другими мероприятиями. При этом сам Гордон считает, что Петр принимал такие решения, которые шли вразрез с его советами. И многое из того, что необходимо было сделать в первую очередь: укрепление взятых у турок каланчей, устройство на правом берегу Дона огневой позиции для бомбардировки крепости, а самое главное, продление позиций русской армии до самого берега реки с целью препятствовать татарской коннице оказывать помощь осажденным, сделано не было.

Все это оказывало на действия инженеров совершенно определенное давление. Поэтому Петр воспринял неудачи в действиях инженеров вполне объективно, посчитав, что «Тиммерман, Вейд и Брюс, родившиеся в Москве и плохо ознакомленные с успехами техники, проявили, по-видимому, недостаточные знания. Нужно было пригласить лучшие и более опытные силы».

Готовясь ко второму походу на Азов, Петр выписал из Австрии и Пруссии военных инженеров, которые должны были прибыть в 1696 году.

Еще одна причина неудачи 1695 года кроется в отсутствии флота. Во время осады Азова защитники крепости с моря снабжались подкреплением, боеприпасами и провиантом, поэтому осада не могла быть эффективной.

Более того, армия Петра ввиду нерегулярного снабжения оказалась в большем ущербе, нежели осажденный в крепости противник. Именно по этой причине царь принял решение создать флот.

Второй Азовский поход

1 декабря 1695 года, всего через месяц после прибытия в Москву потрепанного, изможденного тяжелым возвращением и изрядно поредевшего войска (на обратном пути погибло больше солдат и офицеров, чем за время осады Азова), Петр собирает генералов и стольников для решения вопросов подготовки ко второму походу на Азов. Задачи, поставленные Петром, были продиктованы самими обстоятельствами «невзятия Азова».

Через дипломатов и доверенных лиц за границей царь просит о присылке инженеров и военных специалистов.

Вопрос о едином командовании решается довольно своеобразно. Генералиссимусом выбирается А.С. Шейн, стольник совершенно не имевший опыта военного руководства и участия в военных действиях в качестве командующего армией. Справедливо предполагается, что Петр I таким образом брал руководство армией и подготовкой к походу на себя.

И, наконец, третье, самое важное и сложное, строительство флота. Царь предлагает построить в Преображенском галеры, а на реке Воронеж, в городах Белгородского приказа Воронеже, Козлове, Добром и Сокольском, 1300 стругов, 30 морских лодок и 100 плотов. В каждый из городов был назначен стольник, руководивший работами с обязательным соблюдением сроков, ведь изготовить такое количество стругов, лодок и плотов необходимо было за пять месяцев, чтобы уже в мае спустить их к Нижнему Дону. Но если изготовление стругов, лодок и плотов для русских мастеров было делом привычным, то строительство военных галер, вооруженных пушками и способных участвовать в современном морском сражении, было совершенно новым делом.

В качестве образца использовалась та же галера, что была изготовлена в Голландии и прислана летом 1695 года в Архангельск в сопровождении особого «нарочного человека». Доставлена была также сделанная Витзеном роспись разных принадлежностей к ней, из которой видно, что при галере были присланы все снасти, 2 мачты и 2 райны,[2] бочка с железными принадлежностями, 2 паруса и шатер парусный (тент), разные ящики с деревянной резьбой, которой галера была украшена по бортам, фонарь, флаги, компас, якорь, 3 мортиры, 11 бомб и пр. 3 января 1696 года эта галера была доставлена в Москву, и закипела работа, которой руководил сам Петр. Одновременно он формирует экипажи (роты) для каждой из галер. Весь караван распределялся на 29 рот, одна из которых — особый отряд при адмирале. Первое и второе места занимают роты вице-адмирала и

шаутбейнахта. Четвертое место занимает рота, во главе которой значится «капитан Петр Алексеев». Яков Вилимович Брюс в звании подполковника назначается командиром (капитаном) 9-й роты.

А.С. Пушкин отмечает, что в начале весны Петр вывел из Воронежа 2 военных корабля, 23 галеры, 2 галеаса и 4 брандера.

Поход 1696 года — совершенно особая страница в русской истории. Осажденные в городе турецкие войска были совершенно уверены, что Азов будет неприступен для русской армии. Они не опасались русских галер, считая себя полновластными хозяевами на Азовском море. Но все оказалось иначе. В поддержку петровской армии и флота в этом походе выступили казаки. Имея богатый опыт боев с турецкими войсками, с моря на стругах казацкие отряды блокировали Азов. Русскому флоту оставалось только вступить в бухту Азова, чтобы блокада крепости была полной. Азов держался 2 месяца. Для обеспечения удачного штурма пришлось делать насыпь у стен крепости. Успешную атаку на Азов совершили казачьи отряды Якова Лизогуба и Фрола Миняева, которым удалось закрепиться на валу и начать прямой обстрел крепости. Это и вынудило гарнизон к сдаче 19 июля 1696 года.

Во время двухмесячной осады Я. В. Брюс не только отражает вылазки турок. Он работает над составлением карты юга Европейской части России. Петр еще перед началом похода поставил иностранным офицерам задачу показать кратчайший путь из Москвы в Средиземноморье преимущественно водным путем. Поэтому карта изобилует изображением рек, их притоков и мелких речушек, на ней представлена территория от Москвы до Черного моря, бассейн рек Дона и Днепра. Основная заслуга при подготовке карты принадлежала командиру Преображенского полка генерал-майору фон Менгдену, руководившему замерами и описанием данной территории.

При составлении карты Брюс проявил незаурядный талант картографа. Он использовал четыре вида масштабов, сделал привязку местности по параллелям и меридианам, что в то время могли делать только сведущие картографы Европы. Об этой карте академик В. И. Вернадский писал: «Карта Брюса и Менгдена… является первым научным памятником проникновения в Россию нового знания. Она впервые свела картографическую работу, сделанную в России, с картографией Запада». И далее: «…Брюс начал работу над Российской географией».

А.С. Пушкин писал: «Между тем по царскому повелению генерал-майор фон Менгден вымерил и описал землю, а капитан артиллерии Яков Вилимович Брюс (впоследствии генерал-

фельдмаршал) сочинил по той описи карту, от Москвы к югу до берегов Малой Азии, и Крымскую Татарию; сочинена другая карта — землям между Доном и Днепром. Петр положил соединить Волгу и Дон и велел начать уж работы, положив таким образом начало соединению Черного моря с Каспийским и Балтийским».

Оригинал карты находится в настоящее время в запасниках Государственного Исторического музея.

В 1696 году Брюсу присвоено звание полковника русской армии, а для Петра I он стал одним из ближайших помощников.

Великое посольство

Это особенно проявилось во время Великого посольства, в которое вошли 250 волонтеров.

Сначала предполагалось, что волонтеры будут обучаться ремеслам, заниматься наймом специалистов и выполнять дипломатические задачи, поэтому Брюс в состав посольства включен не был. А вот его брат Роман, как следует из «Юрнала» — волонтерского путевого дневника, в составе посольства был, и находился он в группе офицеров, сопровождавших дипломата Ф. Лефорта.

Якова Брюса Петр Алексеевич вызывает, находясь в Голландии, после встречи с английским королем Вильгельмом III. Встреча состоялась 21 сентября 1697 года в городе Утрехте.

28 сентября в Москву отправляется послание, в котором на основании указа царя «велено послать» в Голландию полковника Якова Брюса «для математической науке в англицком государстве». Таким образом, уже через неделю после знакомства с английским королем и приглашения в Англию Петр I определяется с каким поручением туда поедет Яков Брюс. Англия в то время была одной из самых передовых держав Европы и, естественно, для поездки туда нужны были люди образованные. Эта поездка во многом изменила не только планы Великого посольства. Фактически, находясь в Англии, Петр определяет круг предстоящих преобразований в России. И Брюсу в этих планах отводится одно из ведущих мест.

Правда, сам Яков Брюс по вызову царя прибывает с большой задержкой, через три месяца, 19 декабря. Причиной этой задержки стали события, для нашего героя весьма серьезные. Неизвестно, действительно ли Брюс был в чем-то заподозрен, или глава московского Тайного приказа Ф. Ю. Ромодановский сводил с ним личные счеты. Так или иначе, но Брюса пытали каленым железом и довольно серьезно повредили руку. За месяц пути из Москвы в Амстердам рука у Якова Вилимовича так и не зажила. По его прибытии с докладом к царю Брюс вынужден был изложить обиду на князя-кесаря, о чем Петр с возмущением пишет 22 декабря в письме Ромодановскому:

«… господин Брюс приехал сюда декабря 19 и отдал от нашей пресветлости письмо, за которое премного благодарствую». Тон письма спокойный, уважительный. И даже когда Петр Алексеевич делает выговор Ромодановскому за его проступки по отношению к приказным людям, тон письма таким и сохраняется. Но именно в этом письме сделана характерная для взрывного характера царя

приписка:

> «Зверь! Долго ль тебе людей жечь! И сюда раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкою. Быть от него роже драной!»

Под Ивашкою Хмельницким здесь подразумевается пьянство. И обвинение в пьянстве особо подчеркивает отношение Петра к Брюсу, оказавшемуся наказанным только по пьяной прихоти Ромодановского. А предупреждение о «роже драной» вообще из ряда вон выходящее, поскольку полковник Брюс в ту пору был несравним по положению с родственником царя, генералиссимусом потешных Ф. Ю. Ромодановским. В ответ на обвинения царя Ромодановский 28 января 1698 года пишет: «В твоем письме написано ко мне, будто я знаюсь с Ивашкой Хмельницким, и то, господин, неправда: некто к вам приехал прямой московской пьяной, да сказал в беспамятстве своем. Неколи мне с Ивашкой знаться — всегда в кровях омываемся. Ваше-то дело на досуге стало знакомство держать с Ивашкою, а нам не досуг! А что Яков Брюс донес, будто от меня руку обжег, и то сделалось пьянством его, а не от меня». Так, Ромодановский пытался оправдаться перед Петром, сваливая вину на самого Брюса. Но эти аргументы князя-кесаря не убеждают царя, и в ответном письме из Дептфорда 4 марта Петр возражает Ромодановскому: «… писано, что Яков Брюс с пьянства своего то сделал: и то правда, только на чьем дворе, и при ком? А что в кровях, — и от того чаю больше пьете для страху. А нам подлинно нельзя, потому что непрестанно в ученьи».

И, действительно, поездка в Англию для делегации Петра оказалась очень насыщенной.

Выезд из Амстердама 16 волонтеров во главе с царем состоялся 6 января, через 3 недели после прибытия Брюса. Возможно, Петр выехал бы и раньше, но пришлось ждать приезда Брюса (сам по себе случай беспрецедентный), а затем, видимо, подлечивать его раны.

В Лондон царь со свитой прибыл 11 января и сразу включился в работу ввиду ограниченности во времени. Кроме встреч с королем Вильгельмом III, Петр учился кораблестроению в Дептфорде, посещал арсенал в Вульвиче, присутствовал на заседаниях научного Королевского общества и английского парламента.

Я. В. Брюс при этом слушал лекции английских математиков, посещал лондонскую обсерваторию, присматривался к монетному делу в Тауэре и к артиллерийской технике в Вульвиче, со знаменитым литейным заводом и обширнейшим арсеналом.

11 апреля царь и Брюс вместе осматривают Вульвич, отведывают метание бомб, и Петр увозит Брюса в Лондон, где они 13 апреля посетили Монетный двор.

Всего, как отмечено в «Юрнале», Петр в феврале и апреле шесть раз посетил Монетный двор, директором которого был Исаак Ньютон, проводивший в Англии денежную реформу.

Аспекты проведения этой реформы интересовали Петра. При этом ему нужен был человек, способный разобраться во всех технических нюансах проводимой Ньютоном работы. Таким человеком и был полковник Яков Брюс. Подобную же реформу в 1720 году он осуществлял в России, будучи директором Санкт-Петербургского Монетного двора.

Но роль Брюса в этой поездке сводилась не только к знакомству с реформой Ньютона.

Наиболее подробно и ярко о пребывании Брюса в Англии в 1698 году рассказал канадский исследователь Валентин Босс. А поскольку его книга «Ньютон и Россия» была издана только на английском языке, воспользуемся переводом исследователя Владимира Ивановича Зотова.

> «Судя по деятельности Брюса в Лондоне, — пишет канадский ученый В. Босс, — уже тогда идеи многих реформ были в сознании Петра. Зачем ему было заставлять Брюса изучать английские законы о первородстве (право старшего сына на наследство) в 1698 году, если бы он уже тогда не думал о законе, который учредил через пятнадцать лет?»

На Брюса была возложена обязанность приобретать математические приборы, а также книги по навигации и кораблестроению. Ему было также поручено подбирать и нанимать на службу к царю хороших математиков и многое другое.

Главное преимущество Брюса было не только в том, что он знал много языков. Он был едва ли не единственным в свите Петра специалистом, понимавшим, что было необходимо для России. Поэтому Петр Алексеевич дает Брюсу довольно широкую свободу действий. Более того, «во время пребывания царя в Лондоне у него возникло решение поручить Брюсу продолжать в Англии дальнейшее изучение естественных наук: математики и навигации». Так, Я. В. Брюс был оставлен Петром в Англии после отъезда царя в апреле 1698 года.

Еще один беспрецедентный случай, произошедший в Великом посольстве. И вновь он связан с Брюсом.

Оставшись в Англии, Яков Вилимович получает деньги на

дальнейшее обучение и закупку редких книг, приборов и инструментов. Петр оставляет ему яхту — подарок Вильгельма III — стоимостью 150 гиней. Такое «расточительство» царя, никогда попусту не тратившего столь огромные по тем временам деньги, можно объяснить только тем, что Петр Алексеевич был уверен в том, что Брюс все эти средства будет расходовать только с пользой для дела, на благо России. И Брюс действительно оправдал надежды царя.

«В «Юрнале» имеются записи о визитах, которые Петр нанес в Гринвичскую обсерваторию. Своим существованием она была обязана усилиям только одного человека — Джона Флэмстида, первого королевского астронома. Само здание обсерватории было спроектировано Христофором Реном, но правительство не обеспечило ее соответствующими приборами. На свою мизерную зарплату Флэмстид вынужден был приобретать инструменты или делать их сам. Вся его дальнейшая жизнь была посвящена непосильной задаче выверки местоположения фиксированных (неподвижных) звезд. Эта задача усложнялась тем, что в то время не было точных, современных таблиц. Несмотря на плохое состояние здоровья и плохое отношение, Флэмстид добился удивительных результатов. В тот год, когда Петр посетил его, Флэмстид трудился над классификацией, при помощи отвесной арки Авраама Шарпа, данных, полученных во время астрономических наблюдений… Флэмстид отметил в своих записях два посещения Петра — в воскресенье 6 февраля и 9 марта. Во время этих визитов Петр вел наблюдения при помощи своих приборов, которые он принес с собой. Судя по заметкам, сделанным рукой Флэмстида, на него еще большее впечатление произвело то, что Петр пришел не один, а в сопровождении шотландца Брюса. В те времена это считалось необычным.

Вероятно, Флэмстид встречался с Брюсом еще раз 6 апреля, так как в «Юрнале» записано, что Петр нанес Королевской обсерватории свой третий визит в этот день. А из писем Флэмстида становится ясным, что к концу года он и Брюс уже знали друг друга хорошо. Царь уехал из Лондона, а Брюс остался. Флэмстид готовил для Брюса «Таблицу рефракций (отклонений)». В своем письме Брюсу Флэмстид проявил недовольство по поводу какого-то письма (доклада), который, по мнению Флэмстида, обнародовал Брюс. Этот «доклад» касался лунной теории Ньютона. Доклад, как считает Флэмстид, был несправедливым и для того, чтобы он «не нанес вреда ни Ньютону, ни мне», Флэмстид раскрыл (что было неразумно с его стороны) характер возрастающей ссоры между ним, с одной стороны, Ньютоном и Эдмундом Галлеем, с другой».

Доклад, о котором идет речь, обнародованный Брюсом, был сделан на заседании Королевского общества. Брюс сообщает о новых разработках лаборатории Исаака Ньютона и фактически выступает от имени коллектива ученых, работавших с Ньютоном. Проведение денежной реформы, естественно, отнимало много времени, и сам Ньютон не мог по этой причине делать подобные доклады. А вот сам факт обнародования доклада о лунной теории Ньютона, сделанного «полковником Брюсом», говорит о его высоком положении в среде маститых ученых Англии. Во всяком случае, учеником Я. В. Брюс наверняка не был.

Особое внимание канадский ученый уделяет разрыву отношений Ньютона и Флэмстида в 1698 году, и Брюс поневоле оказывается втянутым в этот конфликт, хотя, как показывает дальнейшее повествование, с обоими учеными он имел прекрасные отношения.

В октябре 1698 года Флэмстид пишет, «жалуясь, что «полковник Брюс» [и его друг Колсон] сказали: «Мистер Ньютон улучшил свою теорию Луны с помощью астрономических данных мистера Галлея и передал ее (теорию) ему с правом публикации…» «Это, — раздраженно говорит Флэмстид в своем письме, — не может быть правдой…»

Упоминание об отношениях Галлея с «Полковником» (от которого, очевидно, он хотел получить какую-то выгоду), видимо, сделано с намеком на планы Галлея, которые он некоторое время вынашивал, получить подходящий пост в России. Во время пребывания Петра Великого в Лондоне они оба беседовали на научные темы и, говорят, царю очень понравился Галлей, который в то время как раз искал работу. Его исключительные дарования, которые признавал даже Флэмстид, были широко известны, но продвижение по службе затруднялось подозрениями по поводу его религиозных убеждений. Так, епископ Стиллингфлит отказался рекомендовать Галлея на кафедру геометрии Оксфордского университета по причине его материалистических взглядов.

Когда Ньютона назначили директором Монетного двора, он взял Галлея на должность инспектора Двора в графстве Честер. Однако вскоре ученый опять останется без работы, так как только в 1698 году в пяти графствах были закрыты монетные дворы. Ньютон предложил Галлею преподавать прикладную математику инженерам и офицерам армии за десять шиллингов в неделю, но, кажется, Галлей отклонил это предложение. В такой обстановке он вполне мог согласиться на предложение Брюса поехать работать в Россию, на что у Брюса были все полномочия. Как сказано в некрологе Галлея, такое предложение действительно

поступило, но Галлей его не принял, так как судьба его сделала в это время поворот к лучшему. Галлей по распоряжению короля был назначен командиром корабля «Парамоур Пинк», который отправлялся в плавание месяцем позже в конце ноября 1698 года».

На Брюса в Англии была возложена особая миссия.

Дело в том, что в апреле 1698 года Петр I вынужден был выехать из Англии в связи с известием о бунте стрельцов и Брюс должен был довершить все, задуманное царем. В частности, в отношении найма специалистов и ученых в Англии.

Что же касается взаимоотношений Ньютона и Флэмстида, то они ухудшаются независимо от участия в этом Брюса и Колсона, так как Флэмстида обижало то, что Ньютон, занимаясь научными исследованиями, не выносил новые разработки на совместное обсуждение (возможно, по причинам той же занятости). Тем более что Ньютон пользовался астрономическими данными, полученными не от Флэмстида, а из исследований Э. Галлея.

Через много лет, уже в России, Брюс приобретает изданный в 1729 году (посмертно) труд Флэмстида «Historia Coelestis Britannica», а также его «Atlas Coelestis».

В. Босс пишет о том, что Брюс имел в своей библиотеке все труды Флэмстида. Конечно, утверждает автор, огромный интерес Брюса к астрономии, которым он заразил и Петра Великого, мог появиться у него только благодаря знакомству с Флэмстидом.

«К сожалению, — сообщает В. Босс, — переписка Брюса с Флэмстидом не сохранилась, но нетрудно предположить, почему Флэмстиду и «Полковнику», так называли Брюса английские ученые, была выгодна их дружба. В английских кругах были хорошо известны близкие отношения между царем и Брюсом. Кроме того, Флэмстиду было также сообщено, какую сумму денег Петр оставил Брюсу на его обучение и на приобретение научных приборов и книг. А Флэмстид постоянно был без денег и вынужден был подрабатывать занятиями с учениками (в период с 1676 года по 1709 год у него их было около 140)». Формально Брюс не относился к числу учеников Флэмстида, так как у него был официальный учитель математики, который был другом и Флэмстида, и Ньютона, — Джон Колсон.

«Ивану Колсуну было плачено 48 гиней 17 апреля 1698 за «обучение Джекоба Брюса, как было оговорено контрактом, шесть месяцев, включая питание и проживание…». Другая запись гласит: «…денег 50 гиней плачено по повелению Великого Монарха Якову Брюсу, который учился математическому искусству у Ивана Колсуна». Он также получатель 150 гиней за «небольшую яхту… сделанную из кипариса».

Джон Колсон в 1698 году проживал в доме в Гудмэнз-Филдз. В этом же доме жил и Я. В. Брюс. От него, друга и ученика Ньютона, Брюс узнал основы натуральной философии Ньютона.

Валентин Босс считает, что Брюс познакомился с Колсоном после того, как вместе с Петром I побывал у королевского астронома Флэмстида в Гринвичской обсерватории в феврале и в марте. Скорее всего, Флэмстид познакомил Брюса с Колсоном, чем наоборот, хотя это могло произойти самостоятельно в Оксфорде 8 апреля во время пребывания там Петра и Брюса.

Очевидно, Петр, а может быть — Брюс, был высокого мнения о Колсоне, так как контракт, который заключил царь с ним на шесть месяцев по одобрению Брюса, был по ценам того времени необыкновенно щедрым. Колсон получил от него 48 гиней. Если сравнить эту плату с окладом Флэмстида, то они будут равны. Не исключена возможность, что Брюс платил Колсону еще дополнительно из тех 50 гиней, которые царь оставил Брюсу. Правда, у Брюса было много других поручений от царя, для выполнения которых тоже требовались деньги. Так, например, Флэмстид готовил «новые таблицы преломления для Полковника». В какой степени были включены в программу обучения Брюса вопросы натуральной философии и астрономии, можно только догадываться. Что же касается направления его математических занятий, то на этот вопрос дает совершенно четкий ответ каталог библиотеки Брюса. Он также проливает свет и на взаимоотношения Брюса с Джоном Колсоном.

По смерти Ньютона Колсон издал научный трактат на тему «дифференциального исчисления», как назвал свое изобретение сам Ньютон, и его (исчисления) «применения к геометрии кривых линий». Но это было не самой первой работой на английском языке, интерпретирующей открытие Ньютона. Первым был «Трактат по исчислениям» Карла Хэя (1704), который Брюс также, очевидно, приобрел. Но издание Джона Колсона имеет несравненное превосходство тем, что в нем имеется собственный текст Ньютона. Этот труд вышел в свет в 1736 году, а Брюс умер в 1735-м. Неизвестно, кто прислал Брюсу «Методику исчисления», но, очевидно, он же, этот кто-то, посылал ему и другие английские книги, которые значатся в каталоге его библиотеки.

В конце 1698 года Брюс вернулся в Россию первым российским ньютонианцем, первым русским ученым, проводником идей великого ученого. Дальнейшая деятельность Брюса по созданию навигационной школы, астрономической обсерватории, переводы научных трудов, практическая деятельность на посту президента Мануфактур- и Берг-коллеги, денежная реформа, занятия оптикой и математикой показывают,

каким образом наука Ньютона впервые проникла и стала известной в России.

15 сентября из Лондона Брюс пишет Петру: «Милостивый государь! Перед отъездом твоим государским был мне твой государский приказ, чтоб мне пробыть в Лондоне только до первых чисел сентября месяца. И я зело желал, чтоб к тому времени докончить свое учение, да воистинно не мог, хотя по всяк день над тем прилежно сидел. И аще Бог изволит, чаю сего месяца сентября в последних числах докончить и ехать отсюда. А инструменты серебряные такожде которые для своего употребления изволил сделать приказывал, привезу с собою».

По всей вероятности, именно в конце сентября Брюс вернулся из Англии, выполнив все возложенные на него поручения. А сделано было действительно немало. Сам Петр, находясь в Дептфорде с 11 января по 25 апреля 1698 года, работал на верфи, арендуемой адмиралом Бенбоу, изучая технологии кораблестроения, посещал мастерские Дептфорда, Портсмута, Чатама, артиллерийские заводы Вульвича и других городов. За этот период вместе с Я. В. Брюсом Петр I наладил контакты с учеными-математиками и астрономами, вел переговоры о приглашении на службу. Такие ученые, как А. Фарварсон (Фергюссон, Фергарсон), С. Грин, Р. Грайс, приехали работать в Россию спустя несколько месяцев после этих событий и стали создателями математической навигацкой школы в 1701 году. Естественно, эта работа велась при непосредственном участии Я. В. Брюса. Неслучайно одно из особых поручений, возложенных на Брюса Петром, было «поручение обозреть английские школы и представить о них отчет». Кроме того, Петр Алексеевич посетил Гринвичскую обсерваторию Флэмстида, познакомился с «диковинками» — экзотическими экспонатами, после чего решил создать свою обсерваторию и Кунсткамеру — первый российский музей. И Брюс оказался единственным, кто был способен активно и со знанием дела помогать в этом государю. Он прекрасно понимал, как знания и полученную в Англии информацию правильно применить в России при проведении реформ. Поэтому Я. В. Брюса можно смело назвать человеком, наиболее четко из всех «птенцов гнезда Петрова» представлявшим суть и масштаб будущих преобразований.

Пребывание Брюса вместе с Петром в Англии повлияло и на будущую символику России. Именно шотландец Брюс обосновывает русскому царю идеи протестантизма в христианстве, после чего Петр стал более решительно проводить реформы по отношению к Русской православной церкви, в чем огромную помощь ему оказывал Феофан Прокопович, а во

внешней политике в основном налаживает контакты и проводит переговоры с протестантскими государствами (Англия, Дания, Норвегия, Германские земли). Более того, андреевская символика (крестовый флаг военно-морского флота, орден Святого апостола Андрея Первозванного), введенная в России в 1698 году, появляется в нашей стране именно благодаря Брюсу. Это показали исследования кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института Всемирной истории Российской академии наук Д. Г. Федосова, переводчика уникального дневника Патрика Гордона, издаваемого с 2000 года под эгидой РГВИА издательством «Наука».

Значение Великого посольства для России чрезвычайно велико, особенно это касается пребывания в Англии. Для самого Брюса это пребывание обозначилось написанием в 1698 году первого научного трактата — «Теория движения планет», обнаруженного в библиотеке Кембриджского университета В. Боссом. Оказался он в наличии и в библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге. Этот трактат, как отмечает канадский ученый, — первая работа русского ученого о законе всемирного тяготения.

Огромное значение в формировании Брюса как ученого-математика имело обучение у профессора Джона Колсона. В библиотеке Брюса имелись рукописные книги и тетради с пометкой Bruciana, написанные во время пребывания в Англии в 1698 году. Это фактически конспекты, составленные Брюсом во время занятий. Они включают курс математики по арифметике, геометрии, тригонометрии, астрономии. Не случайно в дальнейшем Я. В. Брюс исполняет роль научного консультанта царя и становится единственным российским астрономом, создателем казенных обсерваторий в России. Первая из них была оборудована Брюсом и открыта уже в июне 1700 года в здании Сухаревой башни.

Еще одним из итогов английского путешествия Брюса стала разработка совместно с Адамом Вейде воинских артикулов, «в которых содержится уложение о наказаниях, изготовил по образцу подобных же уставов, принятых у других великих государей».

В июле 1699 года Брюс сообщает Петру: «По твоему государскому писанию к Адаму Вейде, послал я к тебе, государю, краткое описание законов (или правил) шкоцких, агленских, и французских о наследниках (или первых сынах). Також напоминая твой государев приказ в агленской земле, послал к тебе, государь, описание чинам, которые были у агленскаго короля у артиллерии на войне и во время миру, такожды о их

жалованьи поденном в войне и о годовом во время мировое». Таким образом, Брюс помогает Петру Алексеевичу в подготовке принятия будущего закона о единонаследии, изданного 23 марта 1714 года, а также в работе по формированию регулярной армии.

После пребывания в Англии Брюс более подготовленным подходит к исследовательской работе, используя присылаемые из-за границы приборы и инструменты. Об одном из таких инструментов, очень пригодных для путешественников, он сообщает Петру в том же 1699 году, рассказывая, что инструмент этот помогает «сыскать полус гогде (или элевацию поли), без всякого вычету и не ведая деклинации солнца и не имея инструментов, кроме циркуля и линиала». К инструменту он приложил чертеж и описание, как им пользоваться.

Часть третья
СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

В июне 1700 года, после открытия обсерватории, при формировании регулярной армии Брюс был пожалован в генерал-майоры от артиллерии. Началась интенсивная подготовка к войне со Швецией. 8 августа был подписан мирный договор с Турцией, поэтому на следующий день Петр I пишет из Москвы новгородскому воеводе князю И. Ю. Трубецкому: «Ныне мы, при помощи божией, начали войну против Шведов и сегодня послали для блакира и пресечения путей в Ижерскую землю генерал майора Якова Брюса».

Поручение, данное Брюсу, было ответственным, без блокировки путей и подходов к Нарве немыслимо было начать ее осаду. Однако отряд Брюса столкнулся с непреодолимыми трудностями, связанными, видимо, с бездорожьем, и прибыл в Новгород с опозданием. Это и вызвало гнев царя. Об этом сообщает Н. Г. Устрялов в «Записке о ругодевском (нарвском) походе»: «28 июля 1700 года посланы из Москвы Яков Брюс, Иван Чамберс, Василий Корчмин до Новгорода, на скоро, и поспели в Новгород в 15 дней, за что гнев воспринял от его величества Яков Брюс и от команды ему отказано. Послан, вместо Брюса, с полками, новгородский воевода Ив. Юр. Трубецкой». В итоге Брюс был отстранен от командования войсками, как об этом сообщает М. Д. Хмыров, «несколько времени находился в опале, а потом, когда оправдания его признаны основательными, возвращен к отправлению прежних должностей». В этот период в Москве в здании Сухаревой башни идет интенсивная работа по открытию математической навигационной школы для подготовки специалистов морского флота и инженеров. Талант Брюса, его организаторские способности были направлены именно на это, тем более что иностранные ученые, создававшие школу, сталкивались с проблемами, связанными с российским менталитетом. Успешно разрешить их мог человек, живший в России, имевший авторитет и находившийся на «короткой ноге» с Петром, вдобавок еще и специалист. (Так, будущий директор навигацкой школы Фарварссон удивлялся, что даже самые простые вопросы, связанные с ее организацией и материальным обеспечением, невозможно решить без вмешательства царя или взятки.) Таким человеком и был Брюс. Поэтому фраза М. Д. Хмырова «возвращен к отправлению прежних должностей» означает не что иное, как продолжение его работ в Москве.

На должности губернатора Новгорода

В мае 1701 года, после открытия школы, Яков Вилимович назначается на должность губернатора Новгорода вместо взятого в плен под Нарвой князя И. Ю. Трубецкого и командует большей частью артиллерии, т. е. частично исполняет обязанности также плененного под Нарвой генерал-фельдцейхмейстера Александра Арчилловича.

Назначение Я. В. Брюса на должность губернатора Новгорода было неслучайным.

После поражения русской армии под Нарвой в ноябре 1700 года Карл XII, уверенный, что русская армия окончательно разгромлена и больше не представляет серьезной опасности для шведов, направляется с армией в Польшу для того, чтобы расправиться с главным противником — Августом II. До 1707 года шведы будут стремиться нанести главный удар по польской армии, Карл XII станет активно заниматься утверждением на польском троне нового короля, а Петр I будет укреплять свою армию, совершенствовать вооружение, готовиться к новым баталиям.

Первое, что делает Петр Алексеевич в начале 1701 года, — издает указ о сборе колокольной меди, согласно которому следовало «четвертую часть колоколов со всего государства, с знатных городов, от церквей и монастырей отбирать и отправлять в Москву на пушечный двор, на литье пушек и мортир». Данный указ был вынужденным шагом после катастрофы русской армии под Нарвой. Это один из главных аргументов оппонентов петровских реформ в нашей стране. Однако здесь надо учитывать, что указ предусматривал переливку только тех колоколов, которые хранились в церквах и монастырях и не были непосредственно задействованы для колокольного звона. К маю 1701 года в Москву было свезено на переплавку церковных колоколов общим весом более 90 тысяч пудов. Из части собранных колоколов было отлито 100 больших и 143 малых пушек, а также 12 мортир и 13 гаубиц. Однако колокольная медь оказалась непригодной для артиллерийских нужд ввиду нехватки олова, требовавшегося для орудийной бронзы, и оставшиеся колокола остались невостребованными. Литье значительной части этих пушек, по всей видимости, осуществлялось на тульском заводе, построенном под руководством голландских специалистов еще в 1632 году.

Кроме того, началось разорение прибалтийских крепостей, которые были опорой для шведского короля. Эту миссию

блестяще исполнил Борис Петрович Шереметев. Естественно, следовало ожидать ответных шагов шведского короля, главным из которых должен был стать поход на Москву из прибалтийских территорий. В этих условиях требовалось укрепление русских форпостов и крепостей с целью подготовки их к отражению штурма и сдерживанию многомесячной осады.

Таким образом, на Брюса возлагается большая ответственность — подготовка одного из основных городов-крепостей на пути Карла XII к Москве. Для этого необходимо было не только укреплять крепостные стены. Брюс занимается налаживанием промышленности, строит мельницы. Город для сдерживания многомесячной осады должен был обеспечивать себя боеприпасами, оружием, продовольствием, т. е. несколько месяцев находиться на полном самообеспечении при мощном силовом давлении и массированной бомбардировке города. Отсюда следует, какую активную работу проводит Яков Вилимович Брюс, находясь на должности губернатора Новгорода.

В 1701 году Новгород становится центром сосредоточения сил в войне против Швеции. Именно Новгородскому приказу Петр I велит «на реках Волхове и Луге, для нынешней свейской службы, под всякие полковые припасы и на дачу раненым людям, сделать 600 стругов…». Кроме постройки новых стругов, на этих реках, а также на Ладожском и Онежском озерах, на реке Свири и в Тихвине, было приказано переписать струги всех частных владельцев и приготовить их для участия в военных действиях. От местных жителей и знающих людей собирались подробные сведения о водных и береговых путях от устья Волхова к Орешку и далее по Неве до выхода в море. Поражение под Нарвой ускорило процесс реформирования русской армии, флота и артиллерии, проводятся рекрутские наборы, закладываются судоверфи на Ладоге.

Кроме того, генерал Брюс должен был принимать участие в военных действиях.

Летом 1701 года Б. П. Шереметеву было приказано с полками московского и новгородского поместного ополчения сосредоточиться в районе Пскова, Гдова и Печерского монастыря. Брюс исполнял обязанности «подручного начальника артиллерии». 24 сентября 1701 года из Ладоги он пишет Петру: «Михаило Щепотев привез порох, ядра и бомбы, против приказу; понтоны скоро будут. Я отпущу водою к тем 1500 бомбам, которые посланы сухим путем, и как скоро придут полки П. М. Апраксина, сам пойду». При этом, выполняя главную задачу, Брюс жалуется Петру на недостаток плотников и кузнецов, так необходимых для укрепления Новгорода.

В июле 1702 года из Архангельска Петр пишет в Москву Т. Н. Стрешневу: «…изволь приказать Брюсу, чтоб которое готовлено зимним путем, тоб изготовить водою, и еще 18-ти фунтовых (пушек) что есть, да 12 мортиров, а к ним по 1000 бомб и ядер и пороху, также шерсти и кульков, мотык и лопат, втрое передать зимним».

Исполняя это поручение, Брюс доставлял близлежащую артиллерию к Ладоге, а 25 сентября за недостатком лошадей начал отправлять ее к Нотебургу (впоследствии Шлиссельбургу), куда уже шел сам Петр с 13-тысячной армией под командованием фельдмаршала Шереметева. Здесь, при осаде Нотебурга, Брюс, по утверждению Хмырова, впервые командовал всей артиллерией. Артиллерия Брюса при взятии Нотебурга состояла из девятнадцати пушек полковых фунтовых, двенадцати пушек калибром 12 фунтов и двенадцати мортир, которые были расположены на двух батареях и двух кетелях. В период с 1 по 11 октября по крепости было выпущено более шести тысяч ядер калибром от 18 до 6 фунтов и, более того, 2500 трехпудовых бомб, причем употреблено пороха 4371 пуд.

Старое русское название Нотебурга — Орешек. После взятия крепости Петр I писал в письме к Виниусу: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счасливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».

После взятия Нотебурга Брюс возвратился в Новгород. Зимой 1702/03 года он дружески сошелся с генерал-фельдмаршалом Б. П. Шереметевым, который стоял с армией на зимних квартирах близ Пскова и Ладоги и часто выезжал к своему новгородскому соседу. Дружба соединила этих сподвижников царя неслучайно. Оба они обладали наибольшими талантами в ряду близких царю людей и были очень порядочными и достойными военными.

Борис Петрович Шереметев был единственным военачальником, заявившем герцогу Кроа, что диспозиция русских войск перед сражением с отрядом Карла XII под Нарвой 19 ноября 1700 года была в корне неверной. Поражение это было предсказано блестящим полководцем, но сам он был объявлен едва ли не главным виновником этого поражения. Полководческий талант Шереметева был оценен уже в 1701 году при взятии Лифляндии. За боевые успехи Борис Петрович произведен в генерал-фельдмаршалы и награжден высшей наградой России — орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Как уже отмечалось, в этих походах Шереметева Я. В. Брюс, исполнявший обязанности «подручного начальника артиллерии», принимал участие и был в подчинении Бориса Петровича. Теперь,

в 1702 году, отношения начальника и подчиненного перерастают в дружеские, и в дальнейшем оба генерала постоянно поддерживают их.

В марте 1703 года Б. П. Шереметев в письме Петру сообщает о своей дружбе с Яковом Брюсом: «…про здоровье мое извольте выпить, а про ваше здоровье обещаюся быть шумен и обедать днесь стану у Якова Вилимовича».

Впоследствии эти отношения перерастут в близкие, сердечные. Влияло на них то обстоятельство, что каждый мог рассчитывать на дружеский совет и помощь при решении каких-то злободневных вопросов. Например, в 11 мая 1709 года Борис Петрович, рассчитывая на посредничество в своих отношениях с Петром Алексеевичем, обращался к Брюсу в письме: «Великий бы дал за то кошт, чтобы я тебя имел видеть персонально, понеже я тебя имею себе целым благодетелем, имея нужные до тебя интересы».

В марте 1703 года Шереметев и Брюс, первый с полками, а второй с артиллерией, двинулись, по царскому велению, к Ниеншанцу, который после пятидневной осады и одиночной бомбардировки к утру 1 мая 1703 года капитулировал. При осаде Ниеншанца использовались 16 трехпудовых мортир, 48 26- и 12-фунтовых пушек, каждая из которых сделала по девять выстрелов. При взятии Ниеншанца без штурма была захвачена вся артиллерии, 55 бомб, 195 бочек пороха, много ядер и картечи.

После взятия Ниеншанца Брюс принимает участие в военном совете, собранном для решения вопроса: «Тот ли шанец крепить, или иное место удобное искать (понеже оный мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать новаго места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место остров, который назывался Мост Еланд (т. е. Веселый остров), где 16 день мая… крепость заложена и именована Санкт-петербург».

Так, 16 (27) мая 1703 года был принят указ об основании города, ставшего впоследствии новой столицей России. Губернатором Санкт-Петербурга стал А. Д. Меншиков. Комендантом — полковник Рен (барон Карл Эвальд Магнусович Ренне (1663–1716)). Назначение произошло в день освящения новой крепости 29 июня 1703 года.

На этом посту, преобразованном в должность обер-коменданта, 20 мая 1704 года полковника Рена сменил брат Якова Вилимовича генерал-майор Роман Брюс.

После участия в военном совете, решившем судьбу Санкт-Петербурга, Я. В. Брюс весной 1704 года распоряжался доставкой

из Петербурга и Шлиссельбурга под Нарву осадной артиллерии. При осаде Нарвы артиллерия Брюса состояла из 19 24-фунтовых, 22 18-фунтовых, 13 12-фунтовых, 12 трехфунтовых, двух 36-фунтовых, семи малых мортир и одной пудовой гаубицы. Во время осады Нарвы 1704 года по городу было выпущено 10 003 пуда пороха, 12 358 ядер, 5714 бомб. Артиллерийский обстрел Нарвы продолжался десять дней. В результате были пробиты многочисленные бреши и частично выведена из строя крепостная артиллерия, что и обеспечило успешный штурм крепости 9 августа.

А десять дней спустя, когда «Его Величество из Нарвы путь свой восприял в Дерпт со всеми министрами и генералитетом для показания им оной Дерптской фортеции (незадолго перед тем взятой Шереметевым), Брюс в числе прочих сопровождал Государя и после нескольких дней пребывания в Дерпте, со всеми прочими отпущен в Нарву, где он, как кажется, тогда же получил загородное место, на котором начал обзаводиться кое-каким хозяйством».

По всей вероятности, в ноябре, при посещении Нарвы Петром, Я. В. Брюс получает назначение исполнять обязанности генерал-фельдцейхмейстера — командующего войсками артиллерии. Формально эта должность оставалась за находившимся с 1700 года в шведском плену имеретинским царевичем Александром Арчилловичем, который в 1711 году скончался, после чего Яков Брюс был утвержден генерал-фельдцейхмейстером.

Первым распоряжением генерал-фельдцейхмейстеру Брюсу Петр 17 ноября 1704 года приказывает прибавить в Нарву и Петербург по 7000 трехпудовых и по 7000 девятипудовых бомб, да по 400 выстрелов пороха и умножить личный состав артиллерии до 600 человек, из них 200 человек в поле. 23 марта 1705 года Брюс писал из Москвы Петру в Воронеж: «Заготовил пороху на 50 000 чел. По 300 выстрелов на каждого, ни коим образом не возможно, потому что выйдет более 23 000 пуд, а у нас всего пушечнаго только 1500 пуд. Постараюсь изготовить, хотя по 100 выстрелов. Большее горе — мало денег».

Затем он выезжает в Смоленск для снаряжения и отправки армии в Полоцк, куда на защиту от шведов союзника Петра польского короля Августа II шла русская армия численностью 40 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы.

М. Д. Хмыров приводит информацию о донесении от 15 июля 1705 года цесарского резидента Тийера, жившего тогда в Москве. В этом сообщении, как выражается Хмыров, резидент баснословит, что при армии, двинутой в Полоцк, было до трех

тысяч орудий. Цифра явно завышена, но само это обстоятельство говорит о том, какой грозной силой стала артиллерия Я. В. Брюса к 1705 году.

У руководства артиллерией

Фактически после взятия Нотебурга в 1702 году в России начинает свой победный путь новая русская артиллерия, кардинально преобразованная, а лучше сказать — созданная Я. В. Брюсом.

К тому времени артиллерийское дело в передовых странах Европы, особенно в Швеции, достигло очень высокого уровня. В конце XVII века было покончено с цеховой организацией артиллерии, началось промышленное производство на мануфактурах орудий и ядер. Артиллерия, окончательно введенная в состав армии, признавалась особым родом войск, и для нее открывались широкие возможности развития. Были унифицированы калибры артиллерийских орудий, значительно снижен их вес, улучшена конструкция лафетов. Благодаря этому значительно повысилась подвижность артиллерии. Тогда же получили распространение зарядные пороховые рубки, картузы, картечи. Произошло разделение артиллерии на тяжелую и легкую, чем были заложены основы тактики полевой артиллерии. Начали формироваться научные основы развития артиллерийского дела. Все это повысило в значительной мере очевидную мощь этого рода войск.

Россия же в этом направлении значительно отставала.

Русская артиллерия — пушечный наряд — комплектовалась личным составом аналогично стрелецким полкам: за свою службу пушкари получали денежное и хлебное жалованье или земельный надел. Служба пушкарей была наследственной. Подобно стрельцам, пушкари в свободное от службы время занимались торговлей и ремеслами. В военное время для обслуживания пушечного наряда привлекались дополнительно ратные люди, набранные от тяглового населения. Вся русская артиллерия подразделялась на городовой наряд (осадные и крепостные орудия) и полковой наряд (легкая и тяжелая полевая артиллерия). В составе полевой артиллерии выделяли полковую, т. е. приданную пехотным, стрелецким и солдатским полкам.

После разработки в 1621 году «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» А. М. Радышевского началось усовершенствование старой русской артиллерии русскими мастерами. В XVII веке последними практически были решены проблемы создания нарезных и казнозарядных артиллерийских орудий. На русских мануфактурах в 90-е годы XVII века предпринимаются попытки заменить и одновременно привести в единую систему их типы и калибры. И все же русская

артиллерия в целом представляла собой разнотипную и разнокалиберную массу. Орудия были тяжелыми и вследствие этого малоподвижными. Дальность стрельбы и скорострельность русских орудий были незначительны. В войсках находилось большое количество орудий явно устаревших конструкций, некоторые из них были созданы еще в XVI веке.

Необходимость создания новой мощной артиллерии русский царь прекрасно осознавал. Брюсу в этом отводилась первостепенная роль. Обширные теоретические знания, особенно в области математики, пристальное знакомство с материальной частью артиллерии в Вулическом арсенале в Лондоне в 1698 году, а также длительный боевой опыт позволили Я. В. Брюсу осуществить глубокие преобразования в области артиллерии.

Одной из важнейших проблем, стоявших перед воюющей со шведами Россией, была проблема обеспечения русской армии единообразным и надежным оружием. Для решения этой задачи Брюс разработал единую систему измерения всех частей артиллерийских орудий, в основу которой был положен калибр орудия. Им же был разработан и введены в практику русская артиллерийская шкала и артиллерийский вес. Шкала представляла собой металлическую линейку, на которой были нарезаны диаметры каменных и чугунных ядер, соответствовавшие определенным линейным калибрам. Этот инструмент служил основной мерой не только при проектировании, но и при проверке готовых орудий и снарядов. Кроме металлической линейки в качестве проверочных инструментов применялись кружала и циркули. Одновременно Я. В. Брюс ввел понятие об артиллерийском весе, при помощи которого определялись калибры орудий и снарядов. За единицу измерения был принят вес чугунного ядра диаметром 2 английских дюйма (5,08 см), вес составлял 1,2 торгового русского фунта. Этот вес получил наименование артиллерийского фунта, а ядро названо однофунтовым. Для разрывных полых снарядов был принят торговый вес.

Исполняя обязанности генерал-фельдцейхмейстера, Я. В. Брюс вникал во все процессы производства материальной части артиллерии, неукоснительно требуя единообразия в изготовлении не только орудий и снарядов, но также и лафетов, станков и даже колес к ним. Образцовые варианты их хранились в Приказе артиллерии. Те же требования он предъявлял и к производству стрелкового оружия. С принятием на вооружение в 1715 году штатных образцов ружей и пистолетов были введены и контрольноизмерительные инструменты. Для соблюдения точности калибра — медный эталонный цилиндр. Контроль за

длиной стволов пехотных ружей и драгунских пистолетов осуществлялся при помощи деревянных шаблонов с печатью самого генерал-фельдцейхмейстера.

Я. В. Брюс принимал активное участие в разработке новых образцов вооружения. Известны его опыты над различными формами зарядных камор, в том числе и над вариантами так называемых «бутель-камор», приведшие к проекту конической каморы для гаубицы с длиной ствола в 10 калибров, т. е. удлиненной, что дало основание некоторым историкам материальной части артиллерии считать ее прообразом единорогов.

Опыты велись и с целью увеличения дальности стрельбы из орудий (гаубиц и мортир), в боекомплект которых входили разрывные снаряды.

Для повышения огневой мощи пехотных и драгунских полков с 1705 года разрабатываются различные варианты ручных мортирок. Брюс постоянно наблюдает за ходом этих работ, требуя, чтобы приклад «мортирца» был как у фузей для удобства стрельбы из него.

Приказ артиллерии стал преемником Пушкарского приказа. Наиболее вероятной датой образования Приказа артиллерии следует считать 26 июня 1701 года, когда во Вседневной книге Пушкарского приказа впервые официально упоминается Приказ артиллерии.

Личный состав приказа состоял из дьяков и подьячих. Подьячие разделялись на три категории — старых, средних и молодых, каждый из них возглавлял тот или иной отдел (повытье). Кроме них, в распоряжении приказа были так называемые «царедворцы» — стольники, дворяне, стряпчие, жильцы, которые выполняли отдельные поручения. Денежной казной ведали бурмистры, а учетом и расходом артиллерийских припасов — целовальники. До 1712 года, по-видимому, никакого постоянного штата приказа не было, так как число его членов в разные годы было непостоянным. По штату 1712 года было определено иметь в приказе артиллерии одного дьяка и 24 подьячих.

В ведении приказа находились: личный состав артиллерии; артиллерийские школы; полковая, полевая и осадная артиллерия; средства тяги артиллерии; артиллерийское производство; инженеры (саперы); колокольное дело и гражданская типография (с 1706 года). Приказ также занимался вопросами обеспечения вооружением и боеприпасами всех войск. Кроме того, в его функции входило судебное разбирательство над личным составом.

Несмотря на наличие помощников, Брюс как глава приказа подробно вникал в его работу. Даже находясь в военных походах, он продолжал действенно управлять вверенным ему ведомством. Без его участия не решался ни один вопрос, который находился в компетенции приказа, вплоть до самых незначительных. Я. В. Брюсу посылались копии всех указов, отчеты о производстве вооружения, ведомости о наличии и расходе артиллерийских припасов, списки личного состава и росписи на выдачу денежного жалованья и хлебного довольствия — одним словом, все документы, требовавшие его решения.

Параллельно с Приказом артиллерии существовал еще один административный орган — Походная артиллерийская канцелярия, которая была создана при генерал-фельдцейхмейстере только на время ведения военных действий, когда он находился в походе. Первые упоминания о существовании канцелярии относятся к 1705 году. Штат ее состоял из трех человек: одного старого и двух молодых подьячих. До окончания Гродненской операции (1706 г.) канцелярия упоминается под названием «Походная артиллерия в Гродне», или «Приказ воинский походный артиллерии».

С переездом Брюса в Санкт-Петербург в 1714 году его Походная канцелярия становится стационарной. Приказ артиллерии был разделен на две части — Московский и Петербургский. За первым осталось название Приказа артиллерии, вторым получили наименование Артиллерийской канцелярии. Постепенно с переводом центральных учреждений в Санкт-Петербург роль Артиллерийской канцелярии возрастает. Она становится фактически главной, а Приказ артиллерии — второстепенным административным органом.

Существование параллельно двух высших артиллерийских учреждений ничем не было оправдано и вносило лишь путаницу в организацию производства вооружения. В 1723 году управление артиллерийским ведомством было реорганизовано. Главным административным органом стала Главная артиллерийская канцелярия во главе с президентом генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюсом, который оставался им до своей добровольной отставки в 1726 году.

Я. В. Брюс в поисках усовершенствования артиллерии во многом опирался на знание и опыт «капитана на Москве» Якова Шперейтора, который, выражаясь современным языком, был техническим руководителем Московского пушечного двора. В первое десятилетие Северной войны именно этот двор стал своего рода лабораторией нового конструирования вооружения. Образцы вооружения, показавшие удовлетворительные результаты при

испытаниях на Пушечном дворе, либо в единичном экземпляре, либо опытными партиями отсылались «в поход» или в Санкт-Петербург, где проходили дальнейшие испытания в боевой обстановке.

Многочисленные справедливые нарекания военачальников на плохое качество лафетов, станков, роспусков и артиллерийской принадлежности принуждало начальника артиллерийского ведомства обратить пристальное внимание не только на их устройство, но и на качество материала, из которого они изготавливались. Брюс обстоятельно разъясняет в письме к Ф. Ю. Ромодановскому, в какое время года следует заготавливать лес для артиллерии и как его хранить. «Уведомлен я от тебя, государь, чрез писание, что дубовый лес на пушечные станы и колеса по росписи изготовлен нынешним летним временем. И тот, государь, лес к артиллерии делам будет не прочен. И ты, государь, оный лес по той росписи повели изготовить в декабре месяце и вывесть к Москве зимою. А водою ево не сгонять, дабы к оным делам был крепок и походам прочен». И в качестве приписки Я. В. Брюс разъясняет: «В познание тебе для чего летней лес нездоров. Когда отсекается и в середке остается сок, и от того гниет. А в зимнее время оной сок входит в коре, и такое дерево всегда бывает здорово».

Низкое качество шанцевого инструмента — лопаток, кирок, мотыг, которые являлись в то время дополнением к артиллерийской принадлежности, — заставляет главу артиллерии заняться и этой проблемой. Рассмотрев все предложенные виды кирок, мотыг и лопаток, Я. В. Брюс остановился на шведских образцах. Он потребовал, чтобы их образцовые варианты сделал шведский кузнец, только дополнительно для прочности на концах металлических частей «наварил уклад или сталь».

В поле зрения Брюса находилась и форма одежды пушкарей. По-видимому, он справедливо полагал, что единообразный военный костюм — еще одна мера в организационном строительстве полевой артиллерии. Поэтому даже галстуки должны были быть сделаны по единому образцу, который Брюс прислал в приказ из похода.

Как глава артиллерии, Брюс пытался навести строгую отчетность в приеме и отпуске артиллерийских припасов и установить сроки их доставки, ужесточив наказание за любое нарушение.

Немаловажной частью деятельности Брюса в качестве главы Артиллерийского приказа было непосредственное его участие в изготовлении артиллерийского знамени и литавренной коляски

— главных регалий русской артиллерии, которые делались в 1706 году по чертежу и описанию самого Брюса.

Вот полное описание этого знамени: «Большое знамя надобно быть из белой камки (шелковая узорчатая ткань). Ширина тому знамени три аршина с четвертью, длина три аршина. То знамя сделать велено против чертежу. Пушке надобно быть желтой, а станок красный, орел черный. А положено то знамя писать письмом, которой живописец сам может лутче написать, чтоб сделать хорошим письмом. И к литаврам завеси из белой ж камки, ширина семь четвертей, длина пять четвертей. Орел черный, коруна желтая. Писать такою фарбаю (краской), которой самою лутчею может знать живописец. Бахрома: шелк белый и красный, и лазоревый».

Эмблематика, изображенная на знамени: в центре — желтая пушка на красном лафете, а под ним орел с распростертыми крыльями — воспроизводилась впоследствии на всех артиллерийских знаменах XVIII века, в той же цветовой гамме.

Я. В. Брюс внимательно следил за изготовлением знамени и литавренной коляски, торопил со сроками, прекрасно понимая, как важно будет иметь артиллерии собственные регалии в походе.

Артиллерийское знамя и литавренная коляска 1706 года единственные артиллерийские регалии, имена создателей которых сохранились. Знамя кроил Е. П. Зыбин, расписывали полотнище смоленские иконописцы Иван Андреев и Гаврила Степанов, копье к древку делал киевский мещанин Петр Федоров.

Литавренную коляску сделал по заданию Я. В. Брюса колесный мастер Томас Боуман, он же и «учинил на ней резьбу». Помогал ему станочный ученик Ингерманландской канцелярии Козьма Михайлов. Для украшения ее отдельными резными фигурами были привлечены киевские мастера-резчики Иван, который вырезал государственный герб, и Юрий Бербар, изготовивший фигуру орла и двух «левиков» (львов). Живописные работы выполнял киевский живописец Афанасий Мартусков.

Наличие литавр требовало присутствия специального воинского чина — литаврщика. Строевой мундир литаврщика в 1706 году тоже был сделан «по Брюсову образцу»: кафтан и штаны были из малинового сукна; воротник и обшлага кафтана — из василькового сукна; галуны серебряные; весь кафтан украшен вышитыми золотом и серебром гербами; пуговицы обтянуты серебром; сапоги немецкие; шапка расшита золотыми и серебряными нитями; епанча из сукна василькового цвета. Кроме того, литаврщику полагались перчатки.

Ни в одной области военного дела не стремились так к реформированию, как в артиллерии.

Артиллерийские школы

Большое внимание Брюс уделял становлению и развитию артиллерийского образования в России. Еще в 1698 году при Пушкарском приказе в Москве была основана школа «цыфири и землемерия» (т. е. геометрии), где пушкарскому делу учеников обучал мастер Иван Зерцалов.

Эта школа действовала под присмотром дьяка Пушкарского приказа А.А. Виниуса. Однако в 1699 году школа сгорела во время большого июльского пожара. В январе 1701 года почти одновременно со Школой математических и навигацких наук была открыта возрожденная Московская пушкарская школа (Новая пушечная, или Артиллерийская, школа). Размещалась она на Новом Пушечном дворе. В 1703 году Виниус впал у царя в немилость, и школа осталась без присмотра. Кураторство над ней было передано новому начальнику Приказа артиллерии Я. В. Брюсу, немало сделавшему для закупки инструментов, приборов и учебных пособий для Математической навигационной школы как за границей, так и в самой России. Таким образом, Артиллерийская школа возникла не на пустом месте. По мнению В. А. Ковригиной, именно Пушкарская школа конца XVII века стала основой для Артиллерийской, а затем Инженерной школ.

Учебная программа Артиллерийской школы не ограничивалась, как раньше, обучением пушкарских детей чтению, письму, цифири (арифметики) и землемерию (геометрии). Теперь эти науки постигали в «Нижней»(Цифирной и Словесной) школе. К изучаемым предметам в «Верхней» школе благодаря Я. В. Брюсу добавились тригонометрия, «артиллерия», черчение и «инженерная наука». Причем последнюю поручено было преподавать в 1704 году иноземцу на русской службе капитан-инженеру П. Грану. Для артиллерийской практики, обучения стрельбе по целям и скорой стрельбе из пушек и мортир школа получала с Московского пушечного двора порох, боеприпасы, фитили, пыжи и другое артиллерийское снаряжение.

Школа располагалась на Новом Пушечном дворе до 1707 года, когда из-за строительства оборонительных сооружений вокруг Китай-города и Московского Кремля руководитель фортификационных работ капитан Преображенского полка В. Д. Корчмин «согнал» ее на Суздальское подворье. Благодаря настойчивым напоминаниям Брюса в 1706 году здание школы было отремонтировано. Если в 1701 году в школе обучалось 180 человек, то к концу 1704 года в ней было уже 300 учеников.

В условиях военного времени Я. В. Брюс не мог лично

руководить школой, но посредством переписки с Приказом артиллерии старался контролировать ее деятельность.

Брюс следил, чтобы учебный процесс в школе шел нормально и ученики осваивали не только теорию, но и приобретали практические навыки. Он рекомендовал Н. П. Павлову отобрать из школьных учеников человек пять-шесть, хорошо успевающих по геометрии и фортификации, и «отдать их в науку Шперейтеру», чтобы он научил их не только чертить, но и стрелять, «особенно бомбами». Одним словом, чтобы «научил подлинному своему делу».

Знаменательно отношение главы артиллерийского ведомства к проблеме профессионального обучения. Узнав, что несколько учеников Словесной школы бежали и записались в солдаты, Брюс потребовал от Ф. Ю. Ромодановского разыскать их и, наказав, отправить обратно в школу. «Нужды в них (как в учениках), — писал Яков Вилимович князю-кесарю, — больше есть, нежели в солдатах. Понеже всякий крестьянин может быть в солдатех, а не пушкарем».

Особо заботил Якова Вилимовича и подбор кадров для Артиллерийской школы. Грамотных специалистов катастрофически не хватало не только в учебных заведениях, но и в государственных учреждениях, в армии и на флоте. К сожалению, имевшиеся при школе преподаватели были далеки от идеала. Несколько писем Я. В. Брюс посвятил учителю арифметики в Артиллерийской школе С. Печорину.

В мае 1706 года дьяк Приказа артиллерии Н. П. Павлов написал Я. В. Брюсу: «Цыфирной науки учитель, который взят из Математической школы, Спиридон Печорин, для учения школьных учеников учинился во пьянстве, и за то ему было дано поучение, бит батоги. И по се число он, Спиридон, от пьянства не лишился и в школу приходит изретко и в учении тем ученикам есть немалая остановка».

Понятно, что без учителя арифметики полноценно проводить занятия было невозможно. К нерадивому педагогу были применены методы дисциплинарного воздействия, которые не возымели действия — «бит батоги, а от пьянства не лишился». Тогда Я. В. Брюс в письме Н. П. Павлову распорядился: «И ты ево вели, сковав, в школе держать непрестанно, чтоб в учении учеников остановки не было».

Н. П. Павлов сообщил Брюсу, что «школьный учитель Спиридон… сыскан и скован». Неизвестно, водили ли Печорина на занятия скованного, либо же он представал перед учениками без кандалов, однако в течение трех недель занятия шли успешно. Тем не менее, в августе «зеленый змий» вновь одолел педагога, и

он умудрился учинить в школе какое-то «бесчинство» и «неистовство». Брюс узнал об этом от посторонних людей. Разуверившись в своих воспитательных методах, Яков Вилимович велел Н. П. Павлову не только не пускать С. Печорина в школу, но и на двор, а жалованье ему на 1706 год не выдавать. Брюс предложил заменить его кем-либо из учеников или сыном П. Грана. Брюс особо подчеркивал, чтобы новый учитель мог свободно разговаривать и вести обучение на русском языке. Вероятно, младший Гран не вполне отвечал этим требованиям, и на место С. Печорина, которого в том же году алкоголь свел в могилу, учителем был взят «Верхней» школы (т. е. из старших классов) ученик Михаило Борисов, «для того что по свидетельству той науки… достоин».

В июне 1706 года «директор» Артиллерийской школы П. Гран подал жалобу на подьячего Т. Кудрявцева, что тот не дает для школы ни чернил, ни бумаги. И однажды из-за этого в течение трех недель не было занятий. Кроме того, он же не разрешает чинить школу, «где худые места».

За эти «бесчинства» Я. В. Брюс выговорил приказному дьяку: «При отъезде своем [в поход] приказал я ему [Кудрявцеву], чтоб он в деле оному ж учителю никакой остановки не чинил. И тебе велеть Кудрявцеву у хоромного строения все худые места починивать. Також для учения оных учеников чернил и бумаги давать неотложно, чтоб за тем во учении остановки никакой не было ж. И надлежало бы тебе самому над школою присматривать, чтоб мне таких бездельных докук не было».

В 1706 году в связи с нехваткой профессиональных кадров в армии Петр I издал распоряжение о немедленной отправке в действующую армию школьных учеников, которые прошли или заканчивают обучение.

В соответствии с указом государя Я. В. Брюс в августе отдал Н. П. Павлову распоряжения о присылке учеников в поход: «Которые ученики выйдут из науки у Грана, и ты, о науке их изяв у мастера скаску, буде они подлинно изучены, и тех учеников присылай ко мне немедленно. Також отпиши в Берлин к Алексееву, который там остался, чтоб писал немедленно, чему он изучился. И буде подлинно науку принял, что ему преж сего повелено учить, дабы ехал к Москве не мешкав, а лутчей, чтоб на Киев, и явился б у меня».

Вскоре начальник артиллерии получил ответ, в котором содержался список учеников, которые, по словам П. Грана, «изучились» артиллерийскому делу, проходят «инженерную науку» и могут быть присланы в поход. Это были два бомбардира — Алексей Головачев и Василий Наумов, а также Михайло

Борисов.

В конце того же месяца Я. В. Брюс, повторяя почти дословно царский указ, написал в Приказ артиллерии о присылке в поход «школьных учеников и бомбардиров, которые выучились геометрии и артиллерии, пушечным и мортирным чертежам кроме тех, которые малолетки». Однако в конце письма напоминал дьяку: «А остальные непрестанно были б в науке, и посмотри в нижних Цыфирной и Словесной школах за мастерами сам».

Таким образом, уже в первые годы Северной войны, несмотря на определенные трудности с финансированием, подбором учителей, наличием учебных пособий, Артиллерийская школа стала настоящей кузницей профессиональных кадров для действующей армии. И огромная заслуга в этом принадлежит Я. В. Брюсу.

Занимался Я. В. Брюс и усовершенствованием конструкции лафетов, главным образом колес, потому что именно на последние было много жалоб.

Во-первых, уже в 1700 году был сформирован артиллерийский полк, объединивший полевую артиллерию. До этого артиллеристы (бомбардиры) только придавались пехотным частям. Самостоятельным родом войск артиллерия не была.

Во-вторых, в 1701 году в русской армии вводится конная артиллерия. На вооружение драгунских полков стали поступать пушки и мортиры, расчеты полковых пушек были посажены на лошадей. В этом Россия опередила Западную Европу на полстолетия. Конная артиллерия на Западе впервые будет введена в прусской армии Фридриха Великого в 1759 году.

В-третьих, вводится четкое разделение орудий на три вида — пушки, гаубицы и мортиры. Каждый вид орудий имел строго установленные калибры. Пушки отливались 3, 6, 8, 12, 18 и 24-фунтового калибра; гаубицы 1/2, 1 и 2-пудового калибра; мортиры 6-фунтового, 1, 2, 3, 5 и 9-пудового калибра. Были разработаны и разосланы на заводы чертежи для каждого установленного образца орудий. Отливка орудий производилась в точном соответствии с чертежами, составленными Брюсом. Окончательное установление артиллерийской шкалы калибров произошло в 1705 году.

В-четвертых, артиллерия получает четкое подразделение на полевую, полковую, осадную и крепостную, что обеспечивало более широкие возможности ее тактического использования. На вооружении полковой артиллерии состояла трехфунтовая пушка и 6-фунтовая мортира. В каждом пехотном и драгунском полку имелось по две трехфунтовые пушки четыре 6-фунтовые мортиры.

Последние располагались на боевой оси по обеим сторонам пушки и предназначались для усиления ее картечного огня. В полевую артиллерию входили 6, 8 и 12-фунтовые пушки, 1- и 1/2-пудовые гаубицы, 1- и 2-пудовые мортиры. Осадная артиллерия состояла из орудий наиболее мощных калибров: 18- и 24-фунтовых пушек, 3, 5 и 9-пудовых мортир. Крепостная артиллерия имела орудия различного калибра, обычно в нее входили 3, 6,12,18 и 24-фунтовые пушки, 6-фунтовые, 1, 2 и 5-пудовые мортиры, 1/2, 1 и 2-пудовые гаубицы.

В-пятых, артиллерийские орудия, особенно орудия полковой и полевой артиллерии были значительно облегчены. Так, трехфунтовая пушка, весившая раньше около 15 пудов, была облегчена на шесть пудов, вес 6-фунтовой полевой пушки уменьшен с 45 до 36 пудов. Кроме того, было улучшено устройство лафетов. На вооружение поступали новые виды артиллерийских снарядов (чугунная картечь, зажигательные снаряды и др.). Для перевозки боеприпасов впервые вводились двухколесные зарядные ящики. Все это увеличило мобильность армии.

Главным источником познаний Брюса в этой сфере были разработки по артиллерийскому делу, к тому времени опубликованные. Об одном из изданий хотелось бы рассказать более подробно. Это учебник Э. Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии», изданный в Гданьске в 1687 году.

В этой книге даны теоретические основы артиллерийского дела по классификации пушек и ядер, расчеты по определению угла прицеливания в зависимости от калибра, расстояния и высоты положения пушки. Даются практические советы по использованию полевых орудий.

Автор разъясняет, как возможно производить стрельбу необученным геометрии (землемерию) пушкарям, дает практические советы при стрельбе разными ядрами (каменными, железными, свинцовыми) с расчетами масштабов для точности стрельбы, при использовании разного калибра пушек и мортир.

Даны в книге описания составляющих порох элементов, способы обнаружения в земле селитры и ее приготовления для использования при создании пороха.

Автор подробно характеризует различные пороховые составы и рецепты, где применяются селитра, сера и уголь, рассказывает и об изготовлении «светящихся и дождевых ядер», применяемых для фейерверков.

В книге представлены составы ручных гранат, зажигательных и дымовых ядер. Повествуется также и о «потешных» ядрах с бегающим по земле и воде огнем и даже «как именной огонь

делать».

Представлены в книге сведения об устройстве фейерверков и салютов на различных увеселениях.

Книга сопровождена приложениями, в которых приводятся не только расчеты, но и изображения различных видов орудий, ядер, гранат и устройств для фейерверков.

Оценка артиллерии ч. Витвортом

Следует отметить также, что в эти первые годы войны генерал-фельдцейхмейстер еще не имел штаба, не было и канцелярии, и во многих случаях Я. В. Брюс вынужден был лично вести переписку по Артиллерийскому приказу. К примеру, отвечая на письмо артиллерийского комиссара Новгорода Дмитрия Екимова, сообщавшего о пушках, у которых «раздутые запалы» и неудовлетворительное состояние запасов, Яков Вилимович, находясь в Смоленске, советует: «Тебе наипаче порадеть, и тех пушек, у которых запалы роздуло, досмотри подлинно, а осмотря, у которых запалы гораздо разгорелись, вели налить меди в пушку столько, коль дуло широко, а запал прикажи вновь повертеть перед заливкою».

В связи с перебоями поставок в Новгород и на Ладогу Брюс 3 апреля просит у канцлера графа Г. И. Головкина: «Зело время поздает, а от милости твоей ни седле ни узде не прислано, а привесть сюды к уреченному числу никоими меры буде невозможно, от чего мне бедство быть может. Того ради прошу, пожалуй, прикажи, государь, не мешкав те припасы к нам отпускать». После этого Брюс поручает артиллерийскому командиру в Москве, дьяку Никите Павлову, получить, подремонтировать и направить в Смоленск присланные Головкиным палубы с пушками, вооружением и боеприпасами. Он торопит своих подчиненных, артиллерийских комиссаров, поскольку готовятся походы русских войск в Эстляндию, Лифляндию и в Польшу.

Яков Брюс использовал и другие способы доставки артиллерийских припасов из Москвы в Смоленск. Об этом ему сообщает в своем письме боярин Т. Н. Стрешнев: «Послал я с Москвы в Смоленеск с подводчики человека своего Микиту Семенова, которые подводчики повезли свинец. Пожалуй к тому человеку свою всякую милость и тех подводчиков прикажи отпустит без задержания, ест ли вазможна, Тихон Стрешнев. Из Москвы Майя в 5 день (1705)».

При получении этого письма Брюс, находившийся тогда уже в Витебске, 7 июня написал ответ Стрешневу: «… ты, государь, изволил ко мне писать, чтоб человека твоего, которой повез свинец до Смоленска, отпустить немедленно, и то писмо меня в Смоленску не застало; а естли б застало, и я б за твою, Государь, милость мог всячески услужить по желанию вашему».

В Витебске же нагнал Брюса сам Петр, задержанный в Москве лихорадкой, и 12 июня царь с фельдцейхмейстером приехали в

Полоцк, где находились фельдмаршал Огильви и генерал Репнин и прочие с пехотными полками, где также располагалась и полевая артиллерия.

1 июля вся армия тронулась из Полоцка в Вильно. В этом походе Брюс получает весьма неприятное известие из Поречья от артиллерийского дьяка Ивана Козлова о состоянии артиллерийских частей: «Пушкари, которые ныне у меня в Поречье, таскаются по миру, а провиант им хлеба не дает. Изволь поговорить Семену Григорьевичу (кн. Волконскому), чтоб он о том к провианту отписал». Под «провиантом» понимается служба, которую с 18 февраля 1700 года возглавлял окольничий С. И. Языков. Эта служба и занималась поставкой хлеба армии. А ее руководитель имел звание «генерал-провиант».

Я. В. Брюс очень быстро отреагировал на это письмо, и артиллеристы Ивана Козлова получили провиант. Об этом Козлов сообщает через несколько дней уже из Москвы: «Благодарен за отеческую твою, государя моего, благость. Что надо мною об отпуске удивил милость, что возздам? Воздаст тебе, государю, Бог вся благая на лета многа, и я убоги должен здомишком вечно Бога молить. И не остави милости твоея от меня, яко же и прежде, и отпиши о мне князь Федору Юрьевичю (Ромодановскому) милостиво. Неоткуду помощи чаю, токмо на Господа Бога и на твою, государя моего, милость».

Артиллерия Брюса стояла в Вильно до 10 августа. К тому времени в Прибалтике военные действия происходили с переменным успехом. Русские войска под командованием Шереметева столкнулись со шведским войском генерала Левенгаупта под Гемауэртгофом и потерпели поражение, во многом из-за того, что Шереметев, не дожидаясь пехоты, атаковал шведские войска одной кавалерией. В этом сражении был оставлен шведам и обоз с пушками. Однако полного разгрома 15 июля под Гемауэртгофом не было, поскольку, опасаясь подхода русской армии, который мог привести к окружению шведов, Левенгаупт был вынужден отвести свои войска к Риге. Именно к Риге Петр приказывает отправить часть артиллерии, находившейся в Вильно.

Получив повеление царя отправить Двиною под Ригу пять и более мортир, Брюс пишет князю Ромодановскому, отказывавшему в безденежном отпуске бомб, гранат и железа из Сибирского приказа на Москве: «И о том как твое изволение: доносит ль о сем или нет царскому величеству? Я чаю, что не болно прилично будет. Того ради, прошу, изволь о сем ко мне отписать. А лутче б оное управить без докуки царскому величеству для того, что ево величество и без таких дел есть

многое трудное управление».

Неудача компенсировалась взятием Митавы 4 сентября. Причем Петр I, осадив Митаву, 17 августа посылает повеление Брюсу, чтобы он погрузил на суда 18- и 8-фунтовые пушки «да бомб сверх перваго наряду послал бы тысячу как наискорее». Именно артиллерия, посланная Брюсом, решила исход этого сражения. После четырехдневной осады была проведена изнурительная для шведской крепости десятичасовая бомбардировка, после которой крепость капитулировала. А через десять дней сдался и Бауск. Победителям достались огромные трофеи, в десятки раз превосходящие потери при Гемау-эртгофе — 290 пушек, 23 мортиры и 35 гаубиц в Митаве и 46 пушек, две мортиры и восемь гаубиц в Бауске.

Трагедия в Гродно

Из Вильно Я. В. Брюс направляется в Гродно, где планировалось разместить русскую армию на зимние квартиры. В Гродно прибыл король Август II и наградил русских генералов новоучрежденным орденом Белого Орла, высшей в то время наградой Польши. Среди награжденных оказался и Я. В. Брюс.

Размещение на зимних квартирах в Гродно предполагало осуществление там не только военной деятельности. Для Брюса, да и самого Петра, появляется возможность заняться исследовательской работой и ремеслом. Неслучайно 5 ноября Петр пишет в Москву Стрешневу письмо с просьбой выслать в Гродно токарный станок Я. В. Брюса. Сам же Брюс, занимавшийся усовершенствованием состава пороха, отправляет Шереметеву в Астрахань письмо, в котором излагается просьба о разведке залежей серы.

Б. П. Шереметев с частью русских войск был отправлен в Астрахань в июле 1705 года для подавления там восстания, начавшегося 30 июня.

Именно в Гродно Брюс добивается того, что артиллерийские полковники были сравнены в жалованье с высшими офицерами Преображенского и Семеновского полков. Кроме того, именно в Гродно Брюс впервые вводит в артиллерии измерение английскими фунтами и дюймами, вместо прежнего аршинами и вершками, а также артиллерийскую шкалу калибров, основанную на использовании английского фунта. Хотя фунтовые калибры были в ходу в русской артиллерии и до 1705 года.

Вопреки планам русского царя пребывание нашей армии на зимних квартирах в Гродно едва не завершилось трагедией. Зная о том, что крепость недостаточно приспособлена для обороны, Карл XII, пренебрегая сложившимися тогда законами военного искусства, начинает зимнюю кампанию, и в начале января 1706 года оказывается в непосредственной близости от Гродно. Шведский король пытается блокировать русскую армию в крепости, чтобы взять ее штурмом. Возникает опасность разгрома, тем более при подходе шведов к Гродно Август II, командовавший после 7 декабря объединенной союзнической армией, бежит из крепости 17 января в сопровождении 600 драбантов и четырех полков русских драгун, якобы для того, чтобы привести на помощь осажденным саксонские войска. По повелению царя выезжает из Гродно и Меншиков.

Таким образом, положение осажденных в Гродно становится критическим. В этой ситуации Петр I проявляет твердый

характер, настаивая на немедленном выводе армии.

Для Брюса эпопея в Гродно стала тяжелейшим испытанием. Не раз он слышал упреки от командующего русскими войсками генерал-фельдмаршала Огильви в том, что «артиллерийская упряжь и прочие подвозные снаряды плохи». Кроме того, Петр I приказывает выходить армии из крепости и советует «полковых пушек взять с собою сколь возможно (в чем зело смотреть, чтобы не отяготиться: брать зело мало, а по нужде хотя и все покинуть); тяжелую же артиллерию и прочее, чего нельзя увезти, бросить в воду, невзирая ни на что: только бы людей спасти».

Когда же 24 марта армия, по настоянию и плану Петра, выходила из окружения, покидая Гродно, по приказу Огильви тяжелые лошади Преображенского полка были впряжены под пушки вместо никуда негодных артиллерийских лошадей, а затем «пушки и свинец и всякие припасы полковые артиллерные пометали в реку, а телеги пожгли».

Так создаваемая с огромным трудом русская артиллерия понесла при осаде Гродно огромный урон. Но наряду с неудачами было и немало успехов в развитии артиллерии.

По выходе из окружения Я. В. Брюс узнает о том, что уже к 1 февраля в Москве были отлиты по новым чертежам 100 мортирцов 6-фунтовых да 26 пушек трехфунтовых, и у них уже «почели оттирать прибыли и ставить на сверло, и к ним начали станки делать и колеса оковывать». Были сшиты и 460 пушкарских кафтанов, стоивших вместе с камзолами и штанами по 7 рублей 5 алтын и 20 января отправленных в Гродно дьяком Никитой Павловым. Стратегический план царя состоял в отступлении к Киеву. Брюс приехал в древнюю столицу Руси 8 мая 1706 года. Оказавшись в Киеве, он занимается составлением описи не только количества и качества необходимых к станочному делу досок, ступиц, косяков, осей, но и числа колесных ступиц с их мерою. Иными словами, Яков Вилимович предполагает совершенствование артиллерийской пушки и артиллерийского станка.

Даже находясь в гродненском лагере, он продолжал руководить Приказом артиллерии. К сожалению, многие письма Брюса не доходили до адресатов, так как курьеров перехватывали шведы. Иногда в Москву (или в Гродно) попадали лишь дубликаты или трипликаты корреспонденции.

«Надзрение» за типографией

В том же году на Якова Вилимовича была возложена еще одна обязанность, связанная с надзором за деятельностью Гражданской (Новой) типографии в Москве. Типография возникла в 1705 году по инициативе энергичного «купецкого человека» кадашевца В. О. Киприанова и должна была выпускать в свет книги только светского содержания. В указе от 30 мая 1705 года об ее учреждении говорилось, что наука в школах умножается, а книг учебных нет, и, таким образом, основной задачей типографии становился выпуск учебных пособий.

Она должна была печатать книги «докторские, математические и архитектонские и водам взводительные», а также «нотные».

Вместе с типографией создавалась и «библиотека», которая одновременно служила и книжной лавкой. В. О. Киприанов получил право торговли не только своими изданиями, но и продукцией Московской типографии (Печатного двора). Он также осуществлял надзор за частной книготорговлей, поскольку продажа печатных изданий без проверочного знака (герба) Киприанова запрещалась.

Как видим, задачи типографии по выпуску учебной литературы были тесно связаны с проблемами Артиллерийской и других школ. Вероятно, это и стало причиной того, что Петр I вверил попечение новым, наполовину частным предприятием своему высокообразованному сподвижнику Я. В. Брюсу.

21 августа 1706 года Я. В. Брюс в письме отдал распоряжение Н. П. Павлову: «В артиллерии записать Царского Величества Имянной указ, дабы ведать гражданскую Новую типографию, против того, как записал в Ратуше, всяким делам и строение мейстера Василья Киприянова и ево мастеровых и работных людей в Приказе артиллерии». Таким образом, с этого времени Гражданская типография находилась в ведении Я. В. Брюса.

В. О. Киприанов оказался ловким дельцом и вскоре понял, что на одной учебной литературе невозможно сделать состояние. Гораздо большим спросом в то время пользовались гравированные на меди карты, таблицы и чертежи.

И уже в скором времени Киприанов стал выпускать в свет гравированные «маппы» (карты) и чертежи. К сожалению, новомодная печатная продукция оставляла желать лучшего. «Ежели, да не ведаешь, как начертить глобус по художеству стереографической проекции, то надлежит тебе изучиться оному у аглинского учителя Андрея Фергисона или у кого из его

учителей. А без того ведения не можно глобусу ни маппы на [пло]ском написать», — вынужден был поучать Брюс книгоиздателя.

Я. В. Брюсу приходилось периодически сдерживать коммерческие новации не в меру ретивого предпринимателя. «Василью Киприянову вели сказать, — писал Яков Вилимович дьяку Павлову, — чтоб он печатал такие книжки и листы, какие преж сего бывали и в церквах, також и в народе употребляют. А вновь собою ничего не вымышлял, дабы ему в том слова не нажить».

В другом письме Брюс лично решил поучать Киприанова: «Ежели в какой твоей печати имя Государя Царевича (Алексея Петровича. — *Авт.)* поминается, то тебе не надлежит писать Великого Государя Царевича благородным, понеже в иных странах всякий шляхтич знатной пишется благородным. Надо б приписать Его Царская Высокость».

В Гражданской типографии не хватало специалистов, их пришлось «позаимствовать» на Печатном дворе, который был в ведении главы Монастырского приказа боярина И. А. Мусина-Пушкина. Там, как известно, печаталась церковная и богослужебная литература. Между Приказом артиллерии и главным церковным ведомством возникла напряженная ситуация.

Мусин-Пушкин отказывался давать своих мастеровых. Так, например, когда дьяк Никита Павлов попытался забрать в Гражданскую типографию с Печатного двора «словолитца» Михаила Ефемова, его отказались отпускать.

Тогда Я. В. Брюс нашел способ воздействовать на упрямого боярина через царского фаворита. «В Новую типографию о взятье с Печатного двора мастеровых людей прислано буде письмо от господина князя Меншикова к Мусину-Пушкину не умедляв», — писал он Н. П. Павлову в ноябре 1706 года.

Узнав, что спустя некоторое время мастеровых людей Гражданской типографии «в иные дела отволакивают», Брюс советовал Н. П. Павлову лично съездить к И. А. Мусину-Пушкину, а если тот откажется возвращать печатников, то обращаться к самому Ф. Ю. Ромодановскому.

Из-за отсутствия в Москве в течение всего 1706 года Я. В. Брюс не мог лично вмешиваться в деятельность Гражданской типографии. Однако, даже находясь в военном походе, он старался не только организовать ее производственный процесс, но и контролировать качество выпускаемой продукции.

1706 год. Повседневная жизнь начальника артиллерии

С приказной почтой получал Я. В. Брюс редкие весточки из дома от своей супруги Марфы Андреевны, которая не понаслышке знала тяготы походной жизни и старалась хоть как-то скрасить военные будни мужа.

Эта трогательная забота проявлялась прежде всего в мелочах. Так, например, через Е. Зыбина она послала Якову Вилимовичу «бутылию с воткою» в туеске и «ведерко с калачами».

4 января 1706 года А. Брылкин писал Брюсу в Гродно: «Государыня моя, Марфа Андреевна, в добром здравии и в доме твоем милостию Божией все сохранно. Известно тебе, государь, буди Государь изволил славить в доме твоем декабря в 29 день в первом часу дня. Зело изволил увеселиться, и убрано было кушанье, также и напиткам зело изрядно. Назавтрее изволил кушать царевич и забавлялись с великим веселием, танцевали и в лещотки играли до полуночи».

Марфа Андреевна достойно принимала гостей в отсутствие мужа и могла потрафить развеселой компании славильщиков во главе с самим государем. Даже суровый князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский отписал Брюсу: «В доме твоем славили и все, слава Богу, исправили добре».

В то время, когда в Москве праздновали Новый год артиллерийской стрельбой и гуляньями и «потеха была», Я. В. Брюс находился в Гродно. Тем не менее даже из осажденного гродненского лагеря Я. В. Брюс смог передать через курьеров князя Меншикова грамотку супруге Марфе Андреевне. Спустя некоторое время (18 марта) Брюс вновь просил князя: «Когда явится случай отписать бы к Москве, дабы домашним моим ведомо было, что еще в живущих обретается тот, который повсегда называется вашего сиятельства (т. е. сам Брюс. — *Авт.)*».

За весь год Я. В. Брюс ни разу не был дома и не видел свою супругу. Беспокоясь за нее, он приказал Н. П. Павлову сообщать в письмах о домашних делах. С 5 декабря 1706 года практически все письма дьяка содержат стандартные приписки: «А в Приказе… также и в доме милости твоей по нижеписанное хисло милостию Божиею все в добром сохранении».

Со своим братом Романом Я. В. Брюс обменивался письмами. Но, как правило, это в основном деловая корреспонденция относительно выполнения различных распоряжений, снабжения армии, перевозки боеприпасов и артиллерии и т. п.

Все лето и начало осени 1706 года Роман Вилимович был занят подготовкой похода на Выборг. Снабдить всем необходимым собираемые в Санкт-Петербурге войска было крайне трудно. В сентябре 1706 года драгунский полковник граф Шомбург пожаловался Меншикову на Р. В. Брюса, заявив, что драгуны «безоружейны, и безлошадны, и безодежны». Князь разгневался на петербургского коменданта, кроме того, масла в огонь подлили некие «доброхоты». Они обвиняли Романа Вилимовича в том, что он строит свои хоромы по деревням, «оставя хоромы губернаторские». Вероятно, это взбесило Меншикова, для которого строительство собственных палат в Санкт-Петербурге было важнее, пожалуй, строительства самой крепости.

Р. В. Брюс оправдывался перед братом: «Хотя бы я скота был глупее, я бы того не учинил». Он клялся под угрозой лишения чина и чести, что строит дом не для себя, а для губернатора князя Меншикова: «И тот дом не себе я строил, построен для приезду его сиятельства; мне не в вотчину Санкт Питербурх дан».

Зная расположение светлейшего князя к брату, Роман Вилимович просил его о заступничестве перед Меншиковым от «ненавистников и лживцев», а также заверял, что «все полки удовольствованы будут к походу».

Добрые отношения Брюса с князем Меншиковым к 1706 году переросли в приятельские. Этому способствовала походная жизнь, придающая общению между людьми одного круга большую ценность, а также обоюдное участие в гродненской эпопее. Оба военачальника были почти ровесниками и отличались живым общительным характером. Они не принадлежали к старомосковской знати, не кичились своей родовитостью и свое положение в обществе целиком связывали со своими личными заслугами и верным служением государю.

Обладая несомненным дипломатическим талантом и определенным политическим чутьем, Брюс отчетливо понимал, что А. Д. Меншиков становится одним из самых влиятельных людей в государстве.

Князь обменивался с Яковом Вилимовичем шутливыми письмами. «Зело удивлен, — писал А. Д. Меншиков, — что ваша милость к нам отпустил столько пороху, сколько к стрельбе против неприятеля надлежит. Или не может господин генерал разсудить, что иногда и мы не насухе лежим, и в то время чем про ваше здоровье стрелять. О сем прошу благого рассуждения». 20 июля 1706 года Брюс в тон Меншикову отвечал: «Желею, что малое число пороха послал, которым от неприятеля побороться возможно, а для лутчего совс[ем] с Ивашкою Хмельницким

ничего не отпустил. И в том есть совершенная вина моя. Только есть причина тому, что и вышеписаный порох займывал. А ныне, по получении своего пороха для лутчаго возбуждения дружбы с Бахусом послал я к вашему сиятельству 3 бочки пороха, в которых содержится по 80 выстрелов на всякую пушку, которые посланы к вашему сиятельству. А буде сим да невозможно будет Ивашку к союсу (союзу. — *Авт.)* привести, и мы впредь вашему сиятельству услужим же».

Днями спустя Александр Данилович благодарил Брюса за присылку пороху и в шутку жаловался, что все запасы выпивки для «исполнения Бахусова закона» кончаются, «а впредь взять негде». Остается только забавляться охотой на диких коз, которых убивали до 50 штук в день.

Следует заметить, что А. Д. Меншиков весело проводил июльские дни временного военного затишья. Для увеселения он даже выписал три хора музыкантов (21 человек). «Которым зело нужда ныне у нас быть», — писал он генерал-адмиралу Ф. А. Головину.

18 августа 1706 года в Киеве состоялась свадьба АД, Меншикова с Дарьей Михайловной Арсеньевой. Брюс в эти дни находился там же и не мог не присутствовать на бракосочетании. С этого времени Яков Вилимович состоял в самых дружеских отношениях с Дарьей Михайловной.

В сентябре Яков Вилимович, приехавший во Львов, выполнил ряд поручений князя. Он закупил для него отборного венгерского вина, парадную конскую упряжь, карету с шестеркой «вороно-пегих» лошадей.

Памятуя о том, что «маленькие подарки скрепляют большую дружбу», Я. В. Брюс не забывал сделать «презенты» нужным людям. Князю Ф. Ю. Ромодановскому он послал «терочку табашную». Н. И. Репнин получил соболей и часы, а также ведро водки. Столько же хмельного напитка было послано в подарок генералу князю М. М. Голицыну. Оба военачальника по достоинству оценили горячительный напиток и через А. Зыбина били челом Брюсу за подношение. Дьяк Н. П. Павлов получил в подарок от своего начальника серебряную уздечку. Благодаря дружеским связям с царским фаворитом и расположению государя, а также личным качествам влияние Я. В. Брюса росло. К нему стали обращаться с просьбами замолвить словечко перед Меншиковым или самим Петром. Иногда просто старались напомнить о себе добрым словом, спросить о здоровье, выказать дружеские чувства.

Заслуженный ветеран, престарелый и больной полковник Н.Н. Балк просил исходатайствовать себе назначение в какой-

нибудь город в коменданты. «Приволокся я из Митавы к Москве… По се время мне пределу никакова нет, ни жалованья, ни отпуску к месту», — жаловался он. Первоначально Ф. А. Головин хотел отправить Балка на службу в Кольский острог. Однако Брюсу удалось замолвить о полковнике словечко. «О зимовье твоем и о болезни, которою твоя милость ныне одержим, говорил я губернатору Александру Даниловичу. И Александр Данилович изволил милость свою явить и сказал, чтоб освидетельствовал у господина Федора Алексеевича, нет ли каких <…> городех порожжего города. И по оной <…> Федор Алексеевич мне явил о Кольском остроге и <…> город зело учинился быть непотребен, понеже, что он в дальности. А после того, как [я улучил], видел Федора Алексеевича у Александра Даниловича, и по оному еще говорил. И в то время он изволил сказать, хотя и ныне выслать, милости твоей быть в Чернигове или Нежине комендантом». Брюс даже помог поселить жену и дочь Балка, выделив им двор.

За помощью к Я. В. Брюсу неоднократно обращался генерал Н. И. Репнин. Адмиралтеец и будущий генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин писал Якову Вилимовичу: «Пожалуй, мой милостивый, во всяких приключающихся о мне случаях не остави меня во благодеянии милости своей, за что долженствую милости твоей служение мое отдавати». Обер-комиссар Ратуши и царский «прибыльщик» Алексей Курбатов просил Брюса исходатайствовать ему пожалованье «изменничьих деревень циклеровских и соковнинских».

В то же время Яков Вилимович был равноудален от всех придворных группировок и старался не ввязываться в конфликтные ситуации. В одном из писем он стал опрометчиво поучать князя-кесаря Ромодановского, как правильно заготавливать лес. Федор Юрьевич обиделся, и Брюс поспешил сгладить ситуацию: «И я тебе, государю, о оном (лесе. — *Авт.)* никогда с пенями не писывал, и помышления моего о том не было, чтобы мне тебя, государя, чем прогневить, кроме того, что всегда тебя, государя, прославляю».

Современная исследовательница заявляет, что Я. В. Брюс, занятый военными походами и «не имеющий постоянного места проживания» (хотя жительствовал он, как известно, в Москве, в Немецкой слободе), имел весьма малое представление о том, как велось его хозяйство, и даже не знал о количестве собственных лошадей.

Попробуем опровергнуть столь голословное утверждение. Многие письма Брюса содержат его распоряжения относительно содержания лошадей и ухода за ними. Так, например, только в Смоленске и Рославле стояло 50 лошадей, принадлежавших

Брюсу. Из его личных средств была выделена сумма денег на покупку овса, лошади были «довольны кормом и сыты», а для профилактики болезней им выстригли уши и гривы. Чтобы спасти своих лошадей в Новгороде от падежа во время «конского мора», Брюс приказал управляющему перевести большинство из них в Москву.

Надо полагать, что Яков Вилимович вообще любил животных. Скучая в походе, Брюс просил прислать ему любимых собак. В письме А. Зыбина содержится информация об отправке начальнику артиллерии двух собак, одну из них звали Жучка.

Был Я. В. Брюс и в курсе дел в своих поместьях. Кроме полученных владений в Нарве (городской и загородный дом с землей) и дома в Немецкой слободе у Брюса за несколько лет его воеводства в Новгороде появилось домашнее хозяйство (дом, конюшни, сад и т. п.), которым также необходимо было управлять даже во время войны. Брюс вникал во все подробности этого; управления, хотя основное бремя забот по хозяйству легло на плечи Марфы Андреевны. Новгородский управляющий М. С. Желобовский писал Брюсу: «А сколько в тех деревнях дворов и крестьян отказано за милость твою, и тому послал я с отказных книг выпись за дьячею рукою к Марфе Андреевне».

Еще в 1705 году от князя М. И. Вадбольского Яков Вилимович узнал о выморочных поместьях Федора Пущина, Ивана Клементьева и Юрия Негоновского в новгородских землях (всего более 1100 четвертей земли). В начале января 1706 года Вадбольский советовал «побить о поместьях челом».

Вероятно, тогда же Брюс, получив точные сведения о землях и крепостных крестьянах на них по писцовым и переписным книгам, обратился с челобитной об отдаче этих поместий ему. Учитывая, что по некоторым поместьям были тяжбы с дальними родственниками прежних владельцев и с Иверским монастырем, дело тянулось, по крайней мере, до весны 1706 года.

Однако летом 1706 года новгородский управляющий М. С. Желобовский сообщал своему хозяину Я. В. Брюсу, что «в усадьбах у милости твоей по се число, дай Бог, здорово». Была засеяна яровая пашня даже больше, чем при прежних владельцах. Заканчивался посев ржи. Для домашнего обихода было заготовлено 1500 копен сена. Часть лугов была отдана под сенокос «на оброк». Жизнь крепостных крестьян в новгородских поместьях Брюса была, вероятно, лучше, чем у соседей. Так, бежавшие в Польшу крепостные помещика Ивана Нелединского, прислали к управляющему имениями Брюса крестьянина для переговоров. Они хотели поселиться на новгородских землях Якова Вилимовича («семей с 20»). Скорее всего, в том же году

Брюсу, по совету Желобовского, удалось отписать на себя и новгородский дом И. Клементьева.

Таким образом, даже находясь вдали от своих владений, Яков Вилимович находил время заботиться о них. В своих хозяйственных распоряжениях Я. В. Брюс предстает перед нами как рачительный и заботливый хозяин. В общении с «птенцами гнезда Петрова» Яков Вилимович — «политичный» человек, умеющий отстаивать как свои собственные интересы, так и интересы своего ведомства, используя при этом не столько грубый нажим, сколько пути дипломатического воздействия и рычаги влияния в ближайшем окружении Петра I.

Калишская баталия

Осенью 1706 года военные действия возобновились на территории юго-западной Польши, куда из Киева выдвинулись русские войска. 18 сентября 1706 года Меншиков извещал Я. В. Брюса о переходе неприятеля через Вислу и советовал ему «в доброй быть осторожности, а особливо… остерегаться с левой стороны».

Через несколько дней светлейший князь, как будто предчувствуя грядущее сражение, писал Брюсу: «Я обретаюсь с кавалерией во шти милях от Люблина в местечке Краснике, и завтра паки отсель в намерений путь к Висле пойдем. Того ради, изволь, ваша милость, со всеми при вас будучими людьми, идти за нами сим же путем как возможно… Також прошу, извольте лошадей гораздо кормить овсом и рожью, что где получить можно. И прикажи над драгунами прилежное осмотрение иметь, чтоб лошадей не поморили».

Меншиков понимал, что кавалерию, и прежде всего лошадей, следует поберечь, так как именно она в тот момент являлась ударной силой русских войск. Кроме того, из письма следует, что Я. В. Брюс если и не командовал частью кавалерии, то, по крайней мере, надзирал за ее состоянием во время марша к Калишу. 27 сентября 1706 года русско-польско-саксонская кавалерия, насчитывавшая в своих рядах до 22 тысяч всадников, переправилась у Сандомира через Вислу и подошла к Петеркову. «И намерение наше было, чтоб кончая с неприятелем баталию дать, и ради того поспешали опокидая многие обозы назади», — доносил А. Д. Меншиков царю.

В окрестностях Калиша на квартирах стояли шведские войска под командованием генерала А.А. Мардефельда. На них-то и намеревался напасть Меншиков, еще не зная, что Август II заключил перемирие с Карлом XII, согласился разорвать союз с Россией, отказаться от польской короны в пользу Станислава Лещинского и выплатить шведам огромную контрибуцию. Сепаратный мирный договор был заключен между Карлом и Августом в Альтранштадте 25 сентября 1706 года и содержался в глубочайшей тайне от русского государя.

Когда Меншиков сообщил Августу II о своем намерении атаковать шведов, положение последнего стало крайне щекотливым: с одной стороны, он боялся сразиться с Мардефельдом, зная, что прогневает Карла XII, чьи войска стояли в его собственной вотчине — Саксонии, с другой — опасался открыто объявить о своей измене Петру I. После долгих

колебаний Август решился на последнее средство. Он дважды посылал к Мардефельду с извещением о заключении мира со шведами и советовал ему заблаговременно отступить. Шведский генерал, не имея никаких распоряжений от Карла XII, не поверил Августу, тем более, что русско-польско-саксонская конница теснила его со всех сторон. Тогда Август II, принуждаемый Меншиковым к решительным действиям, согласился атаковать шведов.

Известно, что Я. В. Брюс участвовал в Калишской баталии. Об этом он лично сообщает в росписи своих «служб»: «Был на баталии в Польше под Калишем с генералом князем Меншиковым против шведских войск, которыя были под командою шведского генерала Марденфельта». Однако роль его в сражении до конца неясна. В официально опубликованной реляции о победе имя Брюса не упомянуто. В донесении Меншикова Петру I также ничего не говорится об участии Якова Вилимовича в битве.

Военный историк М. Д. Хмыров писал, что Брюс «в качестве неизвестно каком был свидетелем блистательной победы над шведами, одержанной 18 октября у Калиша князем Меншиковым». «Участвовал в выигранном сражении при Калише», — ограничивается одной строкой Д. Н. Бантыш-Каменский. Ему вторит П. М. Майков, сообщавший, что «Брюс находился в сражении при Калише». В новейшей биографии Я. В. Брюса факт его участия в Калишской баталии вообще обойден стороной.

Возникает вопрос: а был ли вообще Брюс при Калише? И если был, то что делал в сражении? Попробуем ответить на него.

За три дня до сражения при Калише князь А. Д. Меншиков вызвал к себе Я. В. Брюса: «Высокопочтенный господин генерал-лейтенант. По получении сего письма изволь, ваша милость, немедленно к нам ехать вкупе з господином генерал-майором Генскиным, х которому от меня о походе писано. Також пушки все б взяли сюды».

Сохранилось письмо Я. В. Брюса, датированное октябрем, об отправке 9 двухфунтовых пушек со всеми необходимыми припасами и людьми к А. Д. Меншикову.

Согласно отредактированной лично Петром Великим и помещенной в «Гисторию Свейской войны» официальной реляции о баталии «пополудни о двух часех зачалась пушечная стрельба, и потом вскоре оба фрунта сближались и в жестокой бой вступили».

Трудно представить, что Я. В. Брюс, находившийся на поле боя, не командовал лично артиллерией.

Исследователи полагают, что Я. В. Брюс участвовал в кавалерийской атаке, поскольку он просил дьяка Н. П. Павлова

купить в Москве и прислать ему в поход ольстры — чехлы для пистолетов, крепившиеся к седлу. Во время кавалерийской схватки всадник легко мог достать пистолет из такой «кобуры» и произвести выстрел. Ольстры были отправлены Брюсу. Еще пару ольстров прислал в подарок А. Курбатов. Они могли быть использованы для запасной лошади.

В результате трехдневных маневров союзные войска под командованием Меншикова и Августа II окружили со всех сторон шведский корпус в районе Калиша. Силы неприятеля состояли из 6 батальонов пехоты и 23 эскадронов кавалерии (всего около 8 тысяч) и от 15 до 20 тысяч «станиславчиков» (сторонников нового польского короля Станислава Лещинского) под командованием киевского воеводы и коронного писаря Юзефа (Иосифа) Потоцкого и Троцкого (тракайского) воеводы Яна Казимира Сапеги.

Позиция русско-польско-саксонских войск выглядела следующим образом: правое крыло двухлинейного боевого порядка занимали драгуны А. Д. Меншикова (8,7 тысячи), а левое — саксонская кавалерия (4 тысячи). На флангах в уступном порядке располагались польские сторонники Августа II (около 15 тысяч): справа — хоругви вольного коронного гетмана Станислава-Матвея Ржевуского, слева — великого коронного гетмана Адама-Николая Сенявского.

В два часа дня 18 октября 1706 года с обеих сторон началась пушечная пальба. Вскоре после этого линии противников стали сближаться и вступили в сражение.

Первыми начали атаку союзники. Саксонская кавалерия смяла боевые порядки «станиславчиков», которые, отступая, укрылись в вагенбурге (обозе), стоявшем за позициями Мардефельда. Часть саксонцев вместе с поляками Ржевуского и Сенявского ударили по правофланговым эскадронам шведов. Однако ожесточенный ружейный огонь заставил кавалерию Августа отступить.

Неудачу потерпела и первая линия русских войск, в которой находились драгунские полки К. Ренне, Г. Пфлуга, Б. Гагарина, П. Мещерского, Г. Волконского, М. фон Шульца, Г. фон Розена и Р. Боуера. Она была опрокинута шведами. Однако этот временный успех только ускорил гибель неприятельской конницы. Увлеченная преследованием русских драгун, она была охвачена свежими силами второй линии, где стояли полки М. Нетлегорста, фон Шауенбурга, Г. Гейне, Я. Генскина, А. фон Штольца, И. фон Милленфельзена и Н. Ифлянта, и «истреблена совершенно». Спастись удалось лишь одной-двум сотням всадников под командованием Э. Д. Крассау, которые успели отступить к

Познани.

Шведская пехота осталась без прикрытия конницы. Построившись в каре, она продолжала мужественно защищаться. А. Д. Меншиков вынужден был спешить несколько эскадронов драгун, которые предприняли штыковую атаку против шведов. В критический момент боя Меншиков сам возглавил атаку и получил ранение.

Видя бесполезность сопротивления, Мардефельд сдался русским. На следующий день так же поступили засевшие в вагенбурге поляки Потоцкого, а также часть поляков, остававшихся в Калише.

Квартирмейстер русских войск писал через несколько дней после баталии Я. В. Брюсу: «И говорят в нашей квартире про неприятельских людей, с которыми у нас была баталия, вельми бежали и скучали; и где стал, в том доме был на мал час писарь Потоцкой, и скучал вельми о своей жене, что она в местечке в Калишках в кляшторе (католическом монастыре)».

Потери неприятеля составили «с четыре тысячи и более человек шведов, да с тысячу поляков и волохов». В плен попали более 5 тысяч человек (из них 2598 шведов). Потери с русской стороны составили: ранеными — 324, убитыми — 84 человека.

А. Д. Меншиков отправил Петру I подробную реляцию, которая заканчивалась словами: «Не в полхвалбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радошно было смотреть, как со обоих сторон регулярно бились и зело чюдесно видеть, как сие поле мертвыми телами устлано… И сею преславною викториею вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват. Дай Боже и впредь такое оружию вашему щастие».

В награду за Калишскую победу Меншиков был награжден драгоценной тростью стоимостью 3064 рубля, сделанной по чертежу самого царя.

Вот как описывает ход Калишской баталии Н. И. Павленко: «Сражение началось пушечной дуэлью и на первом этапе шло с переменным успехом. Когда русские полки сблизились с неприятелем, то первыми не выдержали натиска поляки Станислава Лещинского — они бросились наутек и укрылись в обозе, стоявшем позади расположения войск Мардефельта. Польская кавалерия, развивая успех и преследуя поляков Станислава Лещинского, напоролась на шведскую пехоту, плотный огонь которой вынудил ее отступить. Преследуя отступавших, шведы попали под огонь русских драгун, но, построившись в каре, защищались так упорно, что драгуны ничего с ними не могли поделать до тех пор, пока Меншиков не

распорядился спешить несколько эскадронов. Они-то вместе с отправленной князем на фланги кавалерией и решили успех сражения». Успех в этом сражении, по мнению Н. И. Павленко, «определили русские войска и энергичные действия Меншикова».

К сожалению, исследователь ничего не говорит о роли в нем артиллерии, руководимой Брюсом, хотя это необходимо сделать. И здесь причиной была не столько «обида» за Брюса. В самом рассказе о битве существует необъяснимое противоречие. Как уже было отмечено, в ходе сражения шведы заняли оборонительную позицию, встав в каре. Разгромить эту позицию русские войска смогли после того, как спешились драгуны, т. е. пехота штурмом преодолела сопротивление шведов. При этом в статистике потерь значатся убитыми 5000 шведов и всего 84 русских при 324 раненых. Читатель, знающий, что каре было практически неприступно для пехоты и кавалерии, удивится, как такое возможно — без больших потерь одолеть каре лучшей по тем временам армии.

Противоречие это легко объяснимо, если вспомнить, что в сражении принимала участие артиллерия Брюса, которая и нанесла решающий удар по обороне шведов, обеспечив успех и такое незначительное число павших со стороны русской армии. Неслучайно Брюс за участие в этой баталии получил украшенный алмазами именной портрет Петра I (парсуну), а Меншиков особую трость, сработанную по специальному чертежу Петра. Меншиков в донесении Петру отмечал, удовлетворенный, что «жестокий огонь ружейный и пушечный безостановочно продолжался три часа с ряду» и что «такой битвы еще прежде никогда не бывало».

Крупные награды получили и прочие участники Калишского сражения. По словам цесарского секретаря при русском дворе О.А. Плейера, царь велел изготовить на Московском монетном дворе 50 осыпанных алмазами золотых знаков различного достоинства со своим портретом для награждения наиболее отличившихся генералов и офицеров. Один из таких портретов ценою в 1000 рублей получил и Я. В. Брюс. Август II наградил Я. В. Брюса за Калишскую баталию высшим польским орденом — Белого Орла.

Князь Меншиков пожертвовал из своей казны 20 тысяч рублей и приказал изготовить на эти деньги 300 золотых знаков с царским портретом стоимостью 500, 300, 200, 100 и 5 рублей. Эти знаки получили не только офицеры, но и некоторые особо отличившиеся в сражении нижние чины.

Дьяк Н. П. Павлов сообщал о торжествах по случаю калишской виктории в Москве своему начальнику: «Сего,

государь ноября, в 13 день по ведомости о победе швецкого и польской войска по благодарном молебне по приказу князя Федора Юрьевича (Ромодановского. — *Авт.)* была стрельба изо 159 пушек по 3 выстрела ис пушки, и о том буди тебе, государь, известно».

Петр I участия в торжествах не принимал, так как осаждал в это время Выборг и не мог похвастаться такими же успехами, как Меншиков. Выборгский поход осенью 1706 года окончился для русских войск неудачей.

День Калишской баталии вошел в число викториальных дней Петровской России и праздновался с особой торжественностью.

Это была самая крупная победа русских над шведами за первые шесть лет Северной войны. В ней русская армия впервые продемонстрировала умение сражаться по «европейским Стандартам».

1707 год

«1707 год в истории России ничем не примечателен. Военные действия не велись, крепости не осаждались. Внутренняя жизнь страны тоже не ознаменовалась какими-либо существенными событиями — ни социальных, ни административных, ни финансовых, ни экономических изменений не произошло. Этот год был годом, так сказать, черновой работы, быть может, неброской и сиюминутной, но крайне необходимой, ибо этой работой закладывался фундамент будущих побед», — пишет один из современных биографов Петра Великого.

Калишская победа во многом изменила стратегическую обстановку. Однако Август ею не воспользовался и официально объявил о заключении мира с Карлом XII. Измена Августа стала тяжелым ударом для России. «Сия война над нами одними осталась; того ради ничто так не надлежит хранить, яко границы, дабы неприятель или силою, а паче лукавым обманом не впал», — писал Петр I генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину.

Петр готовил страну к обороне, однако не исключал и возможности заключения мира со Швецией. Царь обратился к правительствам Англии, Франции, Австрии и Голландии с просьбами о посредничестве. Он готов был уступить большую часть завоеванных земель (за исключением Санкт-Петербурга и побережья Финского залива).

Западноевропейские державы, продолжавшие Войну за испанское наследство, не были заинтересованы в прекращении войны между Россией и Швецией. Более всего они опасались изменения баланса сил за счет присоединения Карла XII после заключения мира с Петром I к антигабсбургскому союзу.

В результате открытого вмешательства Карла XII во внутренние имперские дела (восстановление прав силезских протестантов) общее впечатление было таково, что король идет на явный конфликт с императором Иосифом I. Опасность усугублялась тем, что вождь венгерских повстанцев Ференц II Ракоци временно восстановил независимость Венгрии от Габсбургов, а французская армия была готова прорваться через Рейн к шведам в Саксонию. Угроза шведской и французской гегемонии в различных частях Европы становилась реальностью. В этих условиях европейские дипломаты антифранцузского Великого союза (Австрия, Англия и Голландия) убеждали шведского короля начать поход на Россию.

Впрочем, и сами шведы не стремились к мирному урегулированию дел на востоке. Карл XII заявлял, что будет

говорить с царем о мире только в Москве, взыскав с него 30 миллионов талеров контрибуции. Шведские министры открыто заявляли, что их король намерен свергнуть русского государя с престола, уничтожить регулярную армию и разделить Россию на мелкие княжества. Русский Север, Новгород и Псков должны были отойти под власть шведской короны, Украина и Смоленск — к Польше под властью Станислава Лещинского.

Русские военачальники и дипломаты, находившиеся во Львове и в Жолкве (ныне г. Нестеров Львовской области на Украине), просили Петра I ускорить свой приезд для непосредственных контактов с руководителями Речи Посполитой и выработке стратегического плана дальнейших действий. Царь прибыл в Жолкву 28 декабря 1706 года, и уже в начале января 1707 года начались интенсивные переговоры путем переписки и личных встреч с руководителями антишведской Сандомирской конфедерации (1702–1717) — великим коронным гетманом А. Н. Сенявским, польским коронным гетманом Г. Огинским, примасом С. Шембеком и др.

Сандомирская конфедерация оставалась единственным союзником Петра I в самое тяжелое время Северной войны. Во главе ее стоял А. Н. Сенявский — глава независимого правительства, вооруженных сил и распорядитель финансов. В январе сандомиряне объявили междуцарствие и подтвердили союз с Россией, заключенный в 1704 году.

Я. В. Брюс приехал в Жолкву, где находился Петр I, в середине января 1707 года и находился там до начала мая. «Вестей здесь (в Жолкве) никаких нет, токмо что сего часа присланы из Львова на латынском языке статьи, на которых король Август с шведами помирился. Только еще невозможно ведать, что в оных содержитца, доколе будут переведены. А когда переведены будут, то и к вашему высокородию пришлютца», — писал 15 января 1707 года Я. В. Брюс генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву.

Понимая необходимость обучения солдат в мирное время, Я. В. Брюс доложил Петру I о необходимости выделения пороха для занятий по стрелковой подготовке. В письме от 29 января начальник артиллерии сообщал: «Царскому Величеству о пороху я докладывал, и по оному приказал, что пороху на всякой баталион для учения по 10 пудов будет довольно, тольки бы учить солдат, в цель дабы стреляли пулями, а тот, которой ныне в патронах обретаетца, беречь».

В это время в Жолкву прибыли А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев, Н. И. Репнин, Л. Н. Аларт и другие генералы. Широкое военное совещание состоялось в апреле. Главный

вопрос, который на нем рассматривался и по поводу которого Петр I консультировался с руководителями Сандомирской конфедерации, был вопрос о военных действиях в случае шведского нашествия. В первой редакции «Гистории Свейской войны», над которой работал сам царь, сохранилась запись: «В Жолкви был генеральный совет, что давать ли с неприятелем баталию в Польше или при своих границах, где положено, чтоб в Польше не делать, понеже, ежели б какое несчастие учинилась, то б трудно иметь ретираду. И для того положено давать баталию в своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет. А в Польше и на переправах и партиями, также оголожением провианту и фуражу, томить неприятеля, к сему и польские сенаторы многие совет свой давали».

Кратко изложим основные положения Жолковского стратегического плана, ибо в его реализации в дальнейшем активное участие принимал Я. В. Брюс. По мнению ряда исследователей, это был план «активной защиты».

Военные действия были рассчитаны на использование глубины театра военных действий и имели своей задачей измотать противника. Для этого планировалось вести «малую войну» силами кавалерии и мобильных отрядов — «корволантов», закрыть шведам важнейшие коммуникации и нанести решающий удар, «когда для того необходимая нужда будет». Для противодействия шведам планировалось доукомплектовать, обучить и перевооружить армию.

Рассматривались два возможных театра военных действий — северо-западный (направление Минск — Борисов) и юго-западный (направление Волынь — Киев), в зависимости от того, куда будут наступать шведские войска. На этих направлениях принимались меры, чтобы лишить противника провианта и фуража. Согласно плану предполагалось укрепить и вооружить новой артиллерией крепости Киева, Смоленска, Москвы, Пскова и др. Петр I разослал во все города, расположенные в полосе «от границы 200 верст поперек, а в длину от Пскова через Смоленск до Черкасских (украинских) городов», приказ, чтобы жители этих городов «от прихода неприятельского были во всякой осторожности и опасении».

Выполнению Жолковского плана должны были способствовать возобновление союзного договора с Польшей и участие в военных действиях против шведов польской коронной и литовской армий.

В этот период тревожного ожидания шведского нашествия и подготовки страны к отпору врага, когда сигнал к походу мог прозвучать в любую минуту, Я. В. Брюс внимательно следит за

внешнеполитическими новостями. Так, в письме от 4 июля он извещал Н. И. Репнина: «О шведцком выходе из Саксонии еще не слышел. И сказывают, что будто провианту сбирает на четыре месяца и мнят, что вскоре с Цесарем (Иосифом I Габсбургом) войну начнет, понеже четыре полка шведцкие, которые от наших людей выгнаны в Шлонскую землю (Силезию), также поступают тамо, как наперед сего делывали в Польше. Тако ж есть ведомость, что соединенные войска (антифранцузского союза Англии, Голландии и Австрии) вступили во Францию и осадили город Тулон, в котором превеликое богатство и множество всякого снаряду. А именно, однех пушек больших медных больше 1000. И надеютца оный в несколько дней взять, потому что город негораздо крепок. И ежели сие зделаетца, то могуть соединенные всю Францию разорить, понеже ни единой крепости до Парижа нет. Того ради, когда такие поступки увидет шведы, то в тотчас разрушат мир с Цесарем. О чем в Вене шведцкие люди дали знать».

Находясь с Петром I и А. Д. Меншиковым в Варшаве, начальник русской артиллерии информировал генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева о последних известиях: «Сказывают, будто швед пошел из Саксонии 10 числа (июля), на три дороги, в Польшу, а от иных слышно, что еще в три месяца не выйдет, иные же подтверждают, что конечно на Цесаря зачнет воевать».

Получив новости об антигабсбургском восстании в Венгрии, Я. В. Брюс извещал наследника престола царевича Алексея Петровича, что его кандидатура рассматривается в качестве кандидата на венгерский престол: «Венгри три особы назначили, из которых хотят себе изобрать короля, в котором числе Ваша Царская Высокость, король Август, да королевич Прусской (Фридрих-Вильгельм)».

Воспользовавшись тем, что шведы грабят контрибуциями Саксонию (всего за время оккупации Карл XII умудрился получить от Августа денег, провианта, обмундирования и снаряжения на огромную сумму — 35 миллионов рейхсталеров) и в ближайшее время не собираются ее покидать, русские войска вошли в Польшу и перекрыли две главные операционные линии: через Литву (современна я территория Белоруссии) севернее Полесья и Волынь. Главной оборонительной линией русских в Польше стала река Висла.

В 1707 году начальник артиллерии показал себя и зрелым общевойсковым начальником, военным специалистом широкого плана. Эти новые черты наиболее отчетливо выражены в письмах к главнокомандующему русской армией генерал-фельдмаршалу

Б. П. Шереметеву. Получив известие об отступлении русской армии, Я. В. Брюс не смог воздержаться, чтобы не выразить своего негативного к этому отношения, рискуя вызвать неудовольствие своего начальника.

В письме от 28 сентября 1707 года Брюс чуть ли не выговаривает генерал-фельдмаршалу: «А что ваше высокородие о походе своем из Слутцка изволите писать и тому я зело удивляюсь, что без всякие нужды начели издалека уступать и лутчей бы неприятелю, когда нужда придет, голодные места оставлять. А не такие места, как сказывают, около Слутцка обретаются. А ежели то место драгунским полкам прочать, и то еще того дивния будет, ежели без нужды, покинув Вислу, да удалятца от неприятеля так далеко, а ближные [места] около наших рубежей зело было надобно беречь и не голодить до последняго часу. А что нестаточное дело шведу нынешнем временем за Вислу итти, то может, мнитца мне, всяк видет, понеже подлинная ведомость есть, како ко мне пишут из Варшавы 18 дня, что перешло за Одру реку на польские рубежи всего 20 тысяч шведов. А король остался в Шлесии (Силезии), будто для отбирание костелов каталицких и для отдачи оных лютеранам. А конечно он смотрит на французскую войну. Того ради возможно видеть, что он вышеписанное число войск послал токмо драгун из Польши. О чем чаю ему давно известно, и в новинках о том явилось, что не хотим стоять и уже отчасти выгнаты. А что оне гораздо б королевского войска удалились, тому я не могу верить. А ежели бы удались вышеписанным числом, чтоб дерзнули за Вислу итти, то, чаю, всяк нам смеятца будет, что мы не дали с ними баталию. А по нынешнему удалению пехоты хотя бы и похотели, то невозможно будет за дальностию того учинить. А ежели бы пехота была в близости, то не чаю, чтоб вышеписанной корпус осмелился итти за Вислу. А хотя бы и перешел, а у нас бы не было охоты к баталии, то бы зело возможно и в то время уступить, а он бы нескоро перепрянул с 80 миль к Слутцку».

Таким образом, Брюс высказывает удивление, что Б. П. Шереметев отступил от Вислы, даже не пытаясь начать боевые действия. И это отступление не было вызвано необходимостью. С 20-тысячным шведским корпусом вполне могла справиться близко стоявшая русская пехота. Даже если бы ее постигла неудача, то врагу достались бы «голодные земли», а не богатые фуражом и продовольствием территории вокруг Слуцка, уцелевшие во время войны.

Я. В. Брюс оказался прозорливым человеком. Не прошло и нескольких месяцев, как король Карл XII, вступив 11 сентября 1707 года в Польшу и избегая фронтальных атак, начал

стратегический обход русских войск. Никем не сдерживаемый на замерзшей Висле, в начале января 1708 года «простыми целесообразными движениями Карл разрушил русские планы задержать наступление шведов на польских речных рубежах». При этом шведы ни разу не вошли в прямое соприкосновение с русскими войсками. Король вытеснил русскую армию из Польши одними лишь маневрами.

Примечательно рассуждение Я. В. Брюса о гренадерских войсках и их значении. В письме Шереметеву от 18 октября он пишет о крайне неблагополучном состоянии гренадерских рот. Созданные для усиления пехотных полков, они, по существу, оставались «чуждыми» в своих полках. Полковые начальники в первую очередь заботились о своих солдатах и мало обращали внимания на гренадеров, считая, что у них есть собственные командиры. С учебой гренадеров тоже не все обстояло благополучно. Отсутствие единой системы обучения приводило к тому, что каждый командир учил гренадеров по той системе, с которой сам был знаком или которая была ему ближе. В результате этого в русской армии учили гренадеров артикулам «по голландской, бранденбургской и саксонской манере». Брюс рекомендовал выбрать одну из них для обучения. В конце письма Яков Вилимович замечает, что, по его мнению, гренадеры будут только тогда в добром порядке, когда будут сформированы в отдельные гренадерские полки.

Идея Брюса была реализована уже на следующий год. В 1708 году в русской пехоте появились пять гренадерских полков.

В течение всего 1707 года Я. В. Брюс продолжал принимать активное участие в делах своего ведомства, как Приказа артиллерии, так и походной артиллерии. Уже в январе он требует от дьяка Н. П. Павлова срочно прислать подробные ведомости о наличии всей артиллерии, вплоть до находящейся в гарнизонах, а также полные списки личного состава артиллеристов.

Я. В. Брюс постоянно интересовался запасами пороха и доставкой его «незамедлительно» к армии.

Иностранный наблюдатель, современник описываемых событий, отмечал, что «порох делают в Москве сильный и хороший, кроме тех случаев, когда должностные лица в личных интересах смотрят сквозь пальцы на нарушения в процессе его изготовления».

Я. В. Брюс приказывал Н. П. Павлову принимать изготовленный пороховыми уговорщиками порох согласно образцам («У подрядчиков в приеме пороха смотреть накрепко, чтоб оной порох в приемных во всех бочках сходен был с первым опытом, которой есть в Приказе артиллерии»), а также самому по

возможности присутствовать у его приемки. Глава артиллерийского ведомства предостерегал приказного дьяка от злоупотреблений: «Також слышно здесь, что ты сам долю в подрядах имеешь, о чем тебе паки подтверждаю опасность имети. И ежели доподлинно сыщется, что ты в подрядах пай имеешь, и тебе всеконечно бедство будет».

Начальник артиллерии был возмущен низким качеством пушек, отлитых мастерами Тимофеевым и М. Арпольтом, которые оказались «зело внутри криво вылиты». Присланные в армию гранаты и пушечные ядра тоже явились «худого литья».

Чтобы повысить ответственность мастеров и приемщиков, Брюс вынужден был прибегнуть к жестким мерам. Он приказал переливать испорченные орудия за счет литейщиков, а у приемщиков, принимающих бракованные ядра, гранаты и бомбы, вычитать из жалованья, а в особых случаях бить их «долгой плетью».

Главный вопрос, который волновал Я. В. Брюса как начальника артиллерии, — состояние лафетов. Многочисленные справедливые нарекания военачальников на их плохое качество заставили Брюса предъявить более высокие требования к изготовлению станков и лафетов на Пушечном дворе. В письмах-распоряжениях к Павлову он неоднократно напоминает, что лафеты к пушкам должны делаться по образцам, присланным из Киева еще в конце 1706 года, а не по чертежу капитана бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка В. Д. Корчмина, на котором колеса значительно ниже.

Спор между В. Д. Корчминым и Я. В. Брюсом по поводу размеров колес лафетов обусловлен их различным подходом к проблеме повышения боеспособности русской артиллерии. Корчмин стремился всеми мерами облегчить вес системы, для того чтобы сделать артиллерию более маневренной. Брюс, человек широкообразованный, прекрасно разбиравшийся в вопросах артиллерийского искусства, безусловно, понимал необходимость увеличения маневренности артиллерии на поле боя. Однако в тот момент он считал главным в повышении ее боеспособности — надежность материальной части.

Возможно, и не стоило бы столь подробно останавливаться на конфликте Корчмина и Брюса, если бы первый достойным образом отстаивал свои позиции. Под флером усовершенствования артиллерии, пользуясь симпатией Петра I, впрочем, как и все артиллеристы бомбардирской роты, он вмешивался в дела Приказа артиллерии и даже пытался руководить самим главным начальником артиллерии. Корчмин мотивировал свои действия тем, что он якобы располагает указом

царя, что не соответствовало действительности.

В письме от 17 мая 1707 года Ф. Ю. Ромодановскому Яков Вилимович рассказал о сложившейся ситуации: «Как поехал Царское Величество из Жолкви, то приказал мне ехать в Острог ко артиллерии, при которой чаю нынешное лето быть. А как я в Острог приехал, застал я тут господина Корчмина, которой просил у меня указ, чтоб в Приказе артиллерии его слушали. И сказал мне, будто имеет о том указ от Царского Величества, и хотел было мне оной показать. И я того указу не смотрел, а сказал ему ежели какой указ имеешь, и ты, приедучи к Москве, объяви князю Федору Юрьевичу для того, что он на Москве управляет. Потом я, подумав немного, попросил того указу посмотреть. Только ж слыша такую от меня отповедь, не показал мне, а чаю для того, что тот указ с ево прошением несходен. И я для того доношу милости твоей, да бы вы о сем были известны. И прошу у тебя, государя, милости, ежели милости твоей какой указ, принадлежащей артиллерии, объявит, пожалуй изволь ко мне список прислать».

Я. В. Брюс был так расстроен и оскорблен поведением В. Д. Корчмина, что вынужден был обратиться за разъяснением к князю А. Д. Меншикову. «Прошу всеуниженно вашего сиятельства, дабы изволили уведомитца о том и ко мне пожаловали б отписали, есть ли у него какой указ от Царского Величества до артилерии надлежащей, чтобы мне неведанием не пострадать. А ево милость (Корчмин. — *Авт.)* уже нарочито начел в мои дела вступатца. Како я из ево слов слышал. Також прислал ко мне на другой день моего приезда письмо не просительное, но повелительное о присылке к нему одного из дворян, которой приставлен к артиллерийским лошадям, чего я учинить не мог. И впредь не буду делать. Разве буду отдан ему под команду».

Получив распоряжение готовить Москву к обороне от шведов, В. Д. Корчмин отправился в столицу, где развернул кипучую деятельность. Он явился к князю-кесарю, которому также не показал царский указ. По словам Ф. Ю. Ромодановского, Корчмину было «велено… альтилериюописать и осмотреть, и чево каких припасов мало, приполнить; ему ж велено Кремль и Китай (город. — *Авт.)* починять и совсем управлять, как обычай к военному делу».

По приказу Корчмина с железных заводов Нарышкина и Меллеров в Москву стали свозить боеприпасы «годные и негодные, старого и нового литья» (против чего так боролся Я. В. Брюс).

Кроме того, для строительства новой земляной крепости в Китай-городе, между Спасских и Никольских ворот, Корчмин стал

забирать с Пушечного двора различный шанцевый инструмент (лопаты, кирки, ломы, мотыги и пр.), припасенный для нужд артиллерии.

Дьяк Приказа артиллерии Н. П. Павлов писал Брюсу: «Василий Дмитриевич Корчмин афицеров бомбардирских, пушкарей и мастеровых людей, которые обретаютца на Москве, по имянному списку пересмотрел. И по ево приказу господин Шперрейтер, да инженер Гран, да Леонтий Магницкий, которой учителем на Сухаревой башне, с ним обрисовали Кремль и Китай город для того, что ему те оба городы велено осматривать и укреплять, где пристойно, поставить по ним пушки. И под которыми медными и чугунными пушками и мортиры станков нет, приказал тотчас зделать з задними колесы. И ныне те станки делают с великим поспешением. И по ево приказу наряжены к нему на двор 4 человека бомбардиров с шпаги, из Верхней школы 4 человека учеников, да по 2 человека подьячих».

В связи со строительством новых фортификационных укреплений началось настоящее разорение Нового Пушечного двора. Там по приказу Корчмина сносили «учительные школы и всякие мастерские избы, и анбары, и сараи, в которых были положены всякие артиллерийские и иные припасы». На время прекратились занятия в Артиллерийской школе.

Я. В. Брюс совместно с Н. П. Павловым принял энергичные меры для восстановления Пушечного двора и складов. Временно часть амбаров была переведена на Полевой пушечный двор к Красному пруду. Под новую застройку артиллерийское ведомство получило также часть Суздальского подворья и двор окольничего М. В. Собакина.

Совсем уж мелкой местью начальнику артиллерии, сумевшему отстоять свои права, выглядит распоряжение В. Д. Корчмина «отломать» крыльцо у Приказа артиллерии по самый «рундук, что у сенных дверей». Вероятно, таким образом «талантливый фортификатор» намеревался превратить приказ в неприступную для шведов крепость.

Возможно, именно за поддержкой против Корчмина начальник артиллерии обращается в таинственном письме к царскому любимцу (а возможно, и сводному брату государя) И. А. Мусину-Пушкину. «Дерзнул вашего высокородия просити о нужде своей, которая за нещастием моим на Москве учинилась. О чем милости вашей донесет капитан Брылкин, чего зазорюсь писать. Того ради прошу вашего высокородия, дабы пожаловали онаго капитана доношение выслушили и аще ли возможно по его прошению милостивое решение по желанию моему учинили», — писал Брюс боярину в ноябре 1707 года.

Ссора с Корчминым и далеко не простые отношения с некоторыми высокопоставленными лицами из царского окружения усложняли и без того трудную обстановку, в которой приходилось действовать Я. В. Брюсу. Готовясь к походу в Литву, Яков Вилимович был вынужден постоянно заниматься производством и распределением артиллерийских припасов. Пытаясь спасти военные запасы своего ведомства в Москве «от разорения», он резко ограничил доступ к ним начальников различных рангов. Еще 29 марта он отдал распоряжение Приказу артиллерии, категорически запрещающее отпускать какие-либо припасы без его ведома.

«По письмам полковничьим без моего ведома никаких припасов отпускать не вели», — писал он Н. П. Павлову. В августе Брюс требовал от дьяка еженедельных отчетов о приходе и расходе артиллерийских припасов и денежной казны.

Много сил и энергии пришлось затратить главному артиллерийскому начальнику, чтобы обустроить артиллеристов на зимних квартирах и создать им сносные условия быта.

Я. В. Брюс был одним из немногих военачальников XVIII века, которые относились к простому солдату не как к «пушечному мясу». Датский посланник при русском дворе Георг Грунд писал о петровских солдатах: «В России еще не научились ценить человека, а часто относятся к нему хуже, чем к лошади, и люди тысячами падают и погибают от нехватки провианта».

Приехав в Борисов, Брюс уведомил светлейшего князя А. Д. Меншикова, что квартиры «зело скудны и разорены» и провиант вынуждены доставлять из Минска, отстоящего от Борисова в 14 милях. От этого изнемогают артиллерийские лошади, и в дальнейшем от них «мало пользы будет».

Артиллеристы были размещены вместе с пехотными полками под командованием бригадира И. Ю. Бутерера. Поскольку Я. В. Брюс задержался с приездом, то пехотные полки, не исключая малозначительные подразделения, получили лучшие квартиры и территории для сбора провианта и фуража. Борьба с Бутерером, который «всякие дела по своему гнет», и с полковником М. Б. Шереметевым, сыном генерал-фельдмаршала, была ожесточенной, о чем свидетельствует переписка Брюса с их начальником Б. П. Шереметевым.

В одном из писем Я. В. Брюс сообщает, что «зело худы квартеры отведены пушкарям», и приводит слова своего заместителя полковника И. Я. Гинтера, который, если невозможно будет сыскать иных квартир, «хощет в поле выйти и зделать землянки стоя, о чем мне не мало печально есть, что оное так изобижено при солдатах». «Того ради прошу вашего

благородия, — с горечью пишет Я. В. Брюс, — когда какой подвиг войску вновь будет, дабы к пушкарям милость явить и оные квартеры понарочитей отвести. Понеже бо оные в чинах государевых в квартерах и в иных порядка рангы всегда перед пехотою имеют».

Интересно, что в этой переписке с Б. П. Шереметевым Брюс впервые называет артиллерийское подразделение «Артиллерийским полком».

В одном из писем Г. И. Головкину артиллерийский начальник сетовал: «Зело, государь, мне слышеть печально, что пушкарей квартерами забидели, тако что принуждены в тесноте как свиньи лежать. Того ради прошу вашего превосходительства да явити милость к оным, пожалуйте, повелите им хотя малую заботу в квартерах дать. Понеже вашему высокородию известно, что в иных государствах оные перед пехотою ранг всегда в квартерах имеют».

Заботясь о своих подчиненных, Я. В. Брюс приказал «всегда над бомбардирами и над пушкари и над протчими служители смотреть чтоб себя в пьянстве не имело». Из шкур забитых волов по его распоряжению изготовили «штеблеты для зимняго походу, а из овчин и из козлин… пушкарям и протчим служителем… душегрейки», а к празднику Рождества Христова начальник артиллерии приказал выдать на каждого человека по 20 фунтов мяса и по 2 фунта масла.

Несмотря на массу каждодневных и очень важных дел, Я. В. Брюс не оставлял своих научных занятий. Он продолжал разрабатывать конструкции различных зарядных камор для гаубиц и мортир, рассчитывая наиболее рациональный вес порохового заряда. «Что принадлежит масштаба, — писал он Петру I, — и я оной сделал токмо цилиндрические камеры вымерять. А ежели иная какая явится, то надлежит оною во цилиндрическую превратить. И тем масштабом вымерять таким обычаем, како описание при том масштабе положенное являет. Ежели Ваше Величество да не имеет порохового масштаба, которым вымеряется колико пороха в бомбу, також и в сферическую камеру входит, и я такой в тот час сделаю и пришлю к Вашему Величеству».

В другом письме Петру I начальник артиллерии писал: «При сем до Вашего Величества послал я два образца о превращении камеров. Един, как из цилиндрической сделать, коносферическую, а другой како из коносферической зделать цилиндрическую, обе по масштабах, а каким такою пропо[рцию], как Ваше Величество, мне изволили чертеж пожаловать. А каким правилом сие доли сыскивать, о том надлежит зело пространно

писать. Того ради ныне оное оставлю до того время, как Бог мне щастия даст очи Вашего Величества видети».

В октябре 1707 года Я. В. Брюс посылает государю «фонтанную трость» («которую изволили у меня в квартире видеть, будучи в Варшаве») и пытается уговорить поступить на русскую службу мастера, ее изготовившего.

По распоряжению царя Брюс занимается переводом на русский язык книги «Приемы циркуля и линейки, или Избраннейшое начало во математических искусствах». По завершении перевода Брюс намеревался лично привезти книгу Петру I. Однако, судя по письму А. Д. Меншикову, Яков Вилимович не смог лично вручить рукопись государю и послал перевод книги с почтой в декабре 1707 года.

Вероятно, для работы над переводом начальник артиллерии попросил Н. П. Павлова прислать ему «на латынском и словенском и греческом языках Алексикон (Лексикон — словарь. — *Авт.)*».

По окончании этой работы Я. В. Брюс планировал приступить к переводу книги И. З. Бухнера «Учение и практика артиллерии».

Не забывал Я. В. Брюс и о своих астрономических занятиях. Он просил Н. П. Павлова прислать ему «трубу зрительную, буде не сыщещь большую, малую б хотя».

«Зрительная труба» была приобретена для Брюса за один рубль один алтын и пять копеек у армян, которые заверили, что она английской работы («А сказывают, что она аглинская»).

В декабре 1707 года царь поручил Я. В. Брюсу рассмотреть проект генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, чтобы внести в герб свои исправления и дополнения. И с этим поручением командующий русской артиллерией успешно справился, показав себя сведущим специалистом в геральдике.

«В гербе я токмо цветы, которых много было в полях, — писал Я. В. Брюс, — да едину из фигур переменил, а именно, поставлен был корабль белый в желтом поле, и понеже белое значит серебро, а желтое золото, которые оба металлы суть. А по искусству геральдическому не подлежит в гербах мета на металле ставить, кроме украшение около гербов, (в которых не есть силы). Того ради я желтое поле отставил и написал таков же серебряной корабль в синем поле. Також отставил я и вишневое поле, на котором был якорь поставлен, и написал я оной в таком же поле, на котором был якорь поставлен, и написал я оной в таком же поле, как и корабль, потому что якорь х кораблю надлежит. Також и для регулярства, понеже сие оба поля накось в прямой линии стоят. Сверх того редко употребляется вишневый цвет в гербах потому, что оной цвет якобы неестественен сам в себе, но сочинен

из красного и синего цвета.

Из фигур переменил я звезду, понеже оных никогда в правильных гербах, употребляют, кроме того, что под старшим, другой молотшей брат одное фамилии таким знаком определяется. И ставится оной знак при других фигурах, и то неподлинно такою звездою: яко сия о семи лучах. Но употребляется о пяти субцах, которые называются колесцом из сапожной остроги. Того ради, я такое острожное колесцо о пяти субцах написал, а вовсе оного отставить не посмел, потому что не ведал, какую фигуру без [воли] Вашего Величества вместо того написать. А поставил я оную в красном поле для того, что против ее накось стоящая фигура в таком же поле. Також разделил я щит главнешей золотым, а не серебряным крестом (ибо оной вящей честь являет), яко Ваше Величество из ризунка [лутшей видеть может]».

Как следует из письма, Яков Вилимович выступил еще и в качестве рисовальщика, послав царю рисунок — эскиз герба.

По мере возможности Брюс продолжал вникать в дела Гражданской типографии в Москве. В июльском письме заведующему типографией В. О. Киприанову он приказал прислать по нескольку экземпляров каждой из напечатанных гравюр. С «образцовых»(ненапечатанных) необходимо было сделать «абрисы для лутчего исправления» и также направить их начальнику артиллерии. В свою очередь Киприанов просит своего патрона защитить типографию от каких-то претензий аптекаря Данилы Турчанина.

В 1707 году Я. В. Брюс смог наконец-то встретиться с любимой супругой Марфой Андреевной. Пользуясь затишьем на театре военных действий, он пригласил жену приехать в Жолкву. Путешествие продолжалось довольно долго из-за того, что она «в Калуге заскорбела (заболела. — *Авт.)* и даже «посылала к Москве за доктором».

В конце января 1707 года генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев отдал командирам полков распоряжение оказывать М. А. Брюс содействие в поездке, выделять ей лошадей и провожатых. В феврале супруги наконец-то встретились.

Заботясь о перенесшей болезнь супруге, Я. В. Брюс приказал прислать из Москвы «зенчилинц (видимо, корень женьшеня) 2 фунта, которое привозят из Сибири». При этом Яков Вилимович не считался с высокой ценой чудодейственного средства. «А преж сего такое коренье в покупке было фунт по 20 рублей, а ныне ежели по той цене не сыщещь, то хотя и дорожей купя, и всеконечно, присылай не умедляв», — писал он дьяку Павлову.

Спустя некоторое время Я. В. Брюс просит прислать по 3

фунта чаю и кофе, для него же было приобретено 2 пуда «кенарского»(канарского) сахара.

В начале октября 1707 года Я. В. Брюс направился на «зимние квартиры» в Борисов, стоявший на берегу реки Березина — еще одном водном рубеже, где планировалось сдерживать шведское наступление. «Я сего числа приехал в Минск и получил указ от господина фельтмаршала идти в Борисов город, где будет артиллерия обретатся», — сообщал Яков Вилимович князю А. Д. Меншикову.

В аналогичном письме Н. И. Репнину начальник артиллерии писал: «И я, день спустя, побреду в оное место, которое не лутчей деревни московской». В письме князю В. В. Долгорукому Брюс дает меткое ироническое определение своей новой квартире: «Сказывают — оное второй Париж и гораздо еще лучшей нашего славного города Клина».

Благодаря переписке Я. В. Брюса, а также письмам Марфы Андреевны к родственникам, мы можем узнать некоторые подробности их жизни на зимних квартирахи получить представление о гардеробе супругов.

Извещая сестер о своем приезде в Борисов, Марфа Андреевна просит прислать из своего московского дома рысью шубу под бархатом, собольи пластинчатые меха, серебряные нашивки, венгерскую соболью шубу под бархатом, беличью венгерскую шубу под алым сукном. В других письмах она заказывает 32 пуговицы, 26 петель больших, 6 малых, булавок, лент алых и лазоревых, алого флеру с зубчиками.

Для изготовления шлафрока Брюс просит Павлова приобрести высококачественный беличий мех. Из Москвы Брюсу присылают белый парик, пистолеты, завесы китайские, 9 аршин красного «понсового» сукна. Подьячий Прохор Трофимов преподнес своему начальнику «клинок шпажный».

Из Кенигсберга Я. В. Брюс выписал удобную коляску. Для своего домашнего обихода он просил прислать из Москвы «ренскова две бочки ис пряных, только чтоб было не кисло, ценою не свыше 30 рублев за бочку». Вторая коляска и некая книга были приобретены для Брюса у князя Б. И. Курагина, отправлявшегося с дипломатической миссией в Ватикан.

В конце октября Брюс заказывает (неизвестно, для себя или для супруги) в Москве лекарство, о чем пишет Н. П. Павлову: «По посланной росписи, пожалуй, прикажи в верхной в аптеке или у Ивана Григорьевича зделать лекарство четвертую долю. И ежели оная доля станет ценою ниже пяти рублев, то прикажи зделать хоть оных в 1/2 доли. А что оное мне надобно просто в аптеке сказывать не для чего. И ежели тебе свободно, пожалуй, сам за

оным походи или прикажи Трофимову. А зделав, положа в удобное влагалище, пришли сюда чрез почту без замедления, понеже в оном имею немалую нужду».

Надо полагать, что Я. В. Брюс был сведущ в лекарственных средствах. Вероятно, он порекомендовал Меншикову, страдавшему легочной болезнью, принимать лекарственную водку, и даже сам ее заказал в Москве. «При сем письме, — писал он Н. П. Павлову, — посланное от меня письмо в Немецкую слободу отвези сам и отдай тетке моей по подписке неумедля. И которую лекарственную вотку по оному письму она тебе отдаст, ежели похощет, заплати ей деньги, положа их в два или в три ящика, и чтоб не раздавилась склянка, сюда в поход в письмом сиятельнейшего господина (А. Д. Меншикова) пришли чрез почту. И чтоб их довесть в [целости бы] положь сена, понеже оные возки надобно к употреблению его сиятельству. А что они надобны ему, только отнюдь оного не сказывай».

Дьяк выполнил распоряжение, «обертя в пенку и учредя в деревянный ящик, послал… водки скляночку круглую».

Нельзя не отметить любовь Брюса к лошадям. Во многих письмах начальник артиллерии отдает различные поручения своим подчиненным, связанные с покупкой, обменом и лечением его собственных лошадей. Хорошая лошадь поднимала престиж владельца среди генералитета, высших офицерских чинов и польских магнатов. Брюс старался, чтобы его конюшня состояла только из породистых и холеных лошадей.

Узнав однажды, что купленный им жеребец приведен в Москву «гораздо хвор и несытен», Яков Вилимович спешно отправил инструкцию по его лечению. В ней явно прослеживается широкий кругозор этого человека, разбирающегося даже в ветеринарии. «Антимонию и селитры взять поровну и, истолча, просеять, дабы мелко было, и смешать хорошенько вместе. Потом взять горшок немалой, дабы та материа токмо половину оного заняли. Потом бросить на оную материю горящей уголь, от чего материя загорится, и пойдет дым великой, которого дыму беретца надлежит. А как перестанет гореть, то, простудя, истолочь намелко и давать оного порошка лошади по семи золотников на тощей живот чрез день недели з две. Вышеписанную материю надлежит на дворе жечь и, усмотрев, с какой стороны ветр, с той стороны и человеку зажигающему стать, дабы ему дым в нос не попал. Ежели надеятся можно, что горшок крепок, то возможно оной покрыть доскою железною», — писал он своим подчиненным.

Я. В. Брюс старался поддерживать дружеские отношения с власть предержащими и особенно с находящимися в царском

фаворе сподвижниками Петра I.

Почти раболепным письмом он поздравляет светлейшего князя А. Д. Меншикова с пожалованием ему «княжества Ингерманлантцкого». Ко дню именин князя он отправляет в его ставку полковника И. Я. Гинтера с отрядом артиллеристов, запасом пороха и снаряжением для устройства фейерверка. При этом Брюс подробно расписывает, что необходимо приготовить, каких размеров и в каком количестве. Через некоторое время Я. В. Брюс сам отправляется поздравить светлейшего с именинами.

Яков Вилимович в 1707 году в письме брату Роману, пытаясь отвести от него гнев светлейшего и самого царя, советует: «Давай письменную ведомость, сколь часто можешь, ко князю (Меншикову. — *Авт.*) о строение городовом, коликое ево прибудет, також бы о состояние о городе государева и княжова двора».

В 1707 году всесильный князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский был потеснен в своих полномочиях московским комендантом М. П. Гагариным, в компетенцию которого попала и московская артиллерия. В подарок начальник артиллерии послал венгерского вина самого высокого качества, «что и во всей Польше лутчи оного не сыскано».

К Я. В. Брюсу постоянно обращались за помощью, искали его дружеского расположения. Адмиралтейц-советник А.В. Кикин в одном из писем назвал Якова Вилимовича «милостивым и верным другом». Князь А. И. Волконский просит о заступничестве «ежели мне будут какия слова говорить». Ф. Ю. Ромодановский обращается к Брюсу с просьбой похлопотать о назначении сына полковником. «В правде моей не оставь мя», — пишет Якову Вилимовичу обер-инспектор Ратуши А.А. Курбатов. «Инде же мое, за что стражду, не обретаю, но оглашен чрез ненавидящих правду», — продолжает он. В ответном письме Я. В. Брюс осторожно советует болтливому обер-инспектору поменьше вести откровенные разговоры в разных компаниях, особенно где говорят об А. Д. Меншикове. «Мы здесь воистино без вашей милости в скуке и якобы в унынии пребываем, потому что сойтитца не с кем», — пишет Брюсу русский посол в Польше дьяк Емельян Украинцев.

Следует сказать, что Я. В. Брюс старался оказать в меру своих сил и возможностей поддержку просителям. Когда же он понимал, что его вмешательство бесполезно, то советовал корреспонденту лично обратиться к государю или князю Меншикову.

1708 год. Я. В. Брюс и проблемы снабжения артиллерии

Главный вопрос для воюющей армии — это вопрос вооружения, который входил в компетенцию начальника артиллерии. Решить этот вопрос можно было лишь с учетом глубочайшего понимания тех условий, которые сложились к началу 1708 года.

Зима и ранняя весна оказались для артиллерии значительно тяжелее, чем для других родов войск. Это касалось вопросов расквартирования, обеспечения провиантом, фуражом и, наконец, государевым жалованьем личного состава. В решении этих проблем — а решать их нужно было срочно, в противном случае имелась реальная угроза самого существования Артиллерийского полка, — Брюс проявил непреклонную твердость в сочетании со свойственной ему дипломатической гибкостью. С января по май он направляет письма князю А. Д. Меншикову, фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, князю Н. И. Репнину и другим военачальникам, где неоднократно указывает, что места, отведенные для постоя артиллеристам, не могут вместить весь Артиллерийский полк с мастеровыми людьми и извозчиками. А кроме того, в деревнях, предназначенных для расквартирования, прежде уже стояли солдатские или драгунские полки, поэтому ни провианта, ни фуража достать невозможно. «На 40 дымах полк артиллерии и извозчиков прокормить в краткое время невозможно», — сообщал Брюс в феврале в одном из писем Б. П. Шереметеву. А в марте он посылает буквально отчаянное письмо князю Репнину, в котором пишет, что квартиры, отведенные для артиллеристов в деревнях, принадлежащих Дубровне, заняли войска генерала Чамберса, а на другой стороне Днепра категорически запретил размещаться А. Д. Меншиков. «И я ныне не ведаю, — с горечью восклицает Яков Вилимович, — куды мне стало деться, разве в Днепре квартиры искать. Понеже, одне с одной стороны Днепра выгоняют, а другие з другой, а противиться сил нет». В письмах Брюса не раз проскальзывает затаенная обида на пренебрежительное отношение к артиллерии. Много позже Яков Вилимович писал князю В. И. Гагарину: «Хотя мне великие противности и обиды были от ненавидящих артиллерии проходячей зимы, також и в походах зимних, однакож я на сердце держал, мысля, инако будет, не дознав простотою своею лукавство людское. А ныне не могу утерпеть…» И далее Брюс описывает, в каком бедственном положении находится артиллерия, лишившаяся солдат

Каргопольского полка. «Теперь я не ведаю, что мне делать с одними пушкарями, на караулах ли им стоять или припасы к будущей кампании делать и готовить, или мост через Днепр делать… А что, ваше высокородие, изволили ко мне писать, что под такою дивною командою век не бывала. И я вам доношу, хотя я много книг читал, однакож ни в которой кроники такой околесной не нашел», — в сердцах замечает Брюс. Тем не менее, ему нужно было распоряжение князя о присылке солдат для несения службы при артиллерии. Поэтому дипломатичный глава артиллерии заканчивает письмо следующими словами: «За что всегда вашему высокородию должен буду служить и знать буду, как милостию вашей хвалиться у его милости господина князя Меншикова».

В другом случае Брюс вынужден был прибегнуть к угрозе. Речь шла об обеспечении фуражом артиллерийских лошадей, развозивших различные припасы в войска. В письме к А. И. Нарышкину от 16 марта он писал: «И вы сами можите ведать, что в дороге без корму пробыть невозможно. И ежели вышепомянутые лошади без корму помрут, то принужден я буду писать к Царскому Величеству, и в том некому отвещать, что не милости вашей…»

В апреле Брюс снова обращается к Нарышкину по поводу отпуска фуража уже на 1630 артиллерийских лошадей; «… понеже уже многие артиллерийские лошади без фуражу з голоду померли», — писал он. Вообще проблема обеспечения фуражом артиллерийских лошадей в 1708 году приобрела особенно острый характер. Вышло распоряжение, запрещающее офицерам иметь дополнительных лошадей и ездить цугом. Все лишние лошади, которых невозможно было прокормить, должны были быть отданы местному населению.

Так же неблагополучно обстояло дело с провиантом и государевым жалованьем. В письмах постоянно упоминается об отсутствии провианта для артиллеристов. «А питаемся с превеликою нуждою, какой никогда не имели, из малого числа деревень Дубровинского уезду, которые так опустошены, что в иных и соломы достать невозможно», — писал Брюс 28 марта А. Д. Меншикову. В мае картина с провиантом та же. «В провианте есть немалое оскудение», — сообщает Яков Вилимович 23 мая Б. П. Шереметеву. А 29 мая он вновь напоминает фельдмаршалу, что отсутствие провианта привело к тому, что многие артиллерийские служители и солдаты Каргопольского полка «стали ходить по миру».

В ожидании похода, чтобы сберечь неприкосновенный запас продовольствия, начальник артиллерии вынужден был приказать

«доставать корм по деревням», а в тех случаях, когда его будет недостаточно, «то жать с полей рожь, молоть и раздавать пушкарям».

И без того непростая обстановка, в которой оказалась артиллерия, усугубилась еще и отсутствием денег. Государево жалованье и кормовые деньги мастеровым задерживались на три-четыре месяца и более. Уже начиная с января дьяки Приказа артиллерии И. П. Козлов и Н. П. Павлов доносили Брюсу, что из-за отсутствия денег, которые не получены из Сибирского приказа, мастеровые люди «живут без денег по месяцу и по два, отчего уже многие дела на Пушечном дворе остановились». Дьяки выражали опасение, что если оплата не последует, то и остальные «работники и кузнецы могут отойти от дел».

Брюс тут же пишет московскому коменданту князю М. П. Гагарину, что из-за невыплаты кормовых денег в течение двух месяцев, «чего преж век не бывало», мастеровые люди «хотят разбрестись, понеж не имеют себе и женам инаго пропитания, кроме того корму. Того ради прошу вашей милости, пожалуйте, не извольте в сём остановки чинить, дабы за тем дело государево не остановилось». М. П. Гагарин никак не отреагировал на просьбу Брюса.

И тогда в апреле Яков Вилимович вынужден был послать ему довольно резкое письмо по поводу задержки оплаты мастерам: «Есть мне жалоба, что оным не изволите того корму отпускать уже месяца за три. И за тем на Пушечном дворе во всяких артиллерийских делах есть великая остановка». Брюс просит срочно выдать кормовые деньги, в противном случае он «принужден» будет жаловаться царскому величеству. В мае на очередные сообщения дьяков об отсутствии денег, которые так и не поступили ни из Сибирского приказа, ни из Ратуши, Брюс отвечал им, что он сам писал «многожды к господину князю Гагарину», а кроме того, об этом «писано к нему и от его сиятельства господина князя Меншикова».

Но положение не менялось к лучшему. А в июле обстановка еще более обострилась. Мало того, что за четыре месяца (с марта по июнь) «не отпущено ни единой деньги» кормовых денег, а из Монастырского приказа и Ратуши не выданы деньги на государево жалованье, с 1 июля по распоряжению князя М. П. Гагарина «всякого чина артиллерийских служителей и мастеровых людей самих и жен и детей и которые в армии и в гварнизонах на службах и в посылках, матерей их, вдов, жен и детей таскают к городовому делу. И у артиллерийских дел работать и на карауле стоять некому… А з драгунских, государь, и з солдатских дворов на работу никого не берут», —

докладывали начальнику артиллерии дьяки Козлов и Павлов.

Брюс пытался вразумить князя Гагарина, что артиллеристов и мастеровых, находящихся в Москве, нельзя забирать на городское строительство, так как они обязаны готовить различные артиллерийские припасы для армии. Но это, вероятно, не имело успеха, поскольку дьяки продолжали жаловаться, что работать на Пушечном дворе некому. В конце концов Брюс возложил всю ответственность за неприготовленные припасы на лиц, которые продолжали отрывать артиллерийских служителей от их непосредственных обязанностей. Он писал дьякам в Приказ артиллерии, «что на Пушечном дворе в кузнечных и в плотничьих и иных всяких артиллерийских делах есть за мастеровыми людьми, которые взяты на работу к городовой крепости, остановка. И ежели какие припасы впредь спросятца, а за оным да не будет управлено, и в том отвещать будет тому, хто тех мастеровых людей к городовому делу побрал».

Я. В. Брюс и артиллерийский полк

В чрезвычайно сложных условиях Брюсу удалось не только сохранить боеспособность Артиллерийского полка, но и продолжить преобразования в области артиллерии. В ходе реформ по-прежнему обновляется материальная часть артиллерии, усовершенствуются конструктивные и баллистические качества новых орудий.

При этом можно отметить, что в вооружении полковой артиллерии наблюдается определенная стабильность. В полках состояли трехфунтовые пушки, на лафетах которых были установлены 6-фунтовые мортирки. Образец этих орудий был разработан еще в 1706 году.

В полевой артиллерии наметились явные перемены в сторону увеличения калибра. В 1708 году на Пушечном дворе отливаются пушки 8-фунтового калибра. Однако в Походной артиллерийской канцелярии Я. В. Брюса разрабатывалась новая конструкция 6-фунтовых пушек.

Продолжают отливаться полупудовые и пудовые гаубицы и такого же калибра мортиры. Однако процесс усовершенствования этих орудий не прекращался. В июне из Походной артиллерийской канцелярии был выслан в Москву с унтер-офицером Унковским чертеж для отливки двух однопудовых мортир новой конструкции. Брюс потребовал срочно изготовить мортиры и немедленно прислать их в поход, даже без станков, если их успеют сделать.

Надо сказать, что в его распоряжениях дьякам Приказа артиллерии очень часто содержалось указание выслать орудия в поход без лафетов. Думается, что для этого существовало две причины. Первая — отсутствие на Пушечном дворе мастеров, занятых на городском строительстве, и вторая, не менее важная, — «зело плохо были сделаны станки». Яков Вилимович неоднократно сетовал на низкое качество лафетов. О никуда негодных лафетах, присланных из Москвы к 8-фунтовым пушкам, он специально докладывал А. Д. Меншикову: «Станки також и колеса переломались и принуждены мы иные станки и колеса вновь делать». В другом случае не выдержала оковка на лафетах, и вновь ее пришлось переделывать уже в действующей армии. Поэтому Брюс предпочитал, если была такая возможность, делать станки на месте. Для чего требовал прислать в поход железа разных сортов и особые деревянные снасти. Вообще качеству лафетов, станков и зарядных ящиков он придавал, как известно, особое значение. Брюс неукоснительно требовал, чтобы они

готовились из сухого дерева, в особенности колеса. Но главное внимание начальника артиллерии было обращено на изготовление скорострельных ящиков. Они делались на московском Пушечном дворе по присланному образцу. Окраска же их, по распоряжению Брюса, должна была быть выполнена по рисунку (чертежу), присланному из Походной артиллерийской канцелярии. В этом документе Яков Вилимович уточнял: «А имянно: по земле красной, пушки желтою краскою, орлы черные, а ящики красною краскою». Обращает на себя внимание окраска ящиков: в ней превалирует красный и желтый цвета — цвета русской артиллерии.

Не менее пристально следил Брюс и за качеством боеприпасов. В июне он прислал образцовый чертеж однопудовой бомбы и требовал изготовление ее строго по чертежам. Более того, Яков Вилимович распорядился сделать новые кружала для проверки боеприпасов. Деления на вновь изготовленных проверочных инструментах, по его указанию, должны были быть нанесены в дюймах («дуимах»), что еще раз свидетельствует о стремлении Брюса ввести в артиллерии единую систему измерения — в дюймах.

Следует также отметить некоторые изменения, происшедшие в материальной части крепостной артиллерии. В 1708 году на вооружение были приняты 3- и 9-пудовые мортиры новой конструкции с цапфами внизу без поддона.

Все преобразования в материальной части артиллерии были направлены на повышение качества артиллерийских систем. В вопросах надежности вооружения для начальника артиллерии не существовало мелочей. В этой связи интересный эпизод произошел в сентябре 1708 года. Несмотря на каждодневную загруженность, Брюс решил проверить качество зарядных трубок, которые набивал поручик Борн Гендрик, считавшийся большим специалистом лабораторных работ. При испытании Яков Вилимович нашел их «никуда негодными» и рекомендовал П. С. Салтыкову взять «нарядные» трубки в Смоленске в полевой артиллерии.

Помимо реформирования материальной части артиллерии, Брюс последовательно проводит ряд мероприятий, которые, казалось бы, напрямую не связаны с повышением боеспособности артиллерии, вместе с тем значительно влияли на нее. В число их входило изготовление обмундирования для Артиллерийского полка, упорядочение документации по личному составу, ужесточение контроля за расходованием денежных средств и артиллерийских припасов. Несмотря на фрагментарность изложения в письмах, в целом складывается вполне реальная

картина преобразований.

Одной из главных задач, которая решалась начальником артиллерии с невиданным упорством, было обеспечение артиллеристов новым форменным обмундированием. Изготовление его началось еще в 1707 году, но шло очень медленно. В 1708 году Брюс внес изменение в форму (вместо шерстяных штанов были введены лосиные) и принял энергичные меры для скорейшего обеспечения «строевым пушкарским платьем» всего Артиллерийского полка. Он считал это одним из главных вопросов и подчас ставил в один ряд с заготовкой артиллерийских припасов. В переписке с И. Козловым и Н. Павловым Брюс почти в каждом письме интересуется, в каком состоянии находится изготовление обмундирования и требует поспешить с отправкой «мундиронга» в поход. Его, как всегда, беспокоит качество новой формы. «А принимать все штаны, чтоб были хорошей лосины и широки, — наставлял Яков Вилимович приказных дьяков, — «а ежели явятся худы, то будет доправлено на приемщиков или на кого надлежит». А в следующем письме Брюс прямо пишет Козлову и Павлову, что в случае плохого качества лосиных штанов, которые будут розданы пушкарям и бомбардирам, деньги взыщутся «без всякого прекословия» с них самих. В желании скорейшего обеспечения обмундированием Артиллерийского полка, главу артиллерии не останавливало даже отсутствие денег. В одном из распоряжений приказным дьякам он писал, что если в Приказе артиллерии нет денег на закупку сукон и лосин, то следует израсходовать деньги, положенные извозчикам. «И вам оные сукна купить из каких ни есть денег и зачесть их в извощичьи». В результате решительных мер, предпринятых Брюсом, в декабре 1708 года Артиллерийский полк был полностью обеспечен новым форменным платьем. Кафтаны и камзолы были из красного сукна, обшлага и воротники их из желтого сукна, штаны широкие кожаные, чулки длинные серые, башмаки из телячьей кожи с медными пряжками.

Нет смысла рассуждать, насколько важна форменная одежда для военного чиновника. Прекрасно знал это и Брюс. Но помимо всего, не владела ли им еще одна сакраментальная мысль: пушкарь, одетый в красивую яркую форму, поневоле вызовет новое, уважительное отношение со стороны солдат других родов войск — уж очень велика была обида Брюса на пренебрежительное отношение к артиллерии не только военачальников, но и рядовых пехотных и драгунских полков.

В плане введения новых организационных форм небезынтересна его попытка создать при Артиллерийском полку подразделение конных пушкарей. 10 апреля 1708 года Яков

Вилимович требует прислать в поход из Приказа артиллерии 12 перевязей драгунских, 12 портупей лосиных, столько же карабинов, лядунок, галстуков, длиною «по 2 аршина с четью», 8 пар пистолетов, 12 пар сапог «недорогих со страгами». Седла и ольстры должны быть немецкие, галстуки из черной китайки. Если все это нельзя получить из Оружейной палаты «безденежно», наставлял дьяков Брюс, нужно закупить на деньги из Приказа артиллерии. «А оные седла, ольстры, сапоги, карабины, пистолеты, лядунки, палаши, галстуки употреблены будут конным пушкарям», — заканчивал письмо Яков Вилимович. Уже 21 апреля из Москвы было выслано 24 пары сапог со шпорами, такое же количество лядунок с перевязью, седел, мундштуков, пар ольстр, галстуков, карабинов и пистолетов. 1 июня Брюс жестко напоминает Козлову и Павлову о срочном изготовлении кафтанов, камзолов и штанов, а также епанчей из красного сукна, «которые будут употреблены конным пушкарям». И как только они будут сделаны, отправить их в поход на почтовых лошадях, т. е. самым скорым транспортом. Судя по последним письмам, Яков Вилимович решил увеличить количество пушкарей в новом подразделении с 12 до 24 человек. Известно, что новая форма на конных пушкарей и 24 палаша с портупеями были отправлены в полевую артиллерию.

Безусловно, заслуживает внимания состояние артиллерийских кадров. Как ни скупы сведения о личном составе артиллерии, они все же дают представление об отношении Брюса к этой проблеме. Прежде всего начальника артиллерии серьезно заботит нехватка офицерских кадров. 28 марта в письме к Меншикову, пожелавшему отозвать к себе артиллерийского поручика Кнебеля, Брюс писал: «А изволите достаточно ведать по многим моим донесениям, что превеликую скудость имеем в начальных людях, от чего (ежели дело позовет) могу великое бедство принять. А верховных офицеров и поныне кроме полковника и маеора, всего один капитан, да четыре поручика, и с вышеписанным». И далее Яков Вилимович «всеуниженно» просит, если это возможно, оставить поручика Кнебеля в артиллерии. В письмах к П. С. Салтыкову (20 и 21 апреля), отвечая на его просьбу прислать в Смоленский гарнизон сведущего в лабораторных работах артиллериста, Брюс пишет, что он послал одного поручика, «который гораздо в делах артиллерийских искусен, что такова у нас в артиллерии и не осталось, и с ним 5 бомбардиров, «которые могут припасы в лаборатории готовить». А специальных лабораторных служителей в артиллерии нет, и послать он больше никого не может из-за «оскудения людей в полевой артиллерии».

И позже ситуация с офицерскими кадрами не изменилась. 6 июня в письме брату Роману Вилимовичу Брюс просит его не задерживать штык-юнкера Беренса, сопровождавшего в Санкт-Петербург рудокопного и пушечного мастера Берхрата: «… и вы, пожалуйте, отправьте штык-юнкера паки к нам на почтовых лошадях, понеже нам немалая есть нужда в офицерах». Да и профессионализм командных кадров в отдельных случаях желал много лучшего. Как это произошло с упомянутым уже пресловутым поручиком Борном Гендриком, которого Брюсу рекомендовали как очень сведущего в артиллерии человека. Причина столь неблагоприятного положения с офицерскими артиллерийскими кадрами очевидна. Командные кадры вербовались, как правило, из иностранцев, которые зачастую значительно преувеличивали свои знания в артиллерию. К сожалению, ситуация усугублялась и существовавшей практикой присвоения очередных званий артиллерийским офицерам общевойсковыми начальниками, что бесконечно раздражало Брюса. Он гневно приказывал Козлову и Павлову не выдавать прибавочное денежное жалованье вновь произведенным в следующий чин офицерам «по грамоткам» других начальников, в противном случае эти деньги будут взысканы с них.

В этой ситуации нам представляются чрезвычайно важными мероприятия Брюса по упорядочению списочного учета личного состава артиллерии. В первую очередь он пытается формализовать его. В письме Р. В. Брюсу Яков Вилимович пишет, «как сделать в графах полковой штат». В нем должно быть указано, сколько офицеров и какое количество недостает.

В послании к И. Я. Гинтеру Брюс отдает распоряжение провести смотр артиллерийским служителям поротно и указать, где они в данный момент находятся, а затем составить и прислать «имянной список всем по чинам порознь и оклады под каждым именем у бомбардиров, и у пушкарей, и у гантлангеров, подписать имянно». Что касается составления именных списков на офицеров, то Брюс уточняет, какие сведения должны обязательно присутствовать в них. Помимо имени, фамилии и звания, нужно было привести приказ, кем оно присвоено. Дьякам Козлову и Павлову Яков Вилимович приказывает составить подробные списки на всех артиллерийских служителей, т. е. на артиллеристов, которые находятся в полевой артиллерии, в гарнизонах и в Москве. Причем на офицеров следовало составить именные, более подробные списки. Подобные ведомости должны были высылаться начальнику артиллерии раз в три месяца, а на личный состав, находившийся в Москве, — раз в месяц. Брюс требовал от подчиненных строгого учета всех артиллерийских

служителей, вплоть до дворян, фурлейтов и извозчиков, которые находились при артиллерийских лошадях. Ведомости, составленные «с подлинным познанием», должны были содержать сведения, «хто имянны» из дворян и где они находятся в данный момент и «поскольку и сполна ль им выдано государево жалование». Списки на извозчиков должны были включать информацию об их окладах, когда и из каких мест они были взяты в артиллерию и все ли находятся налицо. Судя по письму, приказание дьякам Козлову и Павлову на составление таких ведомостей поступало неоднократно, но оно не было выполнено. И на этот раз Брюс пригрозил им: «Тое ведомость сделав, подать в походную артиллерийскую канцелярию сего марта 15 дня». А если ведомость не будет подана к этому числу, «за то у вас из окладов ваших вычтено будет на всякий день по 1-му без всякого отлагательства». В августе Брюс требует, чтобы такие списки присылали ему регулярно каждую субботу. И уже в декабре 1708 года в Полевой походной артиллерии «служители высших и нижних чинов офицерам и капралам, и бомбардирам, и пушкарям, и мастеровым казенным и городовым людям» государево жалованье выдавали по ведомостям, присланным из Приказа артиллерии.

Ведомости и списки, «кто имянны» из офицеров и нижних чинов получает денежное довольствие (и сколько), значительно расширяют возможности для изучения не только командного состава, но и широкой категории артиллерийских служителей вообще.

Определенный набор формализованных сведений — фамилия, имя, звание, местопребывание в данный момент военнослужащего — свидетельствует о введении первых «послужных списков» офицеров. Забегая вперед, сообщаем, что в дальнейшем набор этих сведений значительно расширился.

В «Имянных списках… милитарским и цифильным и служителям разных чинов…» за 1718 год приводится полное происхождение службы, начиная с года вступления, первого звания и оклада, и далее указывалось каждое новое производство в следующий чин, участие в военных походах и др.

В качестве резюме можно заметить: попытка Брюса упорядочить и зафиксировать документально списочный состав артиллерийских кадров, на наш взгляд, была вполне реализована.

1708 год. Повседневная жизнь Я. В. Брюса

1708 год начался для Я. В. Брюса не очень удачно. Его вновь одолела старая болезнь — подагра. В письме к царю 31 мая Яков Вилимович жаловался, что из-за тяжелой болезни остановилась работа над переводом книги Брауна об артиллерии: «Что принадлежит первыя части брауновой артилерии, и я оною всю еще не мог выправить за проклятою подагрою, которою одержим был большии четырех недель». Однако и после этого Брюс не получил облегчения, так как «[потом припала] было горячка, от которой у меня так было повредились глаза, что не мог оных к многому читанию и писанию употребить».

Опасаясь возобновления подагры, Я. В. Брюс старался, по-видимому, соблюдать специальную диету, но в разоренной стране трудно было сыскать даже самое необходимое для повседневного обихода военачальника столь высокого ранга, каковым являлся Я. В. Брюс. Многое приходилось доставлять из Москвы. Дьяки Артиллерийского приказа писали своему начальнику: «По письмам от вашей милости послано декабря в 3 день до милости вашей с подьячим с Федором Арбузовым на ямских подводах 2 бочки ренского, 2 кожи сыромятных, пол 2 ведра уксусу ренского, 2 фунта кофе, 400 свеч немецких, 1 фунт корицы доброй, 1 фунт гвоздики, % фунта мушкатного цвету, % фунта шефрану, 2 фунта кардамону, 3 фунта аниса, 4 фунта перцу, 3 фунта тимона, 10 фунтов фиников, 10 фунтов миндальных ядер, шляпа, 24 попоны, тож число повязок волосяных. 5 пятинок ниток не послано для того, что в памяти Унковского писано, чтоб прислать против посланного образца, а оного образца не прислан. Орехов турецких в ряде и нигде не сыскано. Да из дому милости вашей послано 10 кож бараньих, одеяло песцовое, покрытое сукном, а 3-х кож красных юхотных в доме милости вашей не сыскано. До милости вашей денщики Матвей Иванов, Савва Яковлев, Кирило Стариков посланы ж с ним же, подьячим, и о том вашей милости известно. А вышеписанные, государь, припасы почему куплены, о том к милости вашей писал я с вышеписанным подьячим». Пришлось, по-видимому, Якову Вилимовичу довольствоваться без грецких орехов. Интересен список присланных из Москвы продуктов. Пряностями обильно приправляли пищу и добавляли в вино, считалось, что они обладают обеззараживающим действием, а также могут использоваться как лекарства. Сухофрукты и орехи долго хранились и были удобны при транспортировке.

Для сохранения здоровья Я. В. Брюс нуждался и в хорошем поваре, о чем свидетельствует его письмо генералу Р. Х. Боуру от

8 ноября 1708 года: «Пожаловал, милость твоя, будучи в Чашниках, уступил мне полоненаго повора. И понеже оной ранен был, а лекарь мой у вашей милости был, того ради я оному приказал было быть у милости твоей доколе выздоровеет. Ныне повар, которой был прислан, умре, и в том великую нужду имею. Того ради прошу вашего жалованья, ежели тот преждеписаной повар выздоровел, пожалуйте мне по-прежнему ево уступитя и прикажите онаго в Смоленске отдать стольнику Алексею Маркову, х которому я писал, дабы ево ко мне прислал. А я за такое ваше жалованье всегда вам готов служить и остаюсь непременно вашего благородия должным слугою».

Старые приятели не забывали Якова Вилимовича. Так, например, смоленский воевода П. С. Салтыков прислал Я. В. Брюсу бочонок пива. «И ежели и я свободной случай имел, чтоб вместо онаго вам отплатить, то бы послал я к вашему благородию изрядного ренского, чего ради оставляю оное напред», — благодарил своего давнишнего друга за подарок Яков Вилимович.

В условиях постоянных маневров русской армии генералитету необходимо было не только сохранить военные обозы, но и сберечь свои собственные. Об этом Я. В. Брюс просит сына своего покойного друга Н.Н. Балка — Федора Николаевича: «Прошу Вашу милость, пожалуй, не покинь мой обоз, которой стоит неподалеку от вас, и во всякие случаяи его сохрани». В том же письме начальник артиллерии заодно сообщает Балку приятную новость: «При сем объявляю вам, что вы и господин бригадир Ахестов повышении чином вашим будете, переменены чинами. И вы будете при бригаде, а Николай Григорьевич будет взят к господину фелтмаршалу Шереметеву. И прошу Вас о сем не изволь никому объявлять. И мню, чтобы быть вам при бригаде Николае Григорьевиче, и ему у господина фелтмаршала (Б. П. Шереметева. — *Авт.),* о чем и чаю вскоре о том указ [или] будет прислан, о чем прошу до времени помолчать, разве что бригадиру Ахестову объявить».

Вообще, Я. В. Брюсу была, вероятно, свойственна национальная шотландская черта — скопидомность и бережливость. Крестьянин Камарицкой волости из села Щегловки Наум Салтанов со своими детьми учинили драку с обозными Брюса, когда те проезжали мимо их двора. Во время драки буяны «били дубьем по коляскам и разбили у коляски окончину». Таким образом пострадала дорожная карета начальника артиллерии. Разъезжать с выбитыми стеклами по осенним дорогам он не собирался и немедленно направил севскому коменданту Г. Котовскому письмо с требованием компенсации: «Прошу вашу милость прикажите тех бойцов в том розыскать, и тою окончину

на них доправить. Изволь у тех колясков другие окончины хотя сам досмотреть, каковы те окончины были и чего [стояли]. И коляске той цена 100 рублей».

Осенью 1707 года жена Якова Вилимовича — Марфа Андреевна вернулась в Москву, а в 1708 году в семье Брюсов произошло радостное и долгожданное событие. Родилась дочь Наталья. Это произошло, скорее всего, в последних числах января и не позднее 2 февраля, поскольку именно в этот день дьяки Артиллерийского приказа поздравили своего начальника с рождением дочери: «Желаем тебе, государь, от Господа Бога милости и здравия, и щастливого радостного пребывания по желанию милости твоей. Поздравляем тебя, государь, с новорожденной дщерию твоею, а нашей государыней Наталиею Яковлевной».

Крещение новорожденной состоялось в Москве, причем крестным отцом был сам наследник русского престола царевич Алексей Петрович. Я. В. Брюс поспешил поблагодарить царевича: «Вашей Царской Высокости всенижайшое благодарение отдаю за превеликую милость вашу, что не изволили нашу низость презрети и были приемником дочери моей. При том желаю всякие щастие имети, дабы мог случай сыскати такую высокую милость вашей Царской Высокости верною своею услугою заслужити».

Получал Я. В. Брюс и редкие письма из Санкт-Петербурга от своего брата Романа. В одном из них Р. В. Брюс сообщал о происшествии, случившемся летом 1708 года: «Нынешняго лета в бытность здесь у нас государен цариц и царевен, поставлена была государыня царица Прасковья Федоровна в старом доме его светлейшества, и небрежением домашних их людей хоромы загорелись, которые мы затушить не могли от великого ветра. Однако чрез великий труд большие светлицы так устояли, что подволоки прогорели и далей не допустили. А задние хоромы утушить не могли. И ныне велено нам и всем офицерам такие ж новые хоромы построить на свои деньги. Зато бутто нерадетельно [отимали], о чем и указ ко мне прислан за подписанием руки господина адмирала. Пожалуй, братец, яви к нам ко всем обще милость свою и побей челом его светлейшеству, чтоб явил к нам милость и избавил бы нас от того строения. Истинно нашей вины в том нет. Не мы зажгли, и не мы на том дворе стояли. А нам платить повелено. А как горели хоромы, истинно отимали радетельно, колько мочи было. Пожалуй, братец, не оставь прозьбу мою, излуча удобнаго времени, донеси о том его светлейшеству и напамятуй, когда его милость изволил быть здесь, в то время изволил обещать, когда другой дом будет готов,

хотел то место пожаловать мне. Я бы себе хоромцы на том месте построил».

В 1708 году к Я. В. Брюсу был направлен известный переводчик и издатель Илья Федорович Копиевич (Копиевский), человек, много сделавший для издания светской и учебной литературы на русском языке. Копиевич родился в Белоруссии, обучался в Голландии, где принял протестантство. В 1697 году во время Великого посольства он познакомился с Петром I, который поручил ему перевод иностранных книг на русский язык. В типографии Яна Тессинга в Амстердаме Копиевич начал выпуск изданий на кириллице и стал одним из создателей русского гражданского алфавита. В 1700 году он организовал собственное печатное дело и продолжил издавать книги на славянских языках. Однако дело оказалось убыточным. Издатель бросил своего компаньона и бежал в 1707 году с дочерью от кредиторов в Польшу, а затем в Россию. Здесь он был милостиво принят царем, который поручил ему закупку книг в Данциге (современный Гданьск) и дал 50 ефимков. На обратном пути Копиевич, к сожалению, был ограблен казаками. По приказу Петра I ему было велено состоять при Я. В. Брюсе, который по праву считался настоящим интеллектуалом в среде петровских военачальников. Однако переводчик не произвел на Якова Вилимовича должного впечатления. В письме руководителю Посольской канцелярии Г. И. Головкину от 15 апреля Брюс сообщал: «Изволили ваше превосходительство х Капиевичу писать, дабы он к вашему превосходительству ехал. И я вашему высокородию доношу, как я был в Аршаве изволил Его Царское Величество приказывать мне, что оной для переводы всяких книг был при мне. И ежели вашему высокородию оной гораздо надобен, о том извольте ко мне отписать. И я ево к вашему высокородию пошлю. А мне в нем нужды нет».

В другом письме, отправленном самому государю, Я. В. Брюс довольно скептически высказался относительно переводческих способностей Копиевича: «Вашему Величеству всеуниженно доношу, что с два месяца прошло, как явился у меня Копиевич, котор[ой] при мне живет без всякого дела, потому что мне в нем никакой помощи нет для того, что языку немецкому неискусен. А зело б ему было переводить книги польские летописные, також и геометрическую, которую по приказу вашего величества, я купя, отдал будучи в [Москве] в Посольскую канцелярию. Того ради не лутшей ли его отослать к Гавриле Ивановичу (Головкину. — *Авт.),* понеже мне ненадобен. О чем Вашего Величества повеления ожидать буду».

Дальнейшая судьба Копиевича была связана с Посольской

канцелярией, при которой он служил переводчиком до самой смерти в 1714 году.

Я. В. Брюс в военных операциях 1708 года

1708 год в военном отношении был не менее тяжелым, чем предыдущие годы Северной войны. Россия жила в тревожном ожидании шведского нашествия.

Царь выехал из Москвы в ночь на 6 января, получив известие, что Карл XII двинулся на восток. Петр счел необходимым находиться при армии, так как мощь грозного неприятеля оценивал без всяких иллюзий. Накануне отъезда в армию Петр отдал распоряжение царевичу Алексею относительно совершенствования укреплений Кремля: «Фортецию московскою надлежит, где не сомкнута, сомкнуть, буде не успеют совсем, хотя борствором и палисадами, понеже сие время опаснейшее суть от всего года».

Не останавливаясь ни в Смоленске, ни в Минске, царь на неделю задержался лишь в Дзенцёлах, где на зимних квартирах располагались главные силы русской армии, которыми командовал А. Д. Меншиков. Здесь 19 января было получено известие, что Карл XII с частью армии двинулся к Гродно; другая часть армии короля направилась к Дзенцёлам. В тот же день Петр выехал в Гродно «для расположения войск наших к разрушению намерений неприятельских», как он сам определил цель своей поездки.

Шведская армия, отправившаяся в поход против России, представляла реальную угрозу. Саксонский генерал М. И. Шуленбург, наблюдавший состояние шведской армии до и после ее вторжения в Саксонию, записал: «Шестилетние походы в Дании, Эстляндии, Аифляндии, Польше так истомили шведское войско, что Карл мог привести в Саксонию не более 22 тысяч человек, измученных, оборванных, без обозов». За год с небольшим пребывания в Саксонии шведская армия преобразилась. «Все части шведского войска, — сообщал Шуленбург, — как пехотные, так и конные, были прекрасны. Каждый солдат хорошо одет и прекрасно вооружен. Пехота поражала порядком, дисциплиной и набожностью. Хотя состояла она из разных наций, но дезертиры были в ней неизвестны». Карлу XII удалось не только экипировать и вооружить свою армию, но и пополнить ее личным составом отчасти за счет рекрутов, прибывших из Швеции и Померании, отчасти за счет наемников, навербованных в Саксонии, Силезии, Баварии и в других странах. Главная армия короля, оставившая в середине сентября 1707 года Саксонию и вступившая на территорию Речи Посполитой, чтобы двигаться на восток, насчитывала 33 500

человек. К ним следует добавить 16-тысячный корпус Левенгаупта в Лифляндии и 15-тысячный корпус Любекера в Финляндии.

Сухопутные войска России тоже были разбиты на три группы. Основным силам Карла XII, которыми он сам командовал, противостояла главная армия под началом Б. П. Шереметева численностью 57 500 человек. В ее состав входил Артиллерийский полк, подчиненный Я. В. Брюсу. Противодействовать намерениям Левенгаупта, ставка которого находилась в Риге, должен был примерно такой же численности корпус генерала Боура, располагавшийся между Дерптом и Псковом. На Финляндском театре военных действий, где дислоцировался корпус Любекера, русские держали корпус Ф. М. Апраксина в составе 20 000 человек пехоты и 4500 человек кавалерии.

В ожидании подхода шведской армии царь приказал Шереметеву сконцентрировать свои войска в двух пунктах: «… которые близко Минска, тем в Минске, а которые к Слуцку, и тем вели идти в Борисов». 23 января последовало новое повеление Шереметеву: «…изволь немедленно идти в Борисов». Репнину велено было сосредоточиться в Вильно и Полоцке, причем, в отличие от корпуса ландграфа Фридриха Гессен-Дармштадтского, которому надлежало как «провиант и фураж, так и прочее, что к пропитанию принадлежит, все огню предать», войскам Репнина приказано: «…чтоб не жгли, для того чтоб было нам чем, идучи назад от Вильни к Полоцку, прокормиться». Несмотря на предпринятые меры, русская армия испытывала нехватку продовольствия и фуража. С этой проблемой, как уже отмечалось выше, столкнулся и Я. В. Брюс.

Зимой 1708 года начальник артиллерии писал царевичу Алексею Петровичу: «Здесь никаких ведомостей вновь не обретается, токмо что неприятель по многом гоняние за некоторою частию нашей кавалерии стал на квартерах. А именно, король шведцкой в Сморгуне, а Рейншильд в Зенцоле, а Станислав между ими. Обносится, будто некоторые из оных войск подаются вправо, к Припети. Токмо о сем еще неподлинно известно. Его Царское Величество, наш всемилостивой государь, намерен сего числа ехать в Ингрию, а господину князю Меншикову приказано в будущее воскресенье и проследовать <… > к его Царскому Величеству в Могилев, где будем стоять».

Действительно, 26 января Петр оставил Гродно при обстоятельствах, таивших трагические последствия. Бригадир Мюленфельс получил приказ охранять мост через Неман и в случае приближения шведов уничтожить его, но он приказание не

выполнил. Увидев неприятеля, Мюленфельс отступил и дал ему возможность беспрепятственно войти в крепость, оставленную за два часа до этого Петром и русскими войсками. Возможно, царь не оставил бы Гродно, если бы знал, что к городу король приведет не половину армии, а отряд в 800 человек. Мюленфельс грубо нарушил воинскую дисциплину и присягу, и Петр отдал его под суд. За бригадира вступились иностранные генералы и офицеры, находившиеся на русской службе. Ходатаям царь разъяснил: «Ежели бы вышереченный бригадир в партикулярном деле был виноват, тогда бы всякое снисхождение возможно учинить, но сия вина есть, особливо в сей жестокий случай. Того ради инако не может, точию суду быть». Мюленфельсу удалось подкупить стражу и бежать к шведам, но от возмездия он не ушел — под Полтавой он попал в плен и был расстрелян как изменник.

В Гродно Карл XII решил не задерживаться — там не было чем кормить ни людей, ни лошадей. Однако отправился он не на север, как ожидал Петр, а на восток. Двигался он туда медленно, причем по причинам, совершенно от него не зависевшим: русская армия начала претворять в жизнь Жолквиевский план обороны — на пути своего отступления уничтожала провиант и фураж, уводила скот, устраивала засеки. Жителям было велено свозить свои пожитки, провиант и фураж под защиту крепостных стен в Смоленск, Великие Луки, Псков, Новгород и Нарву, «понеже под нужный час будут все жечь».

Результаты Жолквиевского плана сказались довольно быстро. 6 февраля 1708 года царь писал коронному великому гетману А. Н. Сенявскому: «…неприятель от Гродни рушился, и наша кавалерия, перед ним идучи, тремя трактами все провианты и фуражи разоряет и подъездами его обеспокоивает, отчего он в такое состояние приведен, что, по скаске пленных, великой урон в лошадях и людях имеет; и в три недели не с большим десять миль от Гродни отшел». Тактика выжженной земли при недостатке опыта ее претворения в жизнь на первом этапе наносила урон и собственным войскам.

В начале апреля Петр получил известие о восстании под предводительством Кондратия Булавина на Дону. Теперь необходимо было вести войну на два фронта — бороться с внутренней смутой и противостоять внешнему неприятелю.

Русская армия, избегая генеральной баталии, откатывалась на восток. Мелким стычкам с неприятелем не было числа, но случались и крупные сражения с участием тысяч солдат. Первое из них в 1708 году произошло у местечка Головчино.

В ночь со 2 на 3 июля шведские войска, ведомые самим королем, совершили нападение на дивизию генерала Репнина,

расположившуюся на берегу реки Бабич. Форсировать ее, полагали в русском лагере, можно было только в одном месте, где берег с обеих сторон был возвышенным. Именно там и была сосредоточена артиллерия. Что касается остальной местности, то, коль ее сочли непроходимой, об укреплении ее и не позаботились.

Случилось, однако, то, чего совершенно не ожидали русские: под покровом темноты шведы бесшумно и практически беспрепятственно форсировали реку Бабич. По приказанию короля они не отвечали на ружейные выстрелы русских и, увязая по грудь в топком русле реки, подняв ружья и порох над головой, упорно двигались к противоположному берегу. Им удалось изолировать пехотные полки Репнина от стоявшей невдалеке конницы генерала Гольца и не только закрепиться на берегу, занятом русскими войсками, но и принудить их к отступлению. Русская пехота часа три-четыре оказывала ожесточенное сопротивление, но вынуждена была оставить как поле боя, так и 10 пушек. Сражение с участием конницы было более продолжительным, длилось пять часов и тоже завершилось отступлением русских.

Осведомленный современник, видный дипломат петровского царствования князь Б. И. Куракин так описывал поражение при Головчине: «И той зимы ретировалися войска Его Царского Величества аж в Литву, близь своей границы, и хотели в месяце июне или июле одержать при реке Головчине неприятеля, поделав транжименты. И в посте, где стоял с дивизиею фельдмаршал Гольц с кавалериею, а генерал князь Репнин с инфонтариею, на то место король шведской перебрался, обшед лесом и болотом, не тут, где транжимент был сделан. И при той акции несколько сот из пехоты дивизии вышепомянутой пропало, и пять пушек, и генерал-майор фон Швенден убит, также и несколько других офицеров. То нападение было от неприятеля в ночи, и, как сказывали языки взятые, стороны неприятеля, что сам король шведской, показав собою образ, сам пошел чрез воду пеш, а с левого крыла фелдмаршал Реншельт, с кавалериею вплавь. А другие все дивизии и вся армия будущая под командою фелдмаршала Шереметева ретировалися, также и кавалерия к своим границам».

5 июля царя, отъехавшего от Великих Лук, встретил курьер и вручил донесение о сражении под Головчином. Оно было составлено так ловко, что из его содержания Петр сделал однозначный вывод — русским войскам сопутствовал успех. Такой вывод вытекал из заключительных фраз донесения: «… имеем о неприятеле ведомость, что вдвое больше нашего потерял

и много генералов и знатных офицеров побито у него. И за помощью Вышнего, кроме уступления места, неприятелю из сей баталии утехи мало». Столь же искусно была составлена реляция. В ней тоже читателя радовали известием, что дивизии Репнина и Гольца «неприятелю жестокий отпор дали»; что он понес значительные потери, в том числе «многими знатными офицерами»; что наша конница «неприятеля многократно с места сбивала», а дивизии отступили с поля боя только потому, что его не было никакого резона удерживать, причем отступление произвели по повелению фельдмаршала, а не под натиском противника. Я. В. Брюс не участвовал в сражении при Головчине, но, безусловно, знал о нем во всех подробностях. Спустя несколько дней после баталии он присутствовал 6 июля на военном совете в Шклове.

В Горки Петр прибыл 9 июля и сразу же начал интересоваться подробностями сражения. Они его разочаровали — оказалось, что боевые действия происходили совсем не так, как это было изображено в донесении: оба генерала, Чамберс и Репнин, допустили крупные промахи. Вместо наград виновников ждал кригсрехт — военный суд. В указах Шереметеву и Меншикову, назначенным председателями судов над Чамберсом и Репниным, царь определил степень виновности каждого из них. Некоторые полки Чамберса «знамя и несколько пушек потеряли, иные не хотели к неприятелю ближе ехать, иные в конфузию пришли». Примерно такую же оплошность допустила и пехота Репнина: «… многие полки пришли в конфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем». Шереметеву и Меншикову надлежало, «не маня никому», «со всякою правдою» расследовать случившееся.

Во время следствия Репнин вел себя благородно — всю вину он взял на себя, не предприняв ни одной попытки переложить ее на плечи своих подчиненных. На вопрос: «Как вели себя во время сражения вышние и нижние его дивизии офицеры?» — Репнин ответил: «…генерал-лейтенант Чамберс и все полковники должность свою отправляли как надлежало». Кригсрехт тем не менее вынес Репнину суровый приговор: обвиняемый, сказано в нем, «достоин быть жития лишен», но, учитывая, что прегрешения он совершил «не к злости, но из недознания», суд счел возможным заменить смертную казнь лишением чина и должности, а также взысканием денег за оставленные на поле боя пушки и снаряжение. 5 августа 1708 года царь утвердил приговор, и генерал Репнин стал рядовым солдатом. Впрочем, после сражения при Лесной осенью того же года за проявленное мужество и героизм он был прощен и восстановлен в чинах.

Генерала Чамберса лишили должности и ордена Андрея Первозванного при сохранении воинского звания. Случившемуся может быть дано одно объяснение: военачальники стали, если так можно выразиться, жертвами воспитательных мер царя.

Я. В. Брюс также находился в это время в Горках, где в присутствии Петра I сконструировал образец скорострельного (зарядного) ящика. Начальник артиллерии был, без сомнения, знаком с материалами дела над проштрафившимися генералами. Кроме того, в августе Брюс сопровождал государя в поездках в Мстиславль и Чириков для рекогносцировок.

В Головчинском сражении Карлу XII сопутствовал успех в последний раз. Это был успех частичный, тактический, стоивший шведам значительных потерь, которые они, в отличие от русских, восполнить не могли. После сражения у Головчина король проявил несвойственную его азартному характеру пассивность — он почти месяц простоял в Могилеве. Вследствие невозможности в короткий срок организовать оборону этого города царь решил уступить его шведам без боя, сосредоточив 25-тысячное войско к северо-востоку от него, в Горках.

Карл XII, находясь в Могилеве, ждал обоз А. Л. Левенгаупта, но, не дождавшись его, отправился в путь, причем не на север, чтобы встретиться с Левенгауптом, а в противоположную от него сторону — сначала к Пропойску, а затем на северо-восток, к Смоленску. Что означал этот маневр? Об этом русское командование не знало. Петр сообразовывал перемещение своих войск с продвижением войск неприятельских, т. е. действовал в соответствии с решением военного совета, состоявшегося 6 июля: «…смотреть на неприятельские обороты. И куда обратится, к Смоленску или к Украине, трудиться его упреждать». 14 августа царь пишет Ф. М. Апраксину: «Неприятель отшел от Могилева миль с пять, против которого мы также подвинулись, и обретается наша авангарда от неприятеля в трех милях: а куды их впредь намерение, Бог знает, а больше чают на Украину».

Русская армия также находилась в постоянной готовности к походу. Я. В. Брюс на всякий случай наставлял командира приданного к артиллерии Каргопольского полка С. М. Стрекалова: «Как артиллерия отсель рушится, то извольте и вы своим полком при артиллерии итить. И приказать вам, дабы от офицеров и нихто в пути здешняго народа жителем обид и разорения никакову не чинили. И чтоб офицеры и салдаты при артиллерии отлучения не имели и стояли б все при артиллерии и дабы для всякого случая осторожно было».

Петр позаботился о том, чтобы неприятельские войска, куда бы их ни повел Карл XII, перемещались по опустошенной

местности. Царь не пускал на самотек осуществление Жолквиевского плана, множество раз напоминал о нем генералам и требовал от них его непременного выполнения. В указе генерал-майору Николаю Инфлянту от 9 августа 1708 года Петр повелевал: «Ежели же неприятель пойдет на Украину, тогда идти у оного передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов)… польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, также мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «Сказать везде, ежели кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба».

Долго ждать результатов жолквиевской стратегии не пришлось. Показания русских и иностранных современников однозначно оценивают влияние ее на необеспеченность шведской армии продовольствием, а также на урон, наносимый шведам непрестанными нападениями русской конницы. Первые сообщения о трудностях, испытываемых армией Карла XII при движении на восток, относятся к весне 1708 года. Преодолеть их не удалось и в последующие месяцы — лишь вторжение на Украину в октябре 1708 года оградило оккупантов от голодной смерти. Путь движения неприятеля был усеян трупами умерших от голода и болезней.

Шведам не стало легче и в сентябре. Захваченный в плен купец, обеспечивавший шведов продовольствием, показал, что он был очевидцем сцены, когда «рядовые солдаты к королю приступили, прося, чтоб им хлеба промыслил, потому что от голода далее жить не могут, чтоб король во гнев не поставил, ежели когда от него уйдут. Король же их утешал, дабы еще четыре недели потерпели, и тогда им в провианте никакого оскудения не будет, но в Москве все в излишке найдут». По сведениям того же купца, в некоторых ротах едва осталось по 50–60 человек, годных к службе; «люди же от голоду и болезни тако опухли, что едва маршировать могут».

В письме хорошо осведомленного французского посланника в Польше де Безенвальда королевскому агенту в Швеции де Сент-Коломбу сообщается о тяжелом положении дел с продовольствием у шведов: «Голод в армии растет с каждым днем; о хлебе больше уже не имеют понятия, войска кормятся

только кашей, вина нет ни в погребах, ни за столом короля… Трудно даже выразить словами то, что приходится испытывать в настоящее время, но все это пустяки по сравнению с тем, что предстоит еще испытать в будущем».

Наступившее затишье было нарушено артиллерийской канонадой, раздавшейся под селом Добрым 30 августа. Русское командование во главе с царем воспользовалось тем же приемом внезапного нападения, к которому прибегли шведы под Головчином. Шесть батальонов русской пехоты под командованием князя Михаила Михайловича Голицына под покровом ночи переправились через речку Белую Нэпу и в семь утра атаковали четыре пехотных и один кавалерийский полк, находившиеся в подчинении генерала К. Г. Рооса. Этот генерал совершил те же ошибки, что и Репнин под Головчином, а именно: расположил свои войска в крайней тесноте и не позаботился о возведении укреплений. Пренебрежение к боевой сноровке русских и их способности совершать дерзкие акции дорого обошлось шведам. Ворвавшиеся в неприятельский лагерь солдаты-гвардейцы за два часа сражения уложили 3000 шведов и захватили трофеи. Победа была полной.

Когда о бедствии, постигшем Рооса, узнал король, он немедленно ринулся к нему на помощь, но русские батальоны без паники отошли на исходные рубежи. Архиепископ Феофан Прокопович писал, что поражение произвело на Карла XII столь сильное впечатление, что он от стыда и ярости рвал на себе волосы и отвергал все слова утешения. Петр, напротив, выражал восторг по поводу успеха. Ф. М. Апраксина он извещал: «Надежно вашей милости пишу, что я, как и почал служить, такова огня и порядочного действа от наших солдат не слыхал и не видал…» Вероятно, царь был прав, когда закончил свое извещение словами: «…и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал». Еще один отзыв, более выразительный, находим в письме Петра Екатерине Алексеевне и Анисье Кирилловне Толстой: «Правда, что я, как стал служить, такой игрушки не видал. Однако ж сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцевали».

Русские сполна расплатились со шведами за свою неудачу у Головчина. Впрочем, оба сражения, как головчинское, так и под Добрым, носили локальный характер и имели всего лишь тактическое значение — на судьбу войны они существенного влияния не оказали. Русское командование продолжало «томить» неприятеля, всячески избегая генеральной баталии, в то время как шведы ее страстно желали — всякая проволочка с нею не усиливала, а ослабляла войско короля, ибо затруднительно было

обеспечивать это войско людскими ресурсами, боеприпасами и продовольствием. В этих условиях Карл XII придавал колоссальное значение обозу, который должен был доставить в главную ставку шведской армии рижский губернатор генерал Левенгаупт.

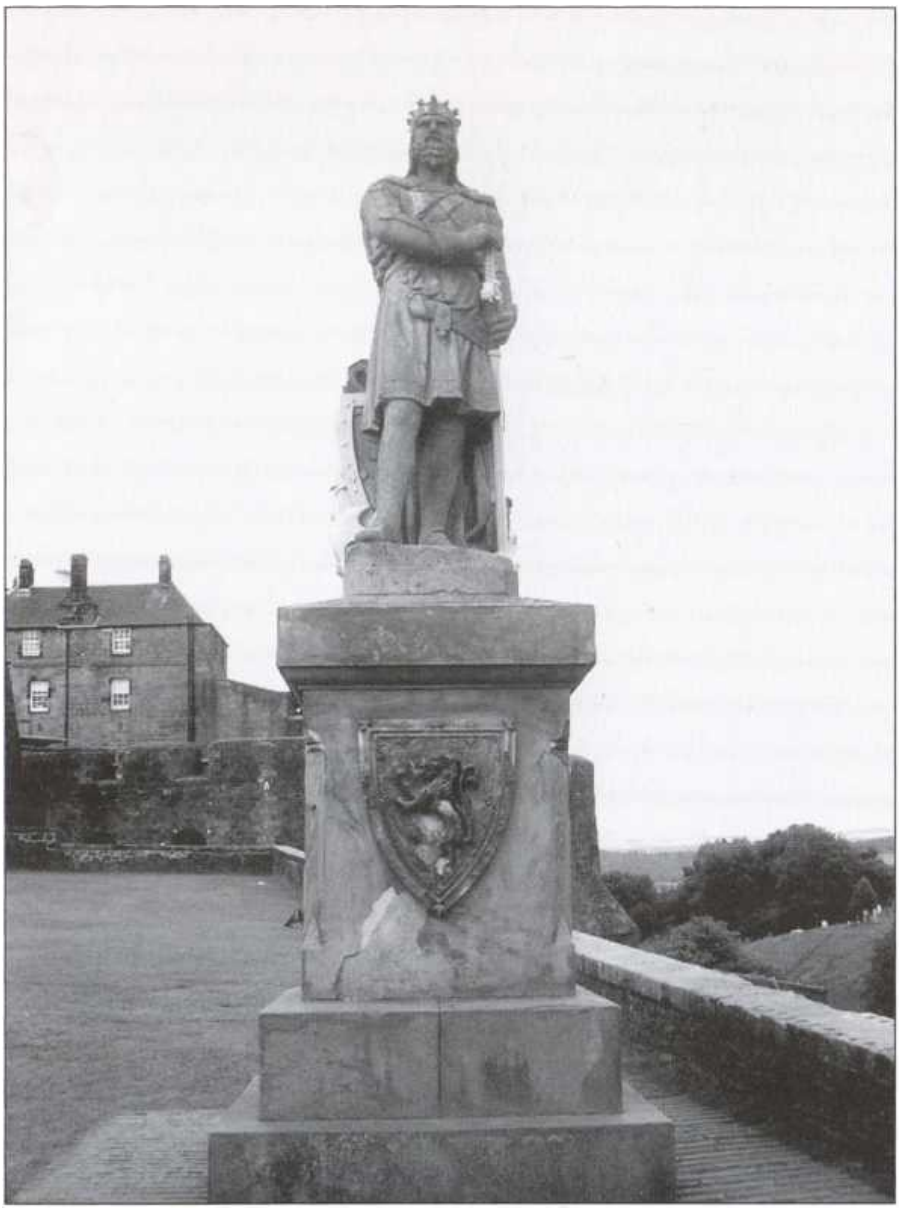
Указ о снаряжении обоза Левенгаупт получил еще 2 июня, но подготовка к его отправлению заняла почти полтора месяца: надо было добыть тысячи телег, привести их в состояние, пригодное для транспортировки грузов, добыть запасы продовольствия, погрузить артиллерию, порох и обмундирование для солдат и офицеров, успевших поизноситься после выхода из Саксонии. Наконец, надлежало укомплектовать для обоза конвой, который по прибытии на место должен был влиться в состав шведского войска. Обоз из 8000 повозок, сопровождаемый, согласно русским источникам, 16-тысячным, а по данным шведов, 14-тысячным корпусом, двинулся из Риги 15 июля.

В ставке короля началось томительное ожидание его прибытия. Проходят июль и август, а обоза все нет. Задержка объяснялась не только запоздалым выходом из Риги, но и медленным продвижением — истощенные лошади едва тащили то и дело ломавшиеся телеги, приходилось делать длительные остановки.

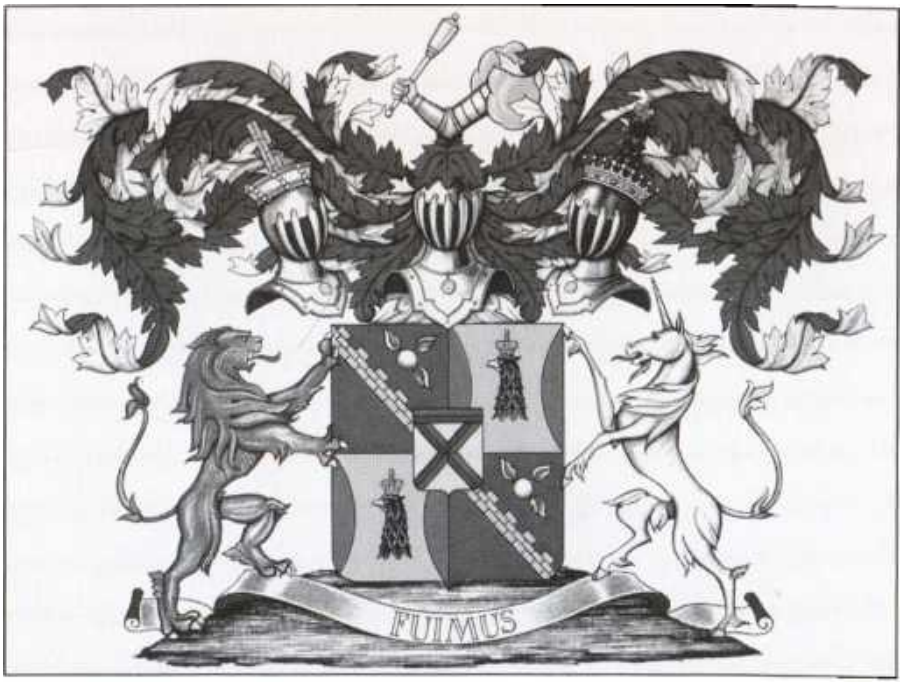
Выступив в поход, Левенгаупт стал распространять специально подготовленное воззвание к местным жителям, в котором объяснял, что шведская армия пришла лишь для того, чтобы изгнать иностранцев, захвативших правление в России. В воззвании, в частности, говорилось: «Королевское Шведское Войско токмо в том намерении в Россию прибыло, дабы с помощию божиею как удовольствование о многократных неправедливостях, от чужестранного в прошедших годах царствующаго в России Министерство Швецию приключенных, так и надлежащая безопасность в пред нашему Государству учиненна быть имела, да всероссийской народ свобожден от несносного ига и ярости, с кем вышепомянутая чюжестранная Министерия для собственной своей умысле, по долгом уже времяни Россиискиx подданных досадна и утесняла, от чего де многие своему Государству доброжелательные Российские подданные не токмо лишились своего имения, но и жестоким да россыским образом в конечное разорение и к тому доведены, чтоб и живот им не мил был, а некоторая часть в немилостию и в ссылку послана».

За продвижением корпуса Левенгаупта пристально следили в ставке не только шведского короля, но и русского царя. Перехватить обоз — значит лишить шведскую армию

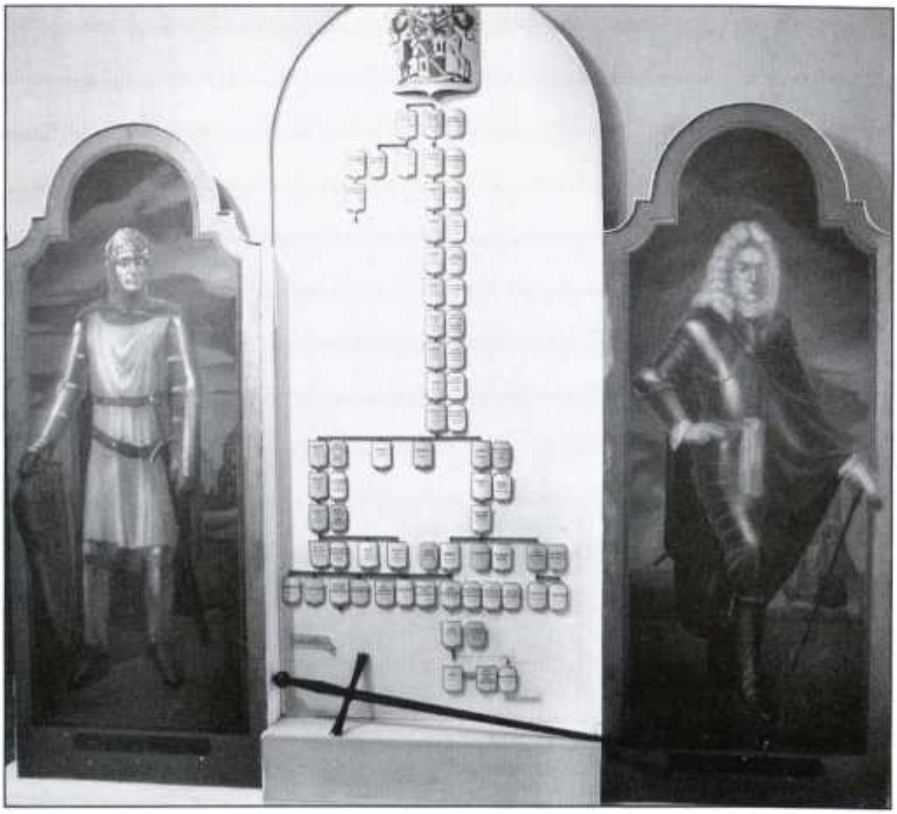
подкреплений и продовольствия. Корпус Левенгаупта являлся удобной мишенью для атаки — представлялся случай громить шведов по частям, не ввязываясь в генеральное сражение. Петр благодаря отлично поставленной полевой разведке и донесениям агентов из Риги и других мест был подробно осведомлен об идущих из Лифляндии шведах.



Памятник Роберту Брюсу в Стерлинге



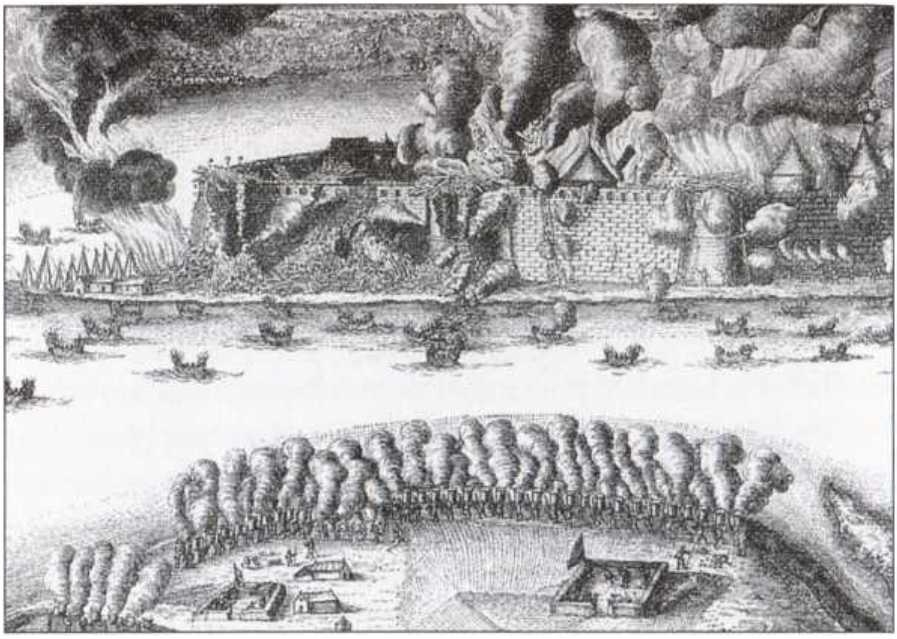
Родовой герб графа Брюса



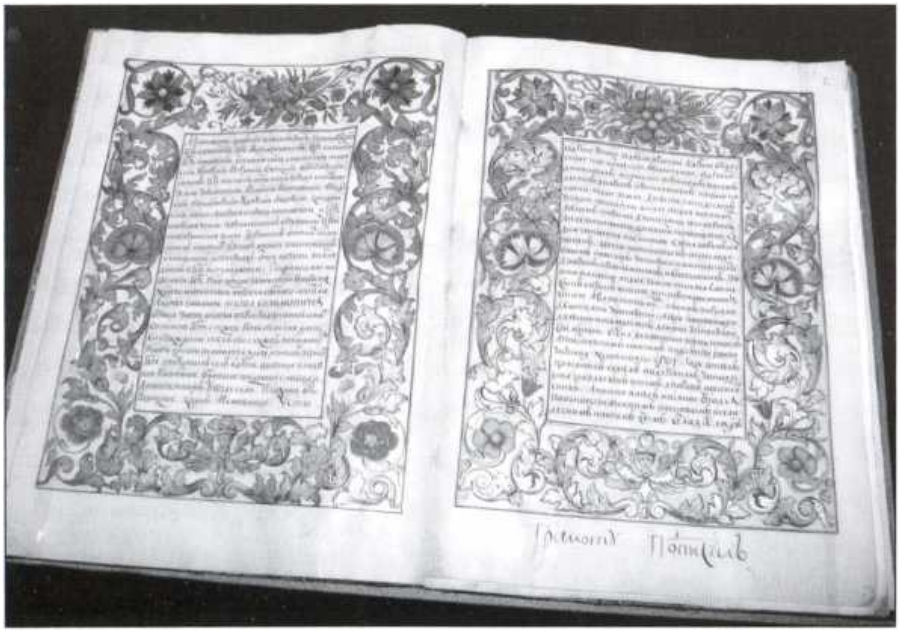
Общий вид родословной росписи составленной исследователями В. В. Синдеевым и Д. Г. Федосовым для экспозиции Дома-музея Я. В. Брюса.

Слева портрет короля Роберта I, справа — Я. В. Брюса

Список иноземцев, принятых на русскую службу в 1647 году



Взятие Нотебурга 11 октября 1702 года. Художник А. Ф. Зубов



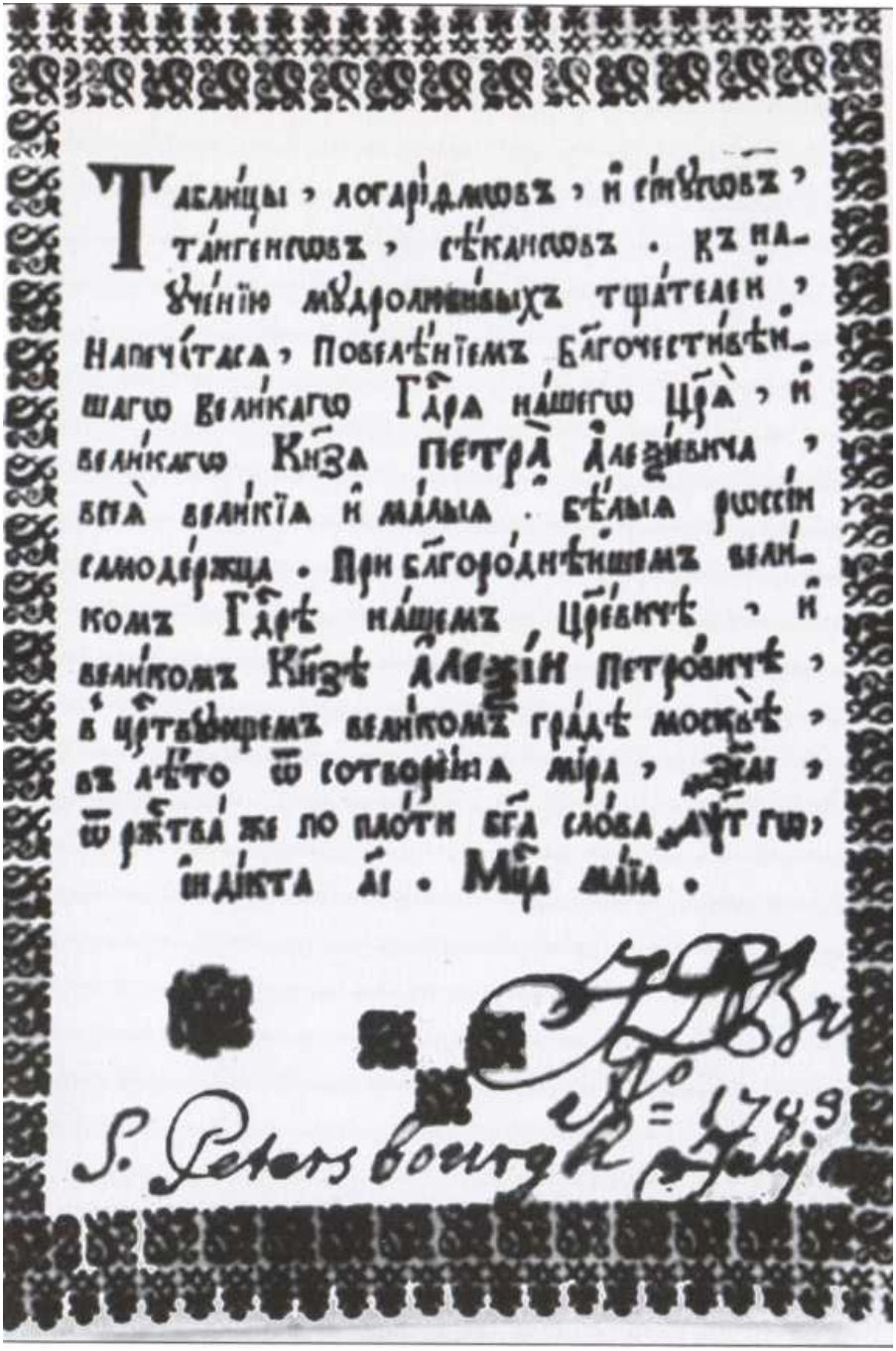
Жалованная грамота о награждении Я. В. Брюса орденом Св. апостола

Андрея Первозванного за участие в Полтавской баталии

Кафтан Я. В. Брюса из коллекции Государственного Исторического музея

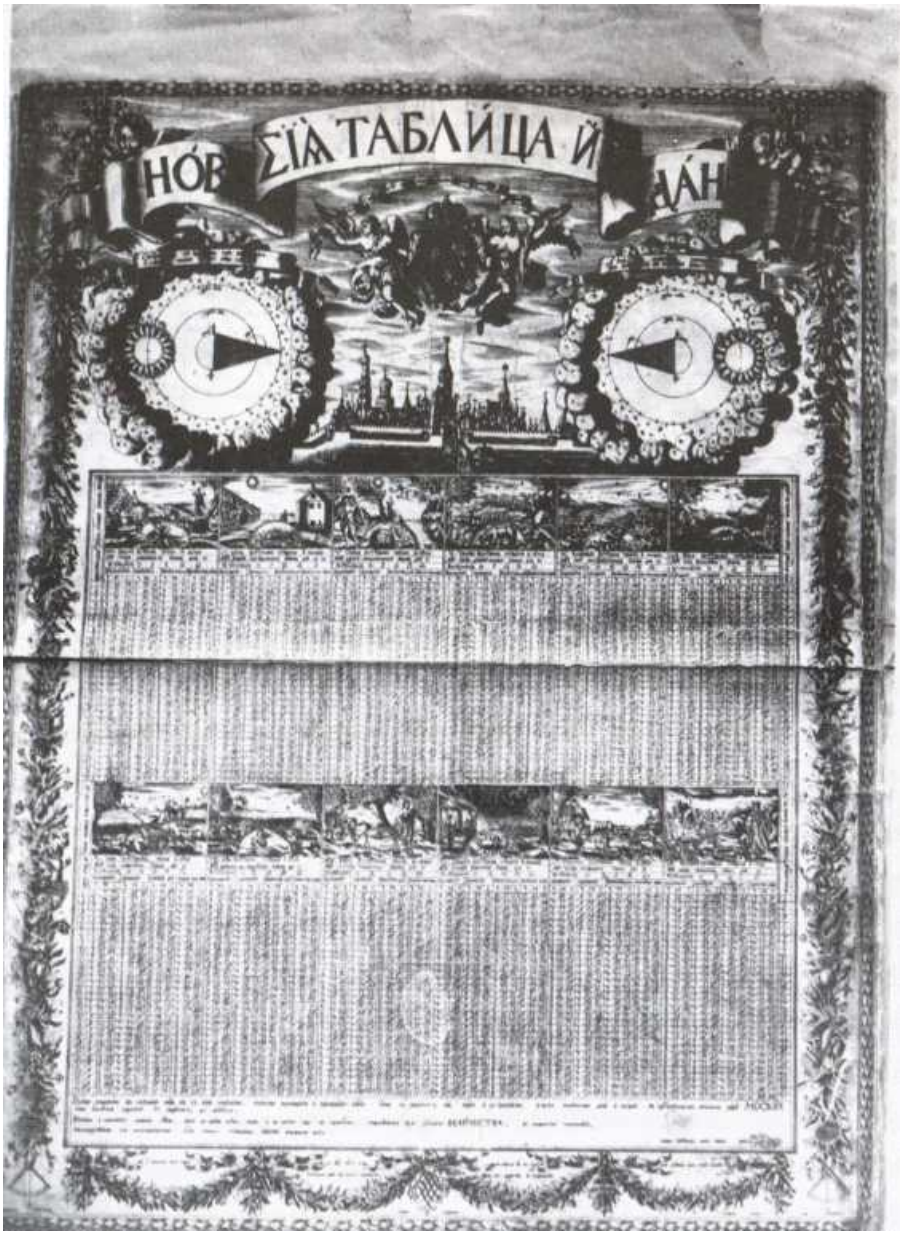
Училище. Из «Брюсова календаря»

Металлическое зеркало для отражательного телескопа, сделанное «собственным тщанием Якова Вилимовича Брюса» в 1733 году


Таблицы логарифмовъ и синусовъ,
тангенсовъ, секансовъ. къ на-
учению мудролюбивыхъ тщателей,
Напечатася, повелѣнiемъ Благочестивѣй-
шаго Великаго Гдра нашего Цра, и
великаго Кнза Петра Алексiевича,
всеа великiа и малыя, и белыя россiи
самодержца. При Благороднѣйшемъ Вели-
комъ Гдрѣ нашемъ Цревичѣ, и
великомъ Кнзѣ Алексiи Петровичѣ,
в цртвующемъ великомъ градѣ москвѣ,
въ лѣто отъ сотворенiя мiра, сiе,
отъ ржтва же по плоти Бга слова, Аугу-
индикта аi. Мца маiа.

S. Petersbourg le 1709

Первая страница «Таблицы логарифмов», изданной Я. В. Брюсом в 1709 году с его автографом



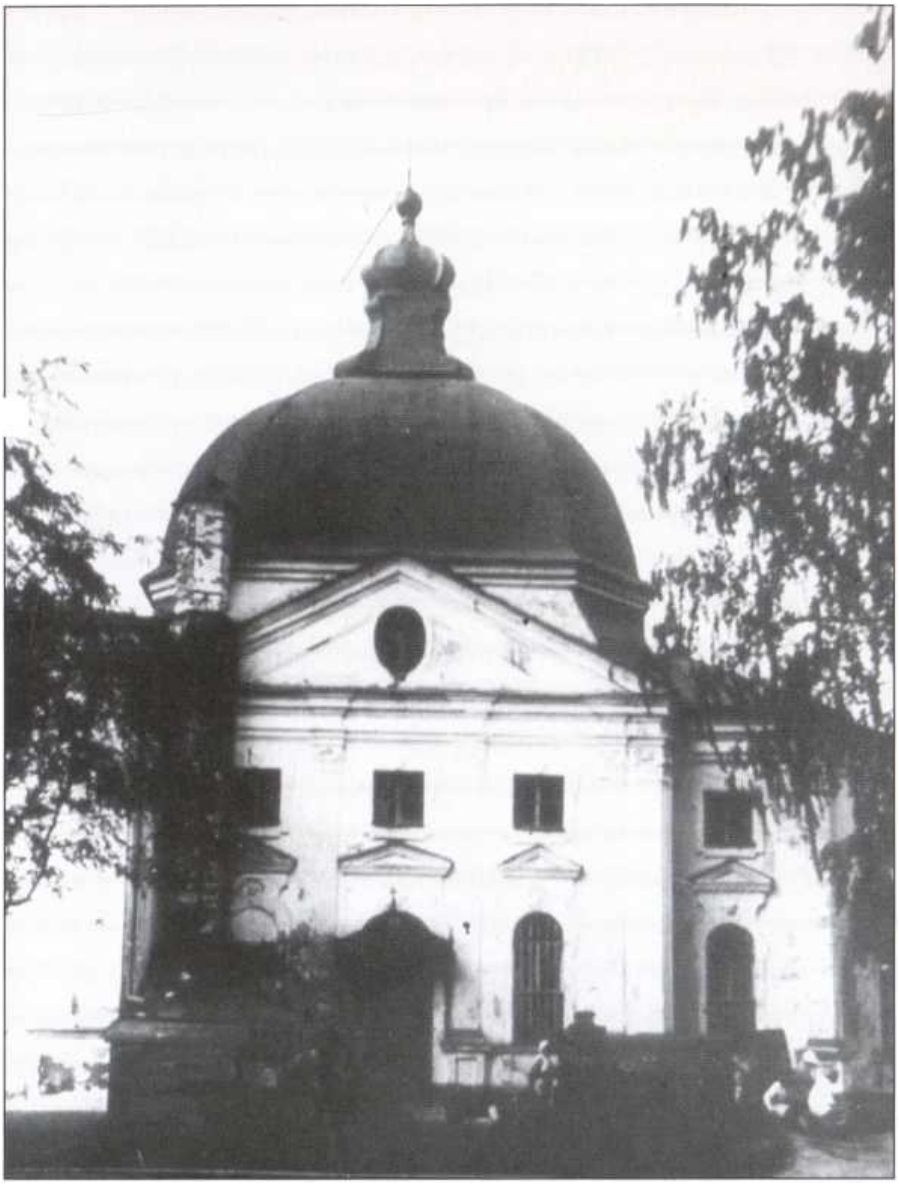
Страница из «Брюсова календаря»

Ф. Ю. Ромодановский

Ф. М. Апраксин

А. Д. Меншиков

Д. М. Меншикова



Южный фасад храма Святого апостола Иоанна Богослова в Глинках, построенный в 1756 году графом А. Р. Брюсом. Фото начала 1930-х годов

Обсерватория Я. В. Брюса в Глинках. Современный вид

Бывшая кордегардия в Глинках. Современный вид

Вход на территорию усадьбы Глинки. Современный вид

Я. А. Брюс. Неизвестный художник

Портрет генерал-фельдцеихмейстера Я. В. Брюса. Неизвестный художник

Сухарева башня. Фото начала XX в.

Кирха Святого Михаила, где был захоронен Я. В. Брюс. Фото 1920-х годов

ЖЕНѢ И ДРУГУ.
РАСТИТЕ ЗАВСЕГДА НА ГРОБѢ СЕМЬ ЦВѢТЫ,
ВЪ НЕМЪ РАЗУМЪ ПОГРЕБЕНЪ, ВЪ НЕМЪ СКРЫЛИСЬ КРАСОТЫ
НА МѢСТѢ СЕМЪ ЛЕЖИТЪ ОСТАТОКЪ БРЕННО ТѢЛА,
НО БЕССМЕРТНАЯ ДУША НА НЕБЕСА ВЗЛЕТѢЛА.

Надгробие на могиле П. А. Румянцевой-Брюс работы И. П. Мартоса, стоявшее в храме Иоанна Богослова в Глинках. Фото начала 1930-х годов

Бюст Р. В. Брюса. Антропологическая реконструкция

В ставке короля, напротив, находились в неведение о передвижениях Левенгаупта. Это вынудило Карла XII вопреки своему обыкновению проявлять нерешительность, которую он ни разу не выказывал за всю предшествующую историю своих успешных походов. Справедливости ради отметим, что и с трудностями король впервые встретился тоже на белорусской земле: его армия впервые подверглась непрерывным нападениям «партий», заставлявшим ее ежечасно и ежеминутно находиться в напряжении, что изнуряло моральные и физические силы солдат и офицеров; впервые шведская армия не могла себя обеспечить продовольствием — с такого рода трудностью она не встречалась ни в разоренной Речи Посполитой, ни тем более в богатой Саксонии.

Вместо того чтобы идти на соединение с Левенгауптом

шведский король двинулся на юг, на Украину. Короля этот путь соблазнял несколькими преимуществами. Он рассчитывал получить на Украине более благоустроенные зимние квартиры, чем в заснеженной Белоруссии или Центральной России. В богатой продовольствием Украине оккупанты надеялись обеспечить себя продовольствием и фуражом. Надежды на это укреплял гетман-изменник И. С. Мазепа, обещая снабдить шведов всем тем, в чем они нуждались, а также предоставить королю 20–30 тысяч вооруженных казаков. Возможно, что король, кроме того, уповал на помощь турок и крымских татар, а также восставших против царя донских казаков.

После бесполезного для шведов сражения у Раевки шведская армия отправилась на Украину. Путь шведам на Смоленск, согласно сведениям хорошо информированного английского посланника Ч. Уитворта, был заказан: «Шведы… думали пробраться до Смоленска в надежде найти там провиант в изобилии, но изумлены и приведены в отчаяние, видя, что русские сжигают собственное имущество, чего они никак не ожидали». Главные силы шведской армии, не обремененные громоздким обозом, двигались быстрее, чем корпус Левенгаупта. Поэтому расстояние между ними не сокращалось, а увеличивалось.

Первое известие о движении Карла XII на юг Петр получил два дня спустя после того, как шведы отправились в путь, — 17 сентября. Ответные меры царя обнаруживают оперативность его решений и четкость плана, которого должны были придерживаться генералы. Корпуса русской армии под командованием Шереметева, Гольца и Инфлянта должны были «эскортировать» шведов, тревожа их стычками, уничтожая запасы продовольствия и фуража, разрушая переправы и делая засеки. Левенгаупт, пытаясь догнать короля, двигался в том же направлении, намереваясь соединиться с ним где-нибудь в районе Стародуба.

Петр I еще до того, как Карл XII начал осуществлять свой рискованный план, созвал военный совет, предложив ему решить, что следует предпринять в отношении Левенгаупта. В «Гистории Свейской войны» по поводу этого военного совета, состоявшегося, скорее всего, 14 сентября, на котором присутствовал и Я. В. Брюс, записано: «Для перестроги за главным войском неприятельским идти генералу фельдмаршалу Шереметеву с главным российским корпусом на Украину, а добрую часть отделить на Левенгаупта и его атаковать, которое дело государь взял на себя, куда, отделя корпус, пошел без обоза, токмо с одними вьюками».

Летучий отряд, или корволант, был сформирован довольно

быстро, поскольку для большей подвижности и свободы маневра он отправился без обоза. Корволант насчитывал около 10 тысяч человек. Русское командование полагало, что такого количества достаточно для атаки неприятеля, ибо располагало данными, что у Левенгаупта находилось около 8000 человек. Петр и Меншиков во главе двух колонн корволанта двигались навстречу корпусу и намеревались в ближайшие дни вступить в соприкосновение с его авангардом.

Случилось, однако, так, что Левенгаупту едва не удалось ускользнуть от корволанта и соединиться с королем. Переправив громоздкий обоз через Днепр в районе Шклова, Левенгаупт подослал в русский лагерь шпиона с поручением распространить слух, что его корпус находится на правом берегу реки и намерен двигаться на север, в сторону Орши. Обман был обнаружен после того, как корволант переправился на противоположный берег Днепра. 22 сентября Петр извещал Головкина: «А мы с полуночи пошли за Днепр». Хитрость Левенгаупта дорого обошлась «шпику» — он был повешен.

Положение корволанта по отношению к корпусу шведов изменилось: раньше полагали, что отряд движется навстречу корпусу, теперь выяснилось, что предстояло его догонять. Первое соприкосновение с арьергардом неприятеля произошло 26 сентября. Этот факт дважды засвидетельствовал Петр в письмах, отправленных тогда же. «И теперь неприятеля увидели», — сообщал царь Екатерине Алексеевне и Анисье Толстой. «Передовые наши с неприятелем уже сошлись», — писал он Р. Х. Боуру. Столкновение с неприятелем вскрыло деталь, обескуражившую царя и генералитет, — Меншиков, командовавший авангардом корволанта, установил, что корпус Левенгаупта насчитывал не 8000 человек, а вдвое больше. Это резко меняло соотношение сил в пользу неприятеля. Царь немедленно созвал военный совет и поставил перед ним вопрос: «Атаковать ли так сильнее себя неприятеля или генерала Боура дожидаться?» Отряд генерала Боура, которому царь начиная с 23 сентября многократно повелевал, «не мешкав», «как наискорея» соединиться с корволантом, насчитывал чуть более 4000 драгун. Его прибытие должно было в какой-то мере уравновесить силы. Военный совет, тем не менее, вынес решение: «…ежели в два дни (Боура) не будет, то одним оного с помощию Божиею атаковать».

Сражение, однако, началось на следующий день, до подхода подкреплений. Предварительно разрушив мосты через речку у деревни Долгие Мхи, шведы расположились на возвышенном берегу и, как только подошла конница корволанта, начали обстрел ее из пушек. Со стороны корволанта тоже ответили

артиллерийским огнем. Дуэлью дело и закончилось: «…все войско неприятельское из виду ушло, и наступила ночь». Под ее покровом русские восстановили два моста, переправились через речку и настигли неприятеля у деревни Лесной. Здесь и развернулась битва, ставшая важной вехой в истории Северной войны. Сражение началось с полудня 28 сентября и закончилось с наступлением темноты — в восемь вечера. Оно протекало, как засвидетельствовал сам Петр, с переменным успехом: «И неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть, куды будет».

Победу корволанта в значительной мере определил удачный выбор места сражения. Оно представляло окруженную лесом поляну, что ограничивало маневр шведов и лишало их возможности ввести в бой весь наличный состав корпуса. Таким образом Левенгаупт не мог в полной мере извлечь выгоды из своего численного превосходства в живой силе. Петр полностью оценил преимущества сражения в лесистой местности. «Только зело прошу, — наставлял царь Ф. М. Апраксина на тот случай, если он будет сражаться со шведами в Ингрии, — чтоб не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая есть польза (как я сам видел), ибо и на сей баталии, ежели б не леса, то б оные выиграли, понеже их шесть тысяч больше было нас».

«Гистория Свейской войны» сообщает любопытную деталь сражения: через несколько часов боевых действий «на обе стороны солдаты так устали, что более невозможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели и довольное время отдыхали, расстоянием линий одна от другой в половине пушечного выстрела полковой пушки или ближе». Отдохнув часа два, противники возобновили сражение, исход которого решили подоспевшие драгуны Боура. Под напором свежих сил шведы дрогнули и начали беспорядочно отступать в лес. Во время многочисленных атак и контратак, доходивших до рукопашных схваток, полегло 8000 шведов. Архиепископ Феофан Прокопович писал: «И так паки великой бой запалился, где такая с обеих рук была запальчивость, что пехота уже палашами рубилась».

Левенгаупт решил спасти остатки разгромленного корпуса от полного истребления и вновь пошел на хитрость: ночью он велел жечь телеги, создавая видимость, что солдаты греются у костров, а сам под покровом темноты бежал в сторону Пропойска. Это было не отступление, а именно бегство. По свидетельству барона Г. фон Гюйссена, «остатки шведского войска под защитой темноты наскоро чрез речку, которая у них в тылу была (Сож), в совершенном смущении спастися трудились, и ни генералов, ни

офицеров уже не слушались, и как кавалерия, так инфантерия, смешався, бежали». Шведский лейтенант Ф. К. Вейе тоже отмечал неорганизованность отступления: «Та ночь была настолько темной, что нельзя было разглядеть даже протянутой руки. Кроме того, никто из нас не знал местности, и мы должны были блуждать по этим страшным и непролазным лесам по грязи, при этом или вязли в болотах, или натыкались лбами на деревья и падали на землю». Левенгаупт пытался захватить с собой остатки обоза и артиллерии, но из этого ничего не вышло. «В пути наши пушки, — свидетельствовал Вейе, — завязли в болоте, и не было сил их вытащить, так как колесами сотен телег дорогу настолько разбили, что вряд ли можно было передвигаться по ней даже верхом». Впрочем, и то, что было довезено до Пропойска, пришлось предать огню.

Утром 29 сентября русские, всю ночь находившиеся в боевой готовности, не обнаружили шведов. Их взору предстало поле, усеянное трупами. Победа была полной. В течение дня царь одно за другим отправляет письма друзьям, в каждом из которых можно обнаружить любопытные детали. То он извещал корреспондента, что «сии все были природные шведы и ни одного человека не было во оном корпусе иноземца»; то несколько часов спустя уведомлял, что «сия виктория еще час от часу множится и непрестанно разбитых неприятелей наши стали в обоз приводят, между которыми есть довольное число и офицеров». Итоги битвы царь подвел в письме своему любимцу Александру Васильевичу Кикину: «Только сие истинно, что Левенгаупт со всем корпусом пропал».

Очевидец сражения с русской стороны писал: «Редко где упорнее и задорнее сражение бывало. Никогда до того времени Русские так себя знать не дали, и свою храбрость лучше не оказали, как при оном случае, что и сам Левенгопт засвидетельствовал (когда Король Шведский Русских уничтоживая, а его укоряя, в робкость ему приписал, что дал себя победить таким, которых без оружия, одними плетьми смирить было можно) не обинуяся сказал, что и Русские солдаты (которым так плохо ставит) люди и скоро-де Ваше Величество с своим накладом их мужество узнает».

По случаю победы была составлена реляция. В ней нет даже намека на роль царя в блистательном успехе русского оружия. Между тем это было первое сражение, которым лично руководил Петр и в котором он находился на поле боя. Именно у Лесной раскрылись полководческие дарования Петра и его личная отвага.

В бумагах Я. В. Брюса сохранилась копия текста этой реляции, отправленной смоленскому губернатору. В ней, в

частности, говорится: «Мы вчерашнего дня неприятеля дошли стоячего зело в крепких местах, числом 16 тысяч, которой тотчас нас из лесу отаковал всею пехотою во фланк. Но мы тотчас три свои регимента против их учинили и, прямо дав залп, на оных пошли. Правда, хотя неприятель зело жестоко ис пушек и ружья стрелял, однакож оного сквозь лес прогнали к ых коннице. И потом неприятель паки в бой вступил и, начав час после полудня даже до темноты бой сей с непрестанным зело жестоким огнем пребывал, и неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть куда будет. Но после по милостию победы давшего Бога, оного неприятеля, сломив, побили наголову. Так, что трупов с 800 на месте осталось (кроме, что по лесам от ран померло и калмыки побили). Обоз весь в две тысячи телег, шестнадцать пушек, сорок знамен и поле совсем осталось нам. А неприятели остальные по лесам разбежались, за которыми пошли сегодня вслед. А сколько с нашей стороны побито и ранено, о том выправясь, ведомость прислана будет к вам впредь. А с неприятельской стороны в полон взяты один полковник, да генерала Левенгопта, генерал отъютант и несколько офицеров, а протчим наши солдаты пардону не дали. У подлинного письма припись государевой руки «Петер». От Леснова места в 29 дня сентября 1708 году».

Некоторое подробности сражения при Лесной начальник артиллерии сообщал в письме псковскому и дерптскому обер-коменданту К. А. Нарышкину: «Я не сумневаюсь, что ваше благородие от Его Царского Величества о нынешней бывшей победе над неприятелем под селом Лесным уведомлены. Суть, однако <…>, что оных было при том с 16 000, которыя, божиею милостию, разорены, почитай, все. И взято пушек — 17 и знамен — 43, також офицеров и рядовых множество».

После бегства Левенгаупта царь оставался у Лесной еще три дня — до 2 октября. Корволант отдыхал, занимался захоронением своих и неприятельских трупов. Потери русских войск тоже были значительными, но не шли ни в какое сравнение с потерями шведов: убитых у нас насчитали чуть более 1100 человек, раненых — 2856.

Петр во главе гвардейских полков, а также с ранеными, с трофейной артиллерией (17 пушек), 78 знаменами и 1000 пленных отправился в Смоленск, где был встречен пушечной и оружейной пальбой. Туда же доставили денежную казну, которую Левенгаупт вез для раздачи офицерам и солдатам. Накануне царь, проявляя заботу о раненых, отправил два указа смоленскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову. В первом из них, от 1 октября, Петр велел, «не мешкав», испечь и доставить навстречу

раненым полторы тысячи буханок хлеба и две бочки вина, а во втором распорядился о том, чтобы подготовили для больных палаты «и давали б им вино и пиво». Заботу о раненых царь проявлял и в последующие дни. 6 октября он писал Головкину: «Впрочем, я сам бы к вам тотчас был, но для раненых, которых провожаю ныне до Смоленска (которые ангельское, а не человеческое дело делали), вскоре быть не могу». Сражение потребовало огромного напряжения сил и от самого царя, что явствует из этого же письма: «Також которые и не ранены, так устали (меж которыми и я), что Бог свидетелем есть и Озеров донесет, и для того некоторое время побудем в Смоленску».

Известно, что Я. В. Брюс принимал непосредственное участие в сражении. В собственноручной записке («Службы генерала-фельдцейхмейстера Брюса»), составленной в 1721 году, Я. В. Брюс о своем участии в сражении при Лесной записал следующее: «1708. Был под Лесным на левенгоуптской баталии и командовал левым крылом». Петр I высоко оценил заслуги начальника артиллерии и пожаловал ему крупную вотчину — Брянские слободы, состоящие из 219 дворов, с 903 четвертями земли, и 286 рублей годового дохода.

Однако победа русских войск в баталии при Лесной еще не означала перелома в войне. Оба полководца — царь и король — понимали значение происшедшего и, естественно, отнеслись к нему по-разному. В «Гистории Свейской войны» имеется вставка, написанная рукой царя, в которой дана оценка победы у Лесной: «…сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и поистине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца щастие произнесла, егда совершенного ради любопытства кто желает исчислить от 28 дня сентября 1708 до 27 июня 1709 года». Точно так же отзывался о Лесной сподвижник царя в области церковной реформы — знаменитый публицист Феофан Прокопович: «…и мощно рещи, что самая Полтавская жатва под Пропойском была сеяна, ибо неприятель, ово толикой себе силы отъятием и аки бы другой руки отсечением немощи сотворився, ово же и новые помыслы о российских силах восприяв, не с таковым уже упованием, с каковым начал, к вершению дела своего приступал».

Оба высказывания оценивали Лесную с высоты победоносно закончившейся Северной войны. Ретроспективно определить значение событий и соответствующим образом их ранжировать,

как известно, намного легче, чем сразу после того, как они совершились. Но должно заметить, что современники Лесной не страдали недооценкой влияния одержанной победы на ход войны. Скорее наоборот, Петр и его соратники ожидали от нее более радикальных последствий, чем те, которые произошли.

Правительство Петра позаботилось о том, чтобы весть о победе стала достоянием не только населения страны и иностранных дипломатов, аккредитованных в Москве, но и всех европейских дворов, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения. Князь Василий Лукич Долгорукий, русский посол в Копенгагене, извещал Меншикова: «Победу над шведским генералом Левенгауптом здесь приписывают к великой славе и к упреждениям интересов царского величества, королю же шведскому — к крайней худобе».

В ознаменование победы у Лесной были выбиты две медали, прославлявшие, как было принято в то время, царя: на лицевой стороне обеих медалей изображен скачущий на коне Петр; на оборотной — атрибуты победы: Слава, лавровые венки, литавры и т. д. Вероятно, такую же медаль получил и Я. В. Брюс.

В неприятельском лагере Лесная вызвала уныние. Даже король, никогда не выказывавший своей слабости, бодрившийся и при неудачах, утратил спокойствие. Он не мог скрыть своей подавленности, когда получил известие о катастрофе у Лесной. О случившемся там рассказал ему солдат, прибывший в ставку 1 октября. Король не поверил солдату, сочтя его рассказ чистым вздором: разве мог его лучший боевой генерал, командовавший к тому же отборными полками, потерпеть поражение от московитов, которые, в его представлении, не способны были сопротивляться и привыкли, подобно полякам и саксонцам, завидев шведов, показывать спины? Все же новость заронила сомнение, тревожные думы не покидали Карла XII ни днем, ни ночью. Король лишился сна, его удручало одиночество, и он коротал ночи в покоях то одного, то другого приближенного, пребывая в грустном молчании.

12 октября в ставку короля прибыл сам Левенгаупт, но не во главе 16-тысячного корпуса и колоссального обоза со всякой снедью и военными припасами, а с 6500 или 6700 оборванными, грязными и изможденными солдатами, чудом избежавшими плена. Карл XII, выслушав рассказ Левенгаупта, понял, что солдат не ошибся. Не мог король не уразуметь и того, что его расчеты оказались эфемерными. Если бы печальный рассказ Левенгаупта слушала трезвая голова, считавшаяся с реальностью, то она пришла бы к неутешительному выводу: надобно, пока не поздно, искать путей к миру. Но король, лишенный государственной

мудрости, полагался в отношениях с другими государствами только на силу оружия. Поэтому вопреки интересам своей страны он упрямо желал продолжать войну. Королю были присущи азарт и даже легкомысленное отношение к судьбам собственной армии. Современник, наблюдавший Карла XII, заметил: он «очень капризен и своенравен…» он рискует своею армиею, подобно тому как иной охотник до дуэли».

Русское командование продолжало внимательно следить за передвижением армии Карла XII. Я. В. Брюс по распоряжения Петра I писал генералу Р. Х. Боуру: «Приказал Его Царское Величество к вам отписать, дабы вы приказали кого надежного человека приискать и послать его для проведования шведов».

Об оперативной деятельности русской разведки свидетельствует интересный документ, отложившийся в бумагах Я. В. Брюса. Это черновик перевода, сделанного, по-видимому, самим начальником артиллерии, с перехваченного письма английского резидента Джеймса Джефферисса (Джеффриса) при шведском короле Карле XII к государственному секретарю Великобритании Бойлю. Заметим, что английский дипломат был человеком весьма осведомленным, сочувствовавшим делу шведского короля. После Полтавской баталии Джефферис бежал вместе с ним в Турцию и даже состоял уполномоченным при Карле XII в Бендерах. В 1719 году Джефферис был направлен резидентом в Петербурге к русскому двору, однако в том же году после обострения русско-английских противоречий был выслан из страны вместе с ганноверским резидентом Ф. Х. Вебером.

Письмо Д. Джефферисса как нельзя лучше характеризует военно-политическую обстановку после вступления шведских войск на Украину. В письме, в частности, сообщалось: «В последнем своем [письме] я объявлял милости вашей о бое, случившемся у реки Сожи между генералом Левенгауптом и москвичами, а после того времени не слышал я чтобы когда почта отпущена была из шведской армии, понеже все проходы заставлены и дороги учинены опасны и страшны от неприятельских казаков. Пятого числа сего месяца Его Величество перешел реку Десну. И де же бы с шведом многие великие противности случились, аще бы москвичи имели тамо довольную силу к супротивлению оным. И оная река была широка и имела береги крутые и к выходу на берег показалось бы невозможно иным, кроме короля шведского. Токмо вящую пользу в сем переходе Его Величество получил, что москвичи под командою генерала Шереметева у дела при добывании города Батурина, иже резиденция есть генерала Мазепы, к которому делу так устремилися, что растеряли другие авантажи. Однако ж они

взяли тот город прежде, нежели Его Величество оный мог выручить, и пререзали всех жителей мечом, и сожегши оной, отошли. Також де учинили оне нам некоторую противность у преждереченной реки с 4000 пехоты. Ныне отогнаны от 800 шведов, которых число от оных токмо сперва перешло, а армея после перешла без сопротивления, отколе мы маршировали к Коробову и Новому Млыну, иде же мы перешли Сейм реку и вступили в такую землю, которой лучше я не видывал, идучи чрез разные городки. Напоследки пришли к тому месту, иде же Его Величество назначил армии зимнии квартиры, которые я по лутчему моему известию, иже мог получить, расположены сим обычаем: кавалерия — в Вороне, в Серебряном, в Прилуках, в Ысне, в Лохвидах, в Монастыре и в Конатопе; инфантерия — в местечках ближайших к неприятелю, а королевская гаупт-квартира в Ромне. Тако ж, что шведская армия ныне покрывает большую часть Украины, тою часть земли, по которой генерал Мазепа титулует себя князем. Москвичи, за небольшой частью, расположили себя на другой стороне реки Десны и Сейма в наследных московских городках, а именно: в Чернигове, в Путивле, в Крупицах, в Рыльске, в Городище, в Нежине, в Киеве, и около тех мест, а сам царь — в Глухове. От ближнего соседства с москвичами чинятся нам некоторые безупокойства и частые реконтры между их и нашими партиями, в которых наш генерал Мейерфелт и полковники Дюкер и Тауб в недавних числах означили себя.

Не могу видеть, чтоб с нашей алияциею с генералом Мазепою по нашему чаянию что делалось. Також не обретаю я, чтоб сии люди так в готовности были с нами соединиться, како мы преж сего верили, но противно оному многие, которые в начале наши партии были, ныне перешли к неприятелю. Простой народ начинает ворчать против своего генерала, понеже привел иностранныя войска в их землю. И сказывают, искать интерес панов хочет, токмо все бремя будет лежать на нас, и что нам промышлять тот провиант на армию самим надобно к разорению нашему и фамилии нашей, когда другие в такой печали. Вкратце сказать, я обретаюсь в обществе людей больше склонных к москвичам, нежели к шведам. И так то велико, что может часто збираться купами и вред нам чинить. Какое щастие, недавно посланный от генерала Мазепы в Царьград, чтоб наговорить оному двору, дабы крымские татары к нам в помощь прислали, получил еще не явлено ведомость, только опасаемся, чтоб уже москвичи не помешали, и оный великим числом денег мир купили. Прошлые ночи поехал сквозь сие место от короля шведского нарочной куриер, и я не мог подлинной никакой

ведомости получить, зачем оной послан, токмо мнят, что к королю Станиславу призывать оного с своею армиею к служению с королем шведским всей земле.

С две недели взят в полон партиею генерал-адъютант московский, которой послан был к королю Августу с грамотками, в которых объявляет о нападении в Польшу. И сие письма для того писаны, чтоб нас поудержать, или для того, ежели правда в том есть, что сказывают, что вышеписанный король уже в Польшу вошел с несколькими тысячами человек. И том подлинно никто рассудить не может, понеже с два месяца почты в армии [нет]».

Из этого письма в очередной раз следует, что шведский король отнюдь не был освободителем украинского народа от притеснений «москвичей», а гетман-изменник пользовался поддержкой лишь малого числа своих земляков.

В октябре 1708 года Я. В. Брюс был послан по распоряжению Петра I в Глухов, откуда отправил царю донесение о состоянии дел в городе: «Доношу Вашему Величеству всеунижено, что прибрел я вчерашняго числа пополудни в Глухов и не обрел я при оном такова места, где б армея прибыточно могла боронится, для того, что около онаго великие и равные поля, також безлесное место, отчего великое оскудение здесь в городе дровами. И мню я, что из тех лесков, которые тут да инде около города, нашему войску дров тех на двое сутки не будет. Вся наша пехота в сдешном посаде и городе уберется квартерами. Крепость здешная вся из земли зделана не по правилу фортификации, и та везде обвалилась, однакож во иных местах с очищением и возможно во оной пяти полкам свободно боронится.

Пушек в оной железных и медных 21, которые еще всех не видел, понеже всего оных 5 на городе стоит. Сего числа осмотрю остальные пушки, також и иныя припасы артилериские и возвращюсь паки к армии.

Как гварнизон наш сюды вступил, то вся чернь зело обрадовалась. Токмо не гораздо приятен их приход был старшине здешной, а наипаче всех сдешному сотнику, которой поехал к господину фелтмаршалу Шереметеву купно с Четвертинским князем. И сказывают многие сдешныя жители, что он везьма мазепиной партии, которой у него всегда детей крещевал, и про Четвертинскаго сказывают, что тех же людей».

Следует отметить еще одну важную деталь в военной деятельности Я. В. Брюса. С 1708 года явно повышается его статус как опытного военачальника. В течение года он принимает участие в нескольких военных советах («военных думах», «военных консилиях»). В советах с января по май 1708 года Брюс участия принимать не мог, так как тяжело болел подагрой, а

затем горячкой. В конце мая состоялась «генеральная консилия» в Чашниках, где кроме самого Я. В. Брюса присутствовали Б. П. Шереметев, А. Д. Меншиков, Н. И. Репнин и Л. Н. Алларт. 22–23 июня Яков Вилимович присутствовал на совете в Могилеве, а 30 июня — в Шклове. 26 сентября в присутствии царя состоялся военный совет близ Горбовичей. 23 ноября Брюс был на совете в Марковке. На совете в Лебедине 2 декабря 1708 года в присутствии Брюса решался вопрос о боевых действиях в районе Лебедин — Ромны — Гадяч. Участие в «консилиях» свидетельствует о растущей роли Я. В. Брюса и подведомственной ему артиллерии в планах русского командования.

Победа у Лесной оказала большое влияние на ход войны. Она подготовила условия для новой, еще более величественной победы под Полтавой. Петр так охарактеризовал эту победу: «… сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и поистине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца щастие произнесла…»

После Лесной Брюс следует за Петром в Смоленск, где узнает о победе адмирала Апраксина над шведским генералом Любекером в Ингерманландии и, увидев в присланной Апраксиным росписи пленных шведов имя Андрея Брюса, 12 октября пишет в Петербург к брату Роману: «И вы б о нем (Андрее Брюсе) пожалуйте уведомитес: швецкой ли он земли или ис шкоцкой (шотландской) земли выехал служить? И ежели ис шкоцкой земли он, то не худо бы вы ево к себе взяли и осведомились поподлиннее: чьего он дому? И о том, пожалуйте, ко мне отпиши».

Письмо это не только говорит об интересе Якова Вилимовича к своему однофамильцу, а возможно, и родственнику, здесь — очевидность доверительных отношений между братьями.

28 ноября он пишет дьякам Козлову и Павлову по поводу разработанных им зарядных ящиков: «Послал я к вам при сем писме чертеж, по которому прикажите писать на скорострелных 50 ящиках, которые делаете вы по посланному образцовому ящику из Горок, на крышках по полотну, а имянно: по земле красной пушки — желтою, орлы — черною, а ящики — красною ж краской. И как оные совсем будут сделаны, то присылайте их в походную полевую артилерию».

После славной победы при Лесной Петр устроил пышное торжество на празднование нового, 1709 года. Царь приехал в

Сумы, где был и Брюс, и 1 января царское величество «новым годом и благополучным царствованием был поздравляем, причем была из пушек и от гвардии из ружья пальба, генералитет и штаб офицеры обедали в доме царскаго величества, веселились до полуночи» и любовались блистательным фейерверком.

Полтавская битва

В январе 1709 года Брюс вместе с Петром выехал из Сум и примкнул к отряду Ренне. Участвуя в походе вместе с отрядом, он стал свидетелем боя при Красном Куте (в районе Богодухова) 11 февраля. Бой имел огромное значение для стратегических планов Карла XII, который едва не был пленен генералом Ренне. Только наступившая ночь и оправившиеся к утру части шведского генерала Круза не позволили русским начать штурм мельницы, где с малочисленным отрядом был окружен Карл. Видимо, в отместку за пережитый страх Карл повелел после отхода генерала Ренне к Богодухову сжечь Красный Кут и выгнать оттуда всех жителей. Этим сражением завершился поход Карла в Слободскую Украину, не принесший его армии ничего, кроме новых потерь. А отряд генерала Ренне вместе с Брюсом в апреле нанес поражение шведам при Соколке, разгромил 12 мая Переволочну, где были сожжены суда, приготовленные для переправы через Днепр. Отряд Меншикова разорил ставку Мазепы в Батурине. Таким образом, у шведской армии не было возможности пополнить свои боеприпасы, запастись провиантом либо уйти с территории Украины в Турцию.

Оказавшись в столь затруднительном положении, Карл XII, подойдя к Полтаве, надеялся быстро взять эту крепость и поправить боевой дух и пошатнувшуюся мощь своей армии. Оборона Полтавы — это особая страница Северной войны.

За время двухмесячной осады и неоднократных попыток штурма крепости шведы растратили весь свой орудийный боеприпас и фактически лишились артиллерии. Во многом это последнее обстоятельство сыграло решающую роль в ходе Полтавской баталии 27 июня. Она стала определяющей в ходе Северной войны, поскольку после этого сражения, а затем пленения остатков шведской армии 30 июня у Переволочны шведский король лишился регулярной армии, до того являвшейся самой мощной в мире.

Русские войска подошли к Полтаве в конце мая. Главнокомандующим был назначен генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев. Брюсу было поручено командование артиллерией.

Шведы ринулись в атаку за два часа до рассвета. С обнаженной шпагой, лежа в притороченной к лошадям качалке, шведский король находился в центре боевых порядков, призывал свое войско к победе. Русские войска встретили шведов, подошедших к редутам в 3 часа ночи, сильным ружейным и артиллерийским огнем. Неприятель прихватил с собой всего

четыре пушки. Объяснялось это не только нехваткой пороха у шведов. Все европейские армии в начале XVIII века не придавали особого значения артиллерии, опираясь в сражениях, как правило, на конницу. Реформа, проведенная Брюсом в артиллерии, не просто сделала ее самой сильной в мире, она изменила в корне подход к артиллерии в военной тактике, показав ее значение как одного из ведущих родов войск.

Шведам удалось овладеть двумя недостроенными редутами, раздались их торжествующие возгласы: «Победа! Победа!» Веру шведов в победу укрепили также успешные действия их кавалерии, на короткое время потеснившей русских драгун. Радость, однако, была преждевременной. Оказавшись без поддержки артиллерии и не имея гранат, шведы понесли огромные потери. Пехота под командованием шведского генерала К. Г. Рооса и кавалерия В. А. Шлиппенбаха, не выдержав губительного огня, отошла в Яковецкий лес. Связь этих отрядов с основными силами шведов была утрачена. Конница Меншикова атаковала кавалерию Шлиппенбаха, разгромив ее и захватив в плен командовавшего ею полковника. Такую же участь разделила и пехота Рооса, пытавшаяся было укрыться в шведских укреплениях под Полтавой. На плечах бегущих пехота русского генерала Ренцеля ворвалась в укрепления и уничтожила или пленила этот отряд.

В девятом часу утра начался решающий этап битвы. Реляция описывает его так: «И как войско наше, таковым образом в ордер баталии (боевой порядок) установясь, на неприятеля пошло, и тогда о 9-м часу предполуднем атака и жесткий огонь с обеих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростью учинена, что вся неприятельская армия по получасовом бою с малым уроном наших войск (еже при том и наивяще удивительно), как кавалерия, так и инфантерия, весьма опровергнута, так что шведская инфантерия не единожды потом не останавливалась, но без остановки от наших шпагами, багинетами и пиками колота».

Вспоминая Полтаву, шведы говорили: «Пока длилось сражение, мы слышали такую сильную пальбу и грохот пушек, какой нельзя было представить, если бы не слышали его собственными ушами».

Шведский исследователь П. Энглунд писал, что на ранней стадии сражения задача шведов сводилась к тому, чтобы просочиться между редутами русской армии. Однако «когда преследующие их (русскую кавалерию. — *Авт.)* шведы скакали мимо лагеря, они попали под жаркий огонь многочисленной артиллерии из-за валов. Ядра и картечь косой подсекали ряды;

гранаты взрывались среди людей и лошадей; клинья огня поднимались из-за валов лагеря, и в пыли и чаду изуродованные фигуры валились на сухую землю». Далее он представляет полный драматизма штурм шведской пехотой под командованием генерала Рооса третьего редута, на котором шведы понесли ощутимые потери: «Беззащитные перед огромной огневой мощью шанца (редута. — *Авт.),* шведские батальоны были растерзаны на клочки».

Этот редут шведы так и не смогли взять, потеряв убитыми 1100 человек. Но главное значение подвига защитников этого укрепления состояло в том, что отряд генерала Рооса, составлявший треть шведской пехоты, оказался блокированным и затем был разгромлен. И все же основные события произошли после 9 часов утра, когда шведская армия, верная своей тактике, пошла в наступление на русские войска, выстроенные перед своими укреплениями. Именно во время этого штурма роль артиллерии Брюса проявилась наиболее ярко. Вот как об этом пишет шведский исследователь: «Ядра прорубали кровавые просеки в продолжающих наступать батальонах… Людей подбрасывало кверху, ломало, калечило, разрывало на куски… Когда до неприятеля оставалось метров двести, русская артиллерия перешла от ядер к картечи. Железный шквал превратился в ураган. Дула полковых орудий выплевывали заряд за зарядом: один густой рой за другим свинцовых пуль, обломков кремня и сеченого железа врезался в тонкую синюю линию…. Вероятно, в эти самые минуты, когда русские орудия извергали картечь, артиллерийский огонь и нанес пехоте самый большой, самый страшный урон.

На тех, кто пережил тогда огневой ураган, он произвел неизгладимое впечатление. В дневниках и памятных записках мы находим шероховатые формулировки, которые дают некоторое представление о кошмарной действительности. Драбантный писарь Нурсберг вспоминал: «Метание больших бомб вкупе с летающими гранатами на то похоже было, как если они с небес градом сыпались». Эскадронный пастор Смоландского кавалерийского полка Юханес Шёман говорит, что огонь русской артиллерии был чудовищный и «доселе неслыханный» и что «волосы вставали дыбом от грома пушек и картечных орудий залпов». Один из присутствовавших на поле боя зрителей, прусский подполковник и тайный советник Давид Натанаэль Зильтман, который следовал за шведской армией в качестве наблюдателя, писал домой, явно ошеломленный сражением: дескать, огонь русских был настолько силен, что у него слов не хватает описать его; он также сравнил обстрел с градом.

Интенсивный огонь действовал сокрушительно, и потери были очень велики».

Подводя итоги сражения, П. Энглунд утверждает, что «всего русская артиллерия сделала 1471 выстрел, из них третью часть составляли картечные. Такова сухая статистика, однако за ней скрывалась ужасающая действительность в виде гор истерзанных человеческих тел». Что же касается потерь, по мнению шведского исследователя, они составили 9700 человек у шведов против 1345 у русских.

Цифры красноречиво показывают, что артиллерия под командованием Брюса во многом решила исход сражения. Яков Вилимович Брюс после Полтавы был не только награжден высшей наградой России — орденом Святого апостола Андрея Первозванного, но и получил земли, значительно расширив свои владения.

После Полтавы в ходе Северной войны наступил коренной перелом. Возникает необходимость выработки новой стратегии в сменившихся условиях. Для России завершился самый сложный этап войны против Швеции — период противостояния один на один.

Осада Риги

В середине июля 1709 года в небольшом украинском местечке Решетиловка состоялся военный совет. Обсуждался план дальнейших действий. Было решено перенести центр тяжести военных усилий России в Прибалтику. Главные силы русской армии численностью 40 000 человек под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева направлялись в Лифляндию для осады Риги.

Рига в то время была одной из мощнейших крепостей в Европе. Ее гарнизон насчитывал 13 400 человек. В крепости находилось 563 пушки, 66 мортир и 12 гаубиц. Овладение такой крепостью требовало большого количества артиллерии, боеприпасов, снаряжения, обмундирования, продовольствия и фуража.

Петр I приехал к Риге из-за границы в ноябре 1709 года. К этому времени крепость была осаждена русской армией, а артиллерия Брюса готовилась к началу ее бомбардировки. 14 ноября сам государь бросил первые три бомбы, что стало началом обстрела Риги, и отбыл в Санкт-Петербург. Брюс остался здесь и выехал в Москву непосредственно для участия 21 декабря в торжественной церемонии по случаю Полтавской победы.

Осада Риги продолжалась до июня 1710 года. Сначала, до наступления зимы, шли непрерывные бомбардировки крепости. Но в декабре Петр принял решение ограничиться тесной блокадой Риги и «сего города формальною атакой не добывать». Блокада было поручена генералу Репнину, который возглавил сводный отряд в 6000 человек. Остальные войска отводились на зимние квартиры в Лифляндию, Курляндиию и Литву. Поэтому, выехав в Москву, Яков Вилимович Брюс вернулся к Риге только весной, при активизации осады и усилении блокады крепости.

Яков Вилимович прибыл в Юнгфергоф (под Ригой) 10 мая 1710 года вместе с артиллерией и начал подготовку боеприпасов для бомбардировки крепости. Командующий войсками под Ригой фельдмаршал Шереметев приехал 11 марта. К приезду Брюса завершается строительство батарей. На вооружении тогда находились 32 пушки 18-, 12- и 8-фунтового калибра, кроме того, использовались три 9-пудовые и 11 5-пудовых мортир. С 14 по 24 июня на Ригу было брошено 3389 бомб только из этих осадных мортир. Историки отмечают весьма эффективное использование артиллерии под Ригой. Так, в апреле Б. П. Шереметев построил свайный мост для блокирования крепости с моря, на нем установил пушки 24-, 18- и 12-фунтового калибра. При попытке

шведов прорвать блокаду с моря 28 апреля силами 9 каперов, начался интенсивный огонь русских батарей, который и привел к тому, что блокада не была прорвана.

4 июля Рига пала, а 12 июля состоялось церемониальное «шествие» фельдмаршала Шереметева в город, при этом Яков Вилимович Брюс вместе с генералом Ренцелем занимал четвертую из пяти карет, следовавших перед фельдмаршальской. В этом безусловное признание заслуг артиллерии, особенно осадной, проводившей интенсивный огонь по крепости.

С падением Риги для русской армии не оставалось препятствий по захвату территории Прибалтики. Почти одновременно с Ригой 13 июня капитулировал Выборг — главная крепость-порт восточной части Финского залива. Причем капитуляция была принята после пятидневной бомбардировки крепости брюсовской артиллерией. В августе были взяты крепости Динамюнде, Пернов (Пярну), остров Эзель (крепость Аренсбург), Кексгольм (взятый Романом Брюсом). Последней крепостью был Ревель (Таллин). Таким образом, Лифляндия (Латвия) и Эстляндия (Эстония) в ходе кампании 1710 года были очищены от шведских войск. Надо отметить, что при взятии каждой из крепостей артиллерия пополнялась огромным количеством пушек и мортир, что, безусловно, укрепляло артиллерийское ведомство.

Что же касается генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса, с занятием Прибалтики все больше и больше рос его авторитет не только в русской армии, но и за рубежом.

Во многом по этой причине Петр I именным указом от 3 января 1711 года направляет Брюса в Данциг (Гданьск) с дипломатической миссией.

Миссия в Данциге. Прутский поход

Якову Вилимовичу были даны широкие полномочия, о чем свидетельствует посланная ему в Данциг (Гданьск) царская грамота. Начиналась она так: «Божьей милостию мы, Петр Первый, Царь и Император Всероссийский, и проч. и проч. и проч., объявляем благошляхетным господам, города Гданска президенту и бургомистрам, и всему магистрату наше благоволение и всякое благо. Понеже мы повелели нашему генерал-лейтенанту от армии Якову Брюсу вам о некоторых делах и желаниях наших объявить, того ради чрез сие желаем, дабы вы оному генерал-лейтенанту, о чем он вам именем нашим объявлять будет, не токмо полную веру во всем дали, но и то требование наше надлежайщим действием без продолжения времени исполнили».

Какое же поручение выполнял генерал-лейтенант Яков Вилимович Брюс? Речь шла о востребовании контрибуции в 300 тысяч ефимков с города, бывшего главной опорой Станислава Лещинского. События 1709–1710 годов резко изменили положение ставленника Карла XII на польском престоле. Королем Польши становится вновь Август II, аннулированы были результаты его договоров со шведским королем 1706 года. И Петр требовал с Данцига огромную контрибуцию.

Задача, стоявшая перед Яковом Вилимовичем, была сложной. Единственное, чем выполнение этого поручения было облегчено Петром, — это то, что, согласно данной Брюсу инструкции, он мог «вынудить» половину контрибуционных денег в виде подарка, а другую в виде займа, с дачей на последний письменного обязательства либо рассрочки уплаты требуемой суммы не далее как на четыре месяца.

При исполнении этого поручения Брюс, хотя и был уполномочен иметь в своем ведении небольшой отряд русских войск, расположенный под начальством бригадира Яковлева в окрестностях Данцига и Эльбинга, не мог не встречать препятствий разного рода, порождаемых, с одной стороны, недоброжелательством к русским жителями Данцига, преданными Станиславу Лещинскому, а с другой — двуличной политикой союзных русским саксонцев. Брюс делал все, что мог, — и характеристика тогдашних действий его отражается обширной перепиской с бригадирами Яковлевым и Балком, русским комендантом в Эльбинге. Из этой переписки, хранящейся в делах Артиллерийского архива, видно, что Брюс, беспрерывно переезжавший из Данцига в Эльбинг и обратно, должен был в

одно и то же время нести обязанности дипломата, артиллериста, провиантмейстера и главнокомандующего, предписания которого его подчиненным нередко расходились с предписаниями, получаемыми на имя этих подчиненных прямо от царя Петра или короля Саксонского.

21 марта Брюс, уже вызываемый Петром к армии, двинувшейся на турок, писал князю Г. Ф. Долгорукому: «В приказанном мне деле не вижу, чтоб какой прок был, а не дождався указ, ехать ко армее опасаюсь». Действительно, не удовлетворяла Брюса дипломатическая деятельность, тем более связанная с «выбиванием» денег. Поэтому, когда пришел ожидаемый указ, Брюс с радостью 16 апреля выехал из Данцига. По дороге к армии он исполнил дипломатические поручения во Львове. 29 мая вступил в командование артиллерией, состоявшей из 122 орудий (наполовину полковых), 16 понтонов на телегах и 200 подвод с пороховыми ящиками, не считая телег, нагруженных бомбами и ядрами. В рапорте фельдмаршалу Шереметеву говорилось: «Вашему Превосходителству во известие доношу униженно, что я из Елбинга прибыл сюда ко армии вчерашнего числа и не в малой печали обретаюся, что, как стал при артиллерии служить, такого превеликого оскудения и нужды в провианте артилериских служителей не видал, из которых иные уже не ели ничего дней по пяти и по шти (шести). И не чаю, чтоб могли в такую нужду оные войти, ежели б я сам при них был, но надеюся, что оным того б не было».

Прутский поход 1711 года был вызван беспокойством Турции, опасавшейся усиления России после Полтавской битвы. Кроме того, Карл XII постоянно давил на своего союзника, пугая его агрессивными замыслами Петра. Русский царь полагал, что этим походом он сможет вновь продолжить решение задачи по выходу к Черному морю.

Армия Петра подошла к Днестру, по которому проходила граница между Речью Посполитой и Османской империей, в конце мая, ко времени прибытия в войска Брюса.

Он участвовал в переправе главных сил через Днестр в июне у города Сороки и присутствовал на военном совете, где поддержал точку зрения русских генералов, желавших, вопреки мнению немцев, идти вперед. 9 июня наша армия двинулась к Яссам, где русским войскам оказал поддержку молдавский господарь Дмитрий Кантемир. Однако в Молдавии русских ожидало разочарование. Во-первых, молдавские силы, присоединившиеся к авангарду Шереметева, составляли всего 5–6 тысяч человек, во-вторых, и это главное, возникли трудности с обеспечением армии продовольствием. Кроме того, была

неизвестна численность турецкой армии, переправившейся через Дунай.

Петр I решил отправить в район Браилова 7-тысячный конный отряд генерала Ренне с задачей захватить собранные там турками запасы продовольствия. А главные силы должны были двигаться вдоль правого берега Прута до урочища Фальчи, а оттуда к реке Сирет, где соединиться у Галаца с кавалерией генерала Ренне.

Яков Вилимович Брюс при начале движения в степи шел с артиллерией непосредственно за гвардейским отрядом царя. 24 июня он привел артиллерию в лагерь русского авангарда под командованием фельдмаршала Шереметева у Чучоры, на берегу Прута. 27 июня изготовил походную артиллерийскую церковь для богослужения в высочайшем присутствии, по случаю годовщины Полтавской баталии.

28 июня переправил артиллерию через Прут по мосту, устроенному для царского двора и обоза. 7 июля прибыл с нею в Станилешти.

В этот день отряд русского генерала Януса фон Эберштедта, посланный Петром I для воспрепятствования перехода турецкой армии через Прут, обнаружил авангард турецкой армии, который готовился к переправе. Однако генерал Янус не выполнил приказ царя. Вместо того чтобы атаковать турок, он позволил им спокойно навести мосты и переправиться через Прут. Сам Янус отступил, преследуемый легкой турецкой конницей.

Пройдя немногим более 7 километров от Станилешти, русская армия вынуждена была остановиться близ урочища Новые Станилешти. Утомленные нестерпимой жарой и непрекращающимися атаками турецкой и татарской конницы, русские солдаты нуждались в отдыхе. Поэтому немедленно было начато сооружение укрепленного лагеря.

Едва русская армия построилась в боевой порядок, как с юга показались главные силы турок, они охватили русский лагерь полумесяцем и вскоре пошли на приступ. Турецкая армия имела подавляющее преимущество. При 38 000 человек под командой Петра русским пришлось сдерживать натиск 135-тысячной турецкой армии. При этом велико было преимущество турок и в артиллерии — 407 против 122.

Однако защитники укреплений Станилешти выглядели достойно.

Примерно за три часа до захода солнца 9 июля турки, не дожидаясь всей своей армии и артиллерии, атаковали русский лагерь. В атаке участвовали 20 000 янычар. Построившись в боевой порядок в форме клина, они нанесли главный удар по

дивизии генерала Аларта. Турецкая конница участия в атаке не приняла, а поддерживала свою пехоту криками. Натиск янычар был очень силен. Однако лагерный огонь брюсовской артиллерии почти в упор не только охладил их пыл, но и привел в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Дело дошло до того, что турецкие военачальники рубили саблями беглецов, пытаясь остановить и привести в порядок свои войска.

Сражение продемонстрировало высокое военное искусство русского командования и отличную подготовку пехоты и особенно артиллерии: «…артиллерия, стрелявшая двойными зарядами (ядром и картечью), производила ужасное опустошение в густых толпах турок». Воспользовавшись тем, что янычары вели наступление на одном направлении, русское командование снимало войска с неатакованных участков и смело вводило их в сражение. В этом сражении было уничтожено 8000 турок.

Энергичный отпор русской армии оказал на янычар большое моральное воздействие. Уже после провала второй атаки кегая — помощник великого визиря, фактически командующий турецкой армией, — заявил военному советнику турецкой армии генералу Станиславу Понятовскому: «Мой друг, мы рискуем быть разбитыми, и это неизбежно случится!»

К ночи сражение стало затихать. Начальник янычар и великий визирь Балтаджи-Мехмет-паша приказал устроить окопы и закрепляться. Тем временем подошла турецкая артиллерия. Началась орудийная дуэль, продолжавшаяся вплоть до рассвета. Русские стреляли настолько удачно, что заставили великого визиря перенести свою ставку на расстояние, недосягаемое для огня. В течение ночи противник пытался приблизиться к русскому лагерю, но сильной стрельбой был отбит.

Несмотря на успешное отражение турецких атак, положение русской армии продолжало оставаться тяжелым. «Люди и лошади, — отмечал в своем дневнике генерал Аларт, — не отдыхали более трех суток к ряду. К тому же всюду испытывался недостаток в боевых припасах и провианте». На серьезность положения, в котором очутилась русская армия, указывал сам Петр: «И правда, никогда как начал служить, в такой дисперации (отчаянном положении) не были (понеже не имели конницы и провианту)».

И все же регулярная армия Петра I продолжала быть грозной силой. Ее солдаты сохраняли высокий моральный дух. В ином положении находились турецкие войска. Они были деморализованы понесенными потерями, отказывались участвовать в штурме русских позиций. Кроме того, по турецкой армии прошел слух, что с юга на соединение с Петром идет

корпус генерала Ренне. К сожалению, об этом не знали в лагере русского царя. Иначе исход противостояния у Новых Станилешти мог быть иным.

Утром 10 июля турки начали артиллерийский обстрел русского лагеря, который продолжался беспрерывно до двух часов дня. Он велся и с противоположной стороны Прута, куда переправилась часть турецких войск. Это еще больше осложнило положение, так как затруднило снабжение армии питьевой водой. Под председательством Петра I был созван военный совет. Его участники приняли решение предложить великому визирю перемирие, а в случае отказа атаковать противника всеми силами. В стан противника был отправлен унтер-офицер Шепелев с письмом за подписью фельдмаршала Шереметева, в котором излагались мирные предложения. Ответа не последовало. Тем временем русские продолжали укреплять свой лагерь и одновременно готовиться к прорыву вдоль Прута на север. Вскоре великому визирю было послано второе письмо. В нем указывалось, что, если турки будут медлить с ответом, русская армия перейдет в наступление. Ответа не последовало и на этот раз. Тогда Петр I отдал приказ выступить из лагеря и атаковать турецкие позиции. Но едва построенные в боевой порядок русские полки прошли несколько десятков саженей, как «от турок тотчас прислали, чтоб не ходили, ибо оне мир приемлют, и для того учинить унятие оружия, и чтоб прислали, с кем об оном мире трактовать».

Турецкое командование ответило согласием. Сражение 9 июля наглядно показало преимущество русской регулярной армии над армией Османской империи. Победа представлялась туркам почти невозможной. И они сочли более выгодным добиться дипломатическим путем своих целей в войне, чем идти на риск генерального сражения.

В полдень 12 июля между Россией и Турцией был заключен мирный трактат. Интересно отметить, что одним из первоначальных требований турок была передача им русской артиллерии. Это условие было отклонено. Но факт выдвижения такого требования очень красноречив. Турки действительно были ошеломлены силой и слаженностью действий русских артиллеристов.

На обратном пути от реки Прут 3 августа 1711 года в Яворове Брюс был утвержден в звании генерал-фельдцейхмейстера и сопровождал царя с царицей в Карлсбад, откуда он, «яко человек ученый, искусный и знающий вкус в вещах и в людях», отправлен в разные германские города с повелением приискивать и нанимать в русскую службу опытных офицеров и всякого звания

мастеровых, «и где он потребных в службу нашу изобретет, — говорилось в царской грамоте Брюсу от 19 сентября, — о пребывании их в нашей службе и о плате трактовать, и контракты заключать; и что он, генерал наш, им в контрактах обещает и заключит, то от нас все сдержано будет без умаления». Исполняя это поручение, Брюс 14 октября в Торгау присутствовал на свадьбе царевича Алексея Петровича с принцессой Шарлоттой-Христиной-Софией Вольфенбюттельской и за ужином сидел по левую сторону царевича, четвертым от царя, рядом с графом Головкиным. Здесь же в Торгау лично познакомился и сошелся с известным ученым Лейбницем, от которого впоследствии получал письменные поклоны, а в декабре того же 1711 года Петр, уже из Риги, писал о Брюсе к эльбингскому коменданту бригадиру Балку 6-го числа: «Господин брегадир. Когда к вам будет писать господин генерал-фельдцейхмейстер Брюс о приготовлении двух тысяч лопаток, тогда по тому его письму исполняйте без умедления» и 8-го числа: «Господин брегадир. Когда к вам приедет господин генерал-фельдцейхмейстер Брюс, и чего он от вас будет требовать, в том будьте ему послушны».

В 1712 году продолжение Северной войны происходило на территории Померании. В этом «померанском походе» командовал русскими войсками А. Д. Меншиков. Его армии в качестве поддержки были приданы артиллерийские части Дании и Саксонии. Неизвестно, участвовал ли в этом походе Брюс. По одним сведениям, он был командующим объединенной русской, датской и саксонской артиллерией. Другие источники свидетельствуют о том, что наш герой в померанской кампании не участвовал вовсе. Известно лишь, что в 1712 году он находился в Германии, где застало его письмо русского царя, датированное 7 декабря 1712 года: «Когда вам доноситель с сим письмом явится, тогда осведомитесь о том, искусный ли он гражданский архитектор, и для того пошлите кого от себя, или через письмо осведомитесь об нем в Дрездене, ибо он тамошний житель, а прислал его к нам золотарь, у которого мы в Дрездене стояли. Он просил на год платы и с кондуктором по полторы тысячи талеров курант, и как осведомитесь об нем, что он искусный мастер, то с ним договоритесь на несколько лет в нашу службу; однако ж смотрите того, чтоб в оплате неудачи не было, и договорясь, возмите его с собой, и дайте ему денег, что надлежит по рассмотрению». Итак, мы находим нашего героя уже не на полях сражений. Теперь он выполняет особые поручения и распоряжения Петра. В другом письме от 11 декабря Петр давал Брюсу поручение найти такого живописца, который бы умел писать в садах и парках перспективы и прочие фигуры, т. е.

ландшафтного архитектора. Также найти садовника, который в Потсдаме и других королевских (имеется в виду саксонских) резиденциях пересаживает большие деревья, по имени Мартын Тендер.

В том же 1712 году Брюс возвратился в Россию, где, по сенатскому указу конца декабря, ему вменялось в обязанность «… в Рыльском и Курском уездах, с тех городов с дворян, меновныя земли росписывать и по поступкам их за ними справливать…». Т. е. Брюсу поручается вопрос, связанный с землеустройством и раздачей свободных земель в этих уездах «…по менам и поступкам Рылян и Курчан…».

Дело Царевича Алексея

В 1713 году Брюс, уже выстроивший в Петербурге собственный каменный дом на Литейном, рядом с Арсеналом, снова был отправлен в Германию для найма мастеровых и закупки картин. В начале 1714 года он уже находился в Москве, куда Петр писал к нему из Петербурга ввиду переноса столицы из Москвы в Петербург, «понеже здесь всем делам заводится начало», и переселения половины мастеровых-пушкарей, «понеже литье ныне великое ныне здесь». И самого Брюса торопил с приездом к празднику.

Все шло своим чередом и не предвещало никаких неприятностей по службе. Как вдруг осенью того же года вместе с князем Меншиковым, адмиралом Апраксиным, фельдмаршалом Шереметевым, адмиралтейским президентом Кикиным и некоторыми другими Брюс заподозрен в «хищении государевой казны» и противозаконных подрядах под чужим именем. С 27 октября по 23 декабря по этому делу было арестовано и допрошено несколько купцов, приказчиков, большинство артиллерийских подрядчиков, комиссаров, секретарей, бургомистров, извозчиков «взяты под караул». Наложен арест на документы Военного, Поместного и Артиллерийского приказов. Комиссия, созданная для расследования дела в начале 1715 года, под председательством В. В. Долгорукого признавала виновными в хищении казны Меншикова, Апраксина, Брюса, Кикина и петербургского вице-губернатора Корсакова, из которых пострадали два последних. Остальные получили от государя прощение, более того, царь «изъявил о том сердечную свою радость принятием Меншикова, Апраксина и Брюса к столу своему с пушечною пальбою». Единственным напоминанием о деле для них остался указ от 27 декабря 1714 года, которым повелевалось: «Публиковать в народе, чтоб всех губерний и приказов и канцелярий всякаго чина люди, кто своим именем, или на имя посторонняго подряжался, о всех своих, как о провиантских, так и о других подрядах, какого звания оные и манера ни были, которые поставлены в Адмиралтейство, в Артиллерию и в прочия места, объявили в Сенате… А буде кто какого чина не будь, ведая свои какие подряды, вскоре не объявит, а после того кто на него в том донесет, и по тому доношению сышется: и те люди, яко преступники, жестоко будут наказаны, с разорением движимых и недвижимых их имений».

Ситуацию с подрядами довольно подробно исследовал Н. И. Павленко, придя к выводу о том, что «ни Шереметев, ни Брюс не

были причастны к финансовым махинациям».

Брюс продолжал, по поручению Петра, ученую переписку с Лейбницем о происхождении российского народа и почти ежедневно посещал своего соседа, царевича Алексея Петровича, дворец которого располагался рядом с домом Брюса. При жене царевича кронпринцессе Шарлотте безотлучно находилась тогда жена Брюса Марфа Андреевна. Это подтверждает письмо Петру известной «санкт-питербурхской князь-игуменьи» Ржевской: «По указу вашему, у ея высочества кронпринцессы я и Брюсова жена живем, не на час не отступаем, и она к нам милостива. И я обещаюсь самим Богом, еже ей ей! Ни на великие миллионы не прельщусь и рада вам служить от сердца моего, как умею. Только от великих куплюментов и от приседания хвоста и от немецких явств глаза смутились». О тогдашних отношениях к царевичу самого Брюса один из его подчиненных, видимо, адъютант генерал-фельдцейхмейстера Андрей Брюс рассказывает так: «Зимою 1714 года царевич приехал из-за границы… Я ходил часто с генералом моим (Брюсом) отдавать ему честь, и он часто приходил в дом к генералу, сопровождаемый весьма дурными людьми… Царевича никогда не видно в тех собраниях, где его величество принимает поздравления от всех знатных и чиновных особ в дни торжественные, праздничные, викториальные, спуска кораблей и прочих. Генерал Брюс, живший подле царевича, имел повеление всегда накануне просить его высочество к таким собраниям — и возложил обязанность эту на меня. Но его высочество, чтобы избежать собраний, или принимал лекарство, или открывал себе кровь, всегда извиняясь каким-нибудь нездоровьем, хотя все знали, что он, в то же время, предавался веселостям с своими прегнусными товарищами и не переставал осуждать все действия своего отца».

Действительно, царевич Алексей по складу характера и по убеждениям был полной противоположностью отцу. Вот как о нем пишет Н. И. Павленко: «Безвольный и пассивный, он стоял в стороне от забот, полностью поглощавших неуемную энергию царя, не жалевшего ни сил, ни «живота своего» для претворения грандиозных преобразовательных планов. Более того, к обновлению страны Алексей относился враждебно, открыто заявлял, что после вступления на престол повернет Россию вспять: откажется от приобретений в Прибалтике, забросит флот, отменит все новшества, приблизит к себе поборников старины».

У царя складывались совершенно особые отношения с сыном. Поначалу Петр старался вовлечь Алексея в круг своих интересов, давая ему различные поручения, как то: отправиться в Торгау и позаботиться об устройстве снабжения русского корпуса,

действовавшего в Польше (в октябре 1711 года), провиантом, отправиться к войскам в Померанию (апрель 1712 года), а затем в Петербург, чтобы участвовать в Финляндском походе и следить за постройкой судов в Старой Руссе и Ладоге. «Царевич Алексей беспрекословно исполнял все приказания отца, разъезжал всюду, смотрел, бранился, даже дрался там, где замечал недосмотры по делам, но все это за страх, а не за совесть, сам опасаясь батюшкиных побоев и пользуясь всякой возможностью отбыть от дела и от личного свидания с отцом».

У царевича развился по отношению к отцу животный страх. Сам он увлекся религией, интересовался вопросами папской власти, т. е. действительно это был антипод царю-преобразователю в лице собственного сына. Это, естественно, беспокоило Петра, однако он пытался удержать при себе Алексея, старался поддерживать приличествующие их положению отношения.

Естественно, сделать это возможно было только через посредников, людей, находившихся в доверии как у отца, так и у сына. И одним из таких людей, едва ли не единственным в свите Петра, был Я. В. Брюс.

Если вспомнить крестины дочери Брюса, присутствие Брюса на свадьбе Алексея, становится понятно, что отношения их были близкими, а главное, доверительными. Яков Вилимович по-прежнему считал себя обязанным Алексею в самом положительном смысле слова и не изменил своего отношения к нему и в 1718 году. Когда все вельможи подписали приговор царевичу, его подписи (так же как и подписи Б. П. Шереметева) под приговором не было, хотя это могло сказаться на дальнейшей карьере Брюса. Все это говорит о порядочности нашего героя.

Близость Брюса и царевича породила слухи о том, что в 1715 году жена Брюса находилась при кронпринцессе неотлучно «чуть ли не в качестве шпиона». Слухи, без сомнения, беспочвенные, потому что Яков Вилимович в какой-то степени считал себя ответственным за сына царя, и эта ответственность перекладывалась на плечи Марфы Андреевны, которая добровольно взяла на себя опеку кронпринцессы Шарлотты и ее адаптацию к российским условиям. Кроме того, Шарлотта не отличалась крепким здоровьем, и в ее положении (она родила сына Петра, будущего Петра И, 12 октября 1715 года) очень важно было внимание женщины, старшей по возрасту, отличающейся материнским участием к урожденной принцессе Бланкенбургской. Шарлотта нуждалась в женском покровительстве еще и потому, что у Алексея, как известно, в начале 1715 года появилась любовница, Ефросинья, дочь его

учителя Никифора Вяземского. Поэтому он не только охладел к жене, но и достаточно отдалился от нее.

Как старшая по возрасту, пережившая смерть своих дочерей во младенчестве, довольно продолжительное время жившая в разлуке с мужем, бывшим месяцами в военных походах и поездках за границу, Марфа Андреевна могла утешить Шарлотту и действительно заменить ей мать.

Судьба Шарлотты, как и ее мужа, трагична. После рождения сына она сильно болела. В эти дни Алексей сблизился с Шарлоттой, однако она прожила после рождения сына 10 дней и умерла 22 октября.

Именно в эти дни у Екатерины родился сын Петр, и вопрос о деятельности Алексея царь поставил ребром.

11 октября Петр I пишет роковое письмо, в котором уже в который раз увещевает сына, рассказывая, к чему стремился он, как государь российский, чего добился за годы войн и преобразований. Письмо завершается следующими словами: «…с горестью размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало пождать, аще не лицемерно обратиться. Ежели же нет, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, и не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу изволыпу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребнаго, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».

В ответ на это Алексей не только согласился с отречением, но и даже просил об этом отца, добавив: «Детей моих вручаю в волю вашу; себе же прошу до смерти пропитания».

Петр не ожидал такого ответа. Своим письмом он думал вызвать раскаяние в сыне. Однако этого не произошло, и Петр поставил условие: «…или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах…» На что сын согласился: «…желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».

Через 9 месяцев после последнего послания, находясь в Копенгагене, Петр советует сыну приехать за границу, чтобы включиться в дела. Однако Алексей использовал этот совет по-своему. По рекомендации Кикина он выехал в Вену и укрылся в тирольском замке в Эренберге, где был обнаружен гвардии капитаном А. И. Румянцевым. Именно Румянцев, выполняя приказ Петра, проследил путь Алексея из Тироля в Неаполь, а затем вместе с тайным советником П. А. Толстым добился встречи с ним, и после долгих уговоров они привезли царевича к Петру. В

начавшемся следствии, длившемся полгода, Петр хотел выведать у Алексея все, что касалось его отъезда за границу, все нюансы его планов против «государя и отца». В результате 24 июня 1718 года был объявлен приговор суда, а 26 июня царевич скончался. 30 июня он был похоронен в Петропавловском соборе рядом с женой.

В этот период Я. В. Брюс находился за границей на Аландском конгрессе, и ни он, ни его супруга Марфа Андреевна, несмотря на близость к семье Алексея Петровича и к самому царевичу, не были даже заподозрены в каких-либо связях или отношении к этому делу.

В самом начале 1716 года, перед отъездом Петра за границу, артиллерийское начальство хлопотало о перевозке 15 000 пудов пороха из Москвы в Петербург и Ревель, «а сколько какого пороху надобно отправить, — заключал Петр в предписании своем от 12 января, — писал генерал-фельдцейхмейстер Брюс».

В том же 1716 году, весною, был прислан в Петербург подписанный Петром 30 марта в Данциге «Уставъ Воинский», в котором «глава вторыянадесять (XII)» называлась «О генерале-фельдцейхмейстере».

Вместе с тем Брюс продолжал ученые занятия и время от времени сообщал о них Петру. По этому поводу царь писал Ф. М. Апраксину в январе 1717 года: «Писал к нам господин Генерал-Фельдцейхмейстер Брюс, что надобен ему для исправления некоторой книги в переводе адмиралтейской переводчик Гамильтон, которого Генерал-Майор Чернышев ему не отдает и для того велите ему отдать».

Самому Брюсу 3 марта Петр писал из Амстердама: «По получении сего сыщи таково человека, которой учился инженерству и фортификации из Русских, а буде из Русских нет, то хотя из иностранцев, и определи его жалованьем, отправь немедленно в Перейду к Артемью Волынскому, и вместе с тем курьером, которой послан туда будет с нашими письмами из Сената, и прикажи тому Инженеру, чтоб он о себе никому не объявлял, что он инженерную науку знает, для того чтоб об нем в Персиде не проведали; но только бы, приехав туда, объявил о себе Волынскому, понеже такой человек был у него, да умер». Письмом от 29 июня из Санкт-Петербурга Петр поручал Брюсу «в генеральных терминах положить» с советником Фиком (только что нанятым на русскую службу самим царем), каким делам в какой коллегии быть, сколько чинов в какую коллегию потребно, по скольку которому чину производить жалованья и прочее. В конце же этого письма царь прибавлял: «Сего моменту получил я ваше письмо и две книжки, имена на русском и голландском

языках на два оборота. Тут же пишете и о скорой стрельбе, что надеетесь, по бывшей пробе, дойти. И ежели сие сыщете, то великое дело будет, за которую вашу прилежность зело благодарствую, также и за присылку книг, а о Истории лучше отложить до меня». До каких результатов дошел Брюс своими «пробами» скорой стрельбы, пока неизвестно. Все сведения об этом, имеющиеся в архивах, ограничиваются следующими донесениями Брюса Петру: в письме от 6 мая 1717 года: «Изволили Ваше Величество приказывать мне, дабы сыскать способ, как бы возможно скорее стрелять из больших пушек. И я наперед сего доносил Вашему Величеству, что присовокуплением губки грецкой для обтирания клина оное чинить хотел. Но тот способ не гораздо полезен явился. Того ради паки домогался о том, и изобрел ныне иной способ, им же в семь минут выстрелено пятнатцать раз ис полкартауна, топко патронами без ядер. И тем способом возможно и более двадцати раз выстрелить, не переставая. А людей к тому делу употреблено было только 4 человека. И понеже та скорострельная пушка ненарошно к тому делу вылита, чего для ко оной сделаны были многие приделки, которых довольно укрепить было не возможно, и в тое стрелбу оные попортились, и я приказал ее починить, а как починится, буду ядрами стрелять, и аще такожде будет действовать, то такую пушку велю вылить вновь и о том Вашему Величеству донесу»; и в письме от 7 июля 1717 года: «Наперед сего доносил Вашему Величеству, что ис полкартаунной скорострельной пушки, сделав к ней многия приделки, вседмь минут выстрелено пятнатцать раз патронами без ядер, и в тое стрелбу те приделки попортились. И починя оные, стрелял ядрами, и более трех раз не могли выстрелить: те приделки паки попортились. И я приказал такую пушку вновь лить, чтоб те приделки купно с нею вылиты были, отчего мню, что оная в действие своем надежнее будет».

Заботясь об укреплении штатов, Брюс обращается с предложением приглашать в коллежскую службу «удобных асессоров из шведских полоняников Лифляндцов, Эстляндцов и Ингерманландцов» и из шведов, живущих в России. Эта мысль была одобрена Петром, который осуществил ее следующим указом Сенату, данным 9 августа 1717 года в Амстердаме: «Господа Сенат! Писали мы к Генералу Брюсу, дабы он заранее приискивал в Коллегии Асессоров, о чем он объявит вам сам: и для того чините ему в том вспоможение».

Когда же по возвращении Петра из-за границы было получено в Петербурге 29 ноября предложение шведского министра Герца, именем королевским писавшего к вицеканцлеру Шафирову о желании его шведского величества прислать полномочных для

мирного конгресса на Аланде, Петр «тот же час, — пишет Голиков, — назначил на сей конгресс искуснейших и верных своих министров: генерал-фельдцейхмейстера и кавалера Брюса и канцелярии советника Остермана», а 30 ноября, в день кавалерского праздника ордена Святого Андрея Первозванного, Петр с Екатериной, посетив Меншикова и графа Головкина, с ними вместе приехали к Брюсу, от которого всей компанией отправились во дворец, смотрели фейерверк и потом всей компанией явились в дом генерал-адмирала Апраксина, где до двух часов ночи забавлялись пусканием ракет, после чего «разъехались довольно веселы». 15 декабря, в день отъезда царя из Петербурга в Москву, Брюсу и Остерману были даны инструкции, а народу объявлен манифест, в котором сообщалось о согласии монархов созвать съезд своих полномочных представителей. В манифесте говорилось: «Того ради мы для сего полезного и всему Христианству потребного дела назначили и учредили наших Генерал-фельдцейхмейстера и кавалера Якова Брюса, Канцелярии Советника Андрея Остермана, и даем им полную мочь с теми, кто от Его Королевского Величества Шведского к тому полезному делу назначены и равенственно уполномочены будут, на определенном месте съехався, в конференции о том вступать, трактовать и становить, которым в том, что они именем нашим, по данной им нашей инструкции, предлагать и трактовать и становить будут, подана б была полная и совершенная вера». В тот же день, 15 декабря, генерал-фельдцейхмейстер Брюс назначен президентом Берг- и Мануфактур-коллегии, заседавшей в одной из мазанок на Петербургской стороне.

Девиз «Fuimus» — по-латински «Мыбыли» — шотландских Брюсов стал девизом, помещенным на ленте герба графа Брюса.

На гербе было изображение английской короны на одном из рыцарских шлемов, с правой стороны,[3] с тремя нитками жемчуга, что соответствует титулу европейского барона или английского лэрда (в отличие от лорда, лэрд — менее значимый титул).

Затем на гербе отмечены виды деятельности Я. В. Брюса. Щит герба разделен на четыре поля, имеющие диагональную симметрию. По диагонали щит пересекает изображение крепостной стены с летящими через нее зажженными ядрами на голубом фоне. Здесь отражены и руководство артиллерией и всеми крепостями Российского государства в должности генерал-директора всех фортификаций России. На эту должность Брюс был назначен в 1720 году.

Кроме того, на щите, на серебряном фоне, представлены две

головы орла с коронами, показывающие принадлежность Якова Вилимовича к королевской фамилии Брюсов. Третья голова орла вынесена за пределы щита и возвышается на еще одном рыцарском шлеме, с левой стороны, имеющем корону с девятью жемчужинами — соответствие графскому титулу. На щите сделаны также дуги зеленого цвета. Предполагается, что это отражение дипломатической деятельности Брюса, т. е. непосредственное участие в переговорах со шведами, хотя об этом не говорится в описании герба, представленного в Жалованной грамоте Брюса на графское достоинство. Может, именно по этой причине в зеленых дугах исследователи пытаются найти некие мистические изображения, как, например, Т. Буслова предположила, что это нечто иное, как изображение знака Близнецы, введя, таким образом, в герб астрологическую окраску.

Вообще же, по мнению председателя Всероссийского геральдического общества И. С. Сметанникова, изображения на гербах не имели словесных обоснований и предполагать они могли все, что угодно. Попытка представить, что же изображает тот или иной символ в гербе, — это уже печать современности.

Щит поддерживают символ силы — Лев и символ чистоты и непобедимости — Белый Единорог. Вокруг щита также цепь кавалера ордена Святого Андрея Первозванного со словами «За веру и верность». Над щитом — три рыцарских шлема, центральный украшен растительным венчиком. Сверху герба, по центру, рука с маршальским жезлом, изображение, отражающее военную деятельность Якова Вилимовича.

Такой оригинальный герб был разработан Брюсом. Этот герб — прекрасный образец искусства геральдики.

Жалованная грамота на графское достоинство подписана царем «в год от Рождества Христова 1721 февраля 18 дня, а царствования Нашего в 39 год».

Получив титул, Брюс в апреле выезжает в Финляндию, в Ништадт, для возобновления переговоров.

Вот как описывает эти переговоры А.С. Чистяков:

«Русские уполномоченные приехали в Ништадт 28 апреля 1721 года и нашли там уже шведских. Первый вопрос шведов был: на каких условиях царь намерен мириться? Им отвечали:

— На Аландских.

— Об аландских теперь не может быть и речи, — отвечали шведы, — тогда у Швеции было четыре врага, а теперь остался один.

Русские уполномоченные отвечали, что во все время войны России союзники мало помогали; да и Швеции на них нечего рассчитывать; явный пример — англичане, они в прошлом году

не могли защитить Швецию от набега русских.

— Царское величество думает удержать за собою Лифляндию и Выборг; если их оставить за Россией, то нам придется погибнуть от голода; мы скорее обрубим себе руки по локоть, чем подпишем такой мирный договор! — воскликнули шведы.

— Напрасно вы так думаете, — без Лифляндии и Выборга царь мира не заключит, с Швеции и того довольно, что ей возвращается Финляндия.

Новое появление английского флота, ушедшего было из Швеции, было сигналом, и генерал Ласси со своим гребным, галерным флотом опять напал на беззащитные берега Швеции и опять опустошал их.

Такой новый урок сделал ништадтских уполномоченных сговорчивее. Они уступали один пункт за другим, но, согласившись на уступку Лифляндии, шведы долго отстаивали Выборг, называя его ключом Финляндии. Наконец уступили и Выборг.

Русским уполномоченным пришлось со своей стороны сделать тоже некоторые уступки. Несмотря на то что царь сблизился с молодым герцогом Голштинским, согласился ему отдать руку своей старшей дочери Анны Петровны и обещался позаботиться об утверждении его прав на наследство шведского престола, шведы по этому поводу показали невероятное упрямство; несмотря на все убеждения и дипломатические тонкости русских представителей, шведы не поддавались; чтобы не упустить времени и заключить мир во всех отношениях выгодный, надобно было пожертвовать интересами принца и отказаться от этого требования.

Война уже надоела Петру; он столько же желал и даже нуждался в мире, сколько и Швеция; хотя материальные средства России еще далеко не были истощены, но у великого преобразователя в уме родились уже другие планы, и взор его уже обращен был в другую сторону. Чтобы поскорее покончить переговоры, он решился даже не стоять за Выборг, или за округ его, и отправил в Ништадт третьего уполномоченного — Ягужинского, с новыми инструкциями, по которым должен был уступить Выборг.

Но выборгский комендант Шувалов проведал об этом намерении и известил о нем Остермана. Чтобы удержать за Россией округ, такой важный для безопасности Петербурга, и чтобы окончить самому мирные переговоры со шведами без вмешательства третьего лица, Остерман решился употребить отчаянную хитрость. Ему известно было, что шведы не будут стоять за Выборг, если их хорошенько притеснить; он объявил им,

что получил от царя указ или окончить мирные переговоры в 24 часа, или окончательно прервать их, и тогда военные действия начнутся вновь. Хитрость вполне удалась: шведские представители, испугавшись того, что все труды для достижения мира пропадут даром, отступились от выборгского округа и от многих других требований, на которые русские уже готовы были согласиться, подписали прелиминарный мирный договор 30 августа 1721 года и разменялись грамотами с русскими.

Отправив Ягужинского, Петр уже освоился с мыслью об уступке Выборга и 3 сентября отправился в Выборг, чтобы лично осмотреть новые границы, которые намеревался назначить. Он находился на Лисьем Носу в своем загородном доме в Дубках, так прозванному по дубовой рощице, посаженной самим Петром. Здесь он встретил капрала гвардии Обрезкова, скакавшего к нему из Ништадта с радостной вестью о заключении мира. Царь, не подозревая содержание пакета, распечатывает и читает письмо Остермана, который извещает о заключении мира и извиняется, что посылает подлинный трактат, только что подписанный, перевесть который не успел и спешит уведомить царя, чтобы кто-нибудь другой не проведал о мире раньше. Так как мир состоялся не на тех условиях, на каких царь намеревался заключить его, то для яснейшего уразумения дела прилагалось краткое извлечение из статей мирного договора. В конце письма Брюс и Остерман поздравляли царя со счастливым окончанием долгой и изнурительной войны, в которой он выказал столько твердости, храбрости и понес столько трудов. Подписались «Вашего царского величества всенижайшие рабы — Яков Брюс, Андрей Остерман. Августа 30 дня в четвертом часу пополудни»».

Завершая рассказ о подписании Ништадтского договора, хочется привести описание торжеств по случаю завершения переговоров, устроенных Петром I, который веселился со своей всегдашней изобретательностью; пиры следовали за пирами. 5 сентября праздновали именины царевны Елизаветы Петровны большим катанием по Неве, роскошным обедом и балом, данным в Почтовом доме.

10 сентября начался большой уличный маскарад на тысячу человек, продолжавшийся целую неделю. Самый замечательный по своему богатству костюм был во время этого карнавала на князе-кесаре Ромодановском. Он ехал на древней колеснице, в одежде древних царей. Длинная и широкая мантия его была подбита горностаем, на голове богатая корона, усыпанная драгоценными камнями, в руках он держал скипетр, тоже украшенный бриллиантами. Князь Меншиков был в простом и скромном костюме гамбургского бургомистра. На герцоге

Голштинском был розовый атласный кафтан, обложенный золотыми галунами, за ним была свита, щегольски и роскошно одетая.

Первое же место в этом маскараде занимала фигура бога Вакха. У него на плечи была наброшена тигровая шкура, а в руках он держал виноградную лозу со зрелыми кистями. Многие очень хорошо одеты были страусами, петухами и журавлями. Два крошечных карлика с подвязанными по колена бородами, одетые стариками, на веревке вели двух великанов, одетых, как одевают маленьких детей, когда они начинают ходить. Несколько человек с длинными пушистыми бородами в парчовых костюмах древних русских бояр, в высоких собольих шапках, ехали верхом на живых медведях. Царский шут был зашит в медвежью шкуру; и он подражал движениям настоящего медведя. Его везли в большой клетке. Он был так естествен, что все думали, будто это настоящий медведь, но он неожиданно выскочил из клетки, подбежал к настоящему медведю, вскочил к нему на спину и поехал дальше очень торжественно; только после этого все убедились, что один из медведей поддельный, а другой — настоящий.

За маскарадом шли другие увеселения: звериная травля, прогулка маскированных по городу, балы и вечеринки у знатнейших лиц Петербурга. Петр веселился, как юноша, он пел и плясал не только на полу, но на столах и скамьях.

21 октября, перед днем вторичного церковного торжества, Петр приехал в Сенат и объявил, что в знак благодарности за милосердие Божие, выразившееся счастливым миром, он прощает всех преступников, осужденных на смертную казнь или к ссылке, кроме отъявленных разбойников, уже попадавшихся в нескольких убийствах. Царь простил всех государственных должников, освободив их от долга и из-под стражи, сложил все недоимки, накопившиеся с начала войны до 1718 года.

В этот день Сенат принял решение объявить Петра I императором, отцом Отечества и Великим. Россия с этого дня провозглашалась империей.

На следующий день во время торжественной благодарственной церковной службы Феофан Прокопович читал большую проповедь, в которой называл Петра отцом Отечества, Великим и императором. Затем канцлер граф Г. И. Головкин произнес речь, в которой показал заслуги Петра, от имени всего русского народа, Синода и Сената просил его принять титул отца Отечества, Петра Великого и императора Всероссийского. Сначала Петр не соглашался принять этот титул, но сенаторы и все присутствующие громко три раза прокричали: «Виват!» В

церкви и вне ее народ повторил троекратно: «Виват!»

Трубы, литавры и барабаны загремели, и беглый огонь стоявших на площади войск поддержал общее восторженное настроение; с крепости, кораблей и галер, пришедших из Финляндии, раздавался гром пушечных выстрелов.

После молебна Петр отправился в Сенат. Здесь герцог Голштинский и все иностранные министры поздравили его; император объявил щедрые награды всем отличившимся в войне. После этого сели за стол, накрытый на тысячу человек. Для народа был приготовлен жареный бык целиком, начиненный дичью и домашней птицей, и были поставлены чаны с белым и красным вином. Вечером был бал и фейерверк. Балы и фейерверки продолжались и в следующие дни, маскарад продолжался.

Подобные же мероприятия проводились и в Москве. Из Петербурга туда была отправлена гвардия для проведения торжеств. 10 декабря и Петр отправился туда со своим двором и приближенными. Московские торжества нисколько не уступали петербургским ни своим разнообразием, ни пышностью, ни изобретательной игривостью.

Через 10 дней после праздника в честь Ништадтского мира внимание царя к Брюсу выразилось особенно ярко на свадьбе князя Репнина, в описание которой от 1 ноября очевидец, голштинский камер-юнкер Берхгольц, сообщал:

«Император сидел недалеко от входных дверей, но так, что мог видеть танцевавших; около него сидели все вельможи, но его величество большею частию разговаривал с генерал-фельдцейхмейстером Брюсом, сидевшим подле него с левой стороны». Это показатель возросшего авторитета и влияния Брюса, которые особенно ярко проявились, по мнению М. Д. Хмырова, на процессе вицеканцлера Шафирова с обер-прокурором Скорняковым-Писаревым, дело которых рассматривалось на заседании Сената 31 октября 1722 года. Брюс вместе с Меншиковым и Головкиным ушел из зала заседания, сказав, что «когда в сенате обер-прокурор вор (так обозвал Скорнякова Шафиров), то как нам дела при том отправлять?», а 8 января 1723 года он же граф Брюс, как сенатор, «обеим сторонам не подозрительный», был назначен первым членом комиссии Верховного Генерального суда и в этом качестве вместе с Матвеевым и Мусиным-Пушкиным задавал вопросы Меншикову, явившемуся ответчиком по делу Шафирова.

В результате следствия Шафиров был осужден на смертную казнь.

Во время исполнения приговора ему было объявлено о замене

смертной казни вечной ссылкой с лишением чинов и имущества.

Брюс — президент Берг- и Мануфактур-Коллегии

Среди всех поручений, исполняемых Брюсом, особое место занимает его деятельность на посту президента учрежденной 15 декабря 1717 года Берг- и Мануфактур-коллегии. Выбор, сделанный Петром при назначении Брюса на эту должность, был неслучайным. Будучи губернатором Новгорода в 1701–1704 годы, Яков Брюс активно занимался развитием мануфактур, делал перепись всех находившихся в городе и его окрестностях мельниц, работавших в качестве источника двигательной силы на предприятиях. Интересы промышленности, особенно металлоплавильной, кожевенной, пороховой, текстильной, были близки генерал-фельдцейхмейстеру Брюсу, заботившемуся не только об артиллерийских и пушкарских школах, но и об организации мощной артиллерии как самостоятельного рода войск, хорошо одетого, обутого, накормленного и достойно вооруженного.

Кроме того, Я. В. Брюс живо интересовался разработками полезных ископаемых, в частности серы и селитры для составления рецепта пороха. Интересовался он и состоянием мануфактур в России.

Замкнутость, натуральный характер самого хозяйства России не способствовали частному предпринимательству и формированию промышленности. Поэтому только государство могло выступать инициатором создания промышленности. Катализатором этого процесса стала Северная война, стремление Петра добиться выхода в Балтийское море, «прорубив окно в Европу».

Первые мануфактуры в России появились еще в XVII веке. Одним из известнейших создателей первых металлоплавильных заводов был А. Виниус — голландец, построивший железоделательный завод близ Тулы в 1632 году. Виниус поставлял оружие и пушки в действующую армию. Тогда же стали возникать заводы на Волге, в Костроме, Смоленске, Владимире. Правительства Михаила Федоровича, а затем Алексея Михайловича старались поощрять отечественную промышленность государственными заказами, создавать льготные условия для предпринимателей России в торговле. Скажем, Новоторговый устав 1667 года, появившийся после неоднократных жалоб в русское правительство купцов, запрещал иностранным купцам на территории страны торговлю в розницу.

Так, постепенно складывалась политика «меркантелизма» — поддержки отечественного производителя, которая фактически была приведена в систему, упорядочилась и наиболее ярко себя проявила в период деятельности петровских коллегий.

Сама идея формирования коллегиальной системы управления государством была подсказана Петру в период его пребывания за границей, и он, где только возможно, искал подтверждения и обоснования своим мыслям о перестройке работы приказов, а возможно, и их ликвидации. Я. В. Брюс в этом вопросе становится для Петра первым помощником. Как отмечает С. Князьков, предварительно по указанию Петра были собраны максимально полные сведения о работе органов управления в европейских странах и «весь этот материал поступил сначала к Брюсу». Прекрасно зная интересы России, Брюс переводит на русский язык регламенты центральных учреждений Дании, Швеции и других государств, знакомит Петра с учеными, занимавшимися теоретической основой системы государственного управления. Одним из таких ученых был Готвальд Лейбниц, который состоял в переписке со многими монархами Европы. Брюс, познакомившийся с Лейбницем в 1711 году, становится посредником между русским царем и великим ученым. Так возникает переписка не только Лейбница с Брюсом, но и Лейбница с Петром.

В одном из своих писем Петру Алексеевичу Лейбниц писал:

«Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы».

Петр знал, что ради «счастливых часов» стоило потрудиться, не жалея сил, и, уверовав в эту идею, убеждал всех, что коллегии вводятся «ради порядочного управления» государственными делами, «поправления полезной юстиции и полиции», содержания «в добром состоянии» сухопутных и военно-морских сил, умножения и приращения коммерции, рудокопных заводов и мануфактур. Царские указы разъясняли преимущества, которыми обладали коллегии по сравнению с приказами. Во-первых, у президента коллегии было меньше условий и возможностей для произвола, чем у руководителя приказа. В коллегиях «президент не может без соизволения товарищев своих ничего учинить», в то время «как старые судьи делали, что хотели».

Во-вторых, «истину легче установить при обсуждении какого-

либо вопроса многими лицами». В этом случае «что один не постигнет, то постигнет другой». Коллегиально принятые решения, кроме того, будут иметь больший авторитет, чем решения единоличные.

В-третьих, преимущество коллегиальной системы управления состояло в том, что «единоличный правитель гнева сильных боится», в то время как при коллегиальном решении подобные опасения исчезают.

Надо признать, что в эти идиллические представления Петра о коллегиях жизнь внесла свои коррективы. Какой бы совершенной ни была коллегиальная система управления, она не могла устранить ни произвола, ни волокиты, ни страха президента перед вышестоящими чиновниками. Однако два, по утверждению Н. И. Павленко, важных преимущества эта система над приказами все же имела. Первое: в основе коллегиальной системы лежало четкое разграничение сфер управления, что практически отсутствовало в приказном строе. Второе: власть коллегий в той области управления, которой каждая из них руководила, распространялась на всю территорию страны; коллегии положили конец такому порядку, когда одним и тем же делом занималось несколько учреждений; исчезли также учреждения, чьи права ограничивались определенной территорией. В итоге достигалась высокая степень централизации государственного аппарата.

Яков Вилимович Брюс в процессе формирования коллегий играл ведущую роль. С. Князьков отмечает, что в начале 1718 года, «учинив начало коллегиям, Петр уехал в Москву, оставив новым президентам распоряжение, чтобы они «сочиняли» свои коллегии и все сведения для этого брали у Брюса».

Из учрежденных в 1717 году коллегий, Берг- и Мануфактур-коллегия была особенной. И не только потому, что ее президентом стал русский с иностранной фамилией (Петр установил правило при учреждении коллегий: президент — русский, вице-президент — иностранец). Особенной эта коллегия была уже потому, что среди многочисленных приказов уже Петровского времени не было ни одного, который бы ведал кругом вопросов и выполнял бы те задачи, которые были возложены на Берг- и Мануфактур-коллегию. Поэтому опыт работы старых приказных учреждений заимствовать было невозможно.

Возможно, именно по этой причине на Брюса и возлагается столь ответственная и сложная задача по руководству вновь формирующегося ведомства. Осложнялась эта задача еще и тем, что фактически Брюс возглавил две коллегии, каждая из которых

имела свой круг полномочий. Берг-коллегия ведала развитием металлургии, ей предоставлялось право «единым судией быти над всеми к тому принадлежащими делами и особами, чтоб никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешалися». Мануфактур-коллегия отвечала за предприятия легкой промышленности: полотняные, суконные и шелковые мануфактуры, а также заведения, изготовлявшие краски, курительные трубки, шпалеры и т. д. «Коллегиум-мануфактур имеет верхнюю дирекцию над всеми мануфактурами и фабриками и прочими делами, которые касаются к оному правлению, какого б звания ни были, во всей Российской империи».

Следует отметить, что ведущая роль при организации работы промышленности как тяжелой, так и легкой принадлежала, конечно, Петру. Ограничимся только несколькими примерами, показывающими его личное участие в этой сфере как до, так и после создания коллегии.

В 1692 году Петр в целях стимулирования производства железа в России издает указ, по которому покупка железа для казенных надобностей разрешалась только с железоделательных заводов боярина Нарышкина «по торговой цене». В 1697 году было предписано окольничему князю Львову, определенному воеводой в Казань, заводить селитренные заводы на счет казенных ассигнований. В 1714 году сенатским указом приказывалось размножать селитренные заводы в Киевской губернии, в великорусских и украинских городах.

Во время пребывания в Англии в 1698 году Петр заключает договор с 60 мастерами золотого дела и 100 мастерами — металлургами из Голландии. С 1699 года многие из них прибывают в Россию и занимаются изучением состояния руд на Урале. В 1700 году Виниус сообщил Петру, что «мастера считают (это сибирское железо) лучше шведского», славившегося тогда во всей Европе. В 1699 году началось строительство самого старого из уральских заводов — Невьянского, переданного в 1702 году Демидову. В 1701 году был построен Каменский завод, в 1702-м — Уктусский.

В 1709 году англичанину Лейде было дано поручение расширить существовавшие в Москве стекольные заводы.

В 1712 году Вильгельм де Геннин построил в Петербурге Литейный двор. В 1710 и 1712 годах создается ряд бумажных фабрик, а в 1714 и 1718-м — ряд шелковых.

28 февраля 1711 года был издан именной указ Петра, по которому полотняные заводы, которыми ведал Посольский

приказ, следовало передавать купеческим людям, торгующим в Москве, а именно: Андрею Турке, Степану Цимбалыцикову и другим.

Указы Петра регламентировали даже труд людей. Здесь сказалась безграничная вера Петра в силу указов. Он считал, что если государство имеет разумные законы и подданные их будут беспрекословно выполнять, то такому государству предначертано процветание. Во многом здесь сказывается влияние Лейбница и других западноевропейских ученых.

Петр рассуждал следующим образом: «Наш народ, яко дети, неучения ради которые за азбуку не примутся, когда от мастера не приволены бывают».

Подданных «яко детей» надлежало наставлять во всем от рождения до смерти. Поэтому указы регламентировали жизнь людей от их упражнений в хозяйстве до удовлетворения духовных запросов, от наблюдения за их внешним видом до семейной жизни.

Отсюда — непрерывный поток указов, среди которых и указы, связанные с кустарным и мануфактурным производством. Многие из этих указов стремятся внушить, разъяснить, убедить подданных в целесообразности и даже крайней необходимости выполнения норм и порядков, предусмотренных указом.

Население страны жало хлеб серпами. Указ царя потребовал, чтобы серпы были заменены косами. Это сулило большие выгоды: при работе косой, читаем в указе, «средний работник за десять человек сработает». Указ по кожевенному производству запрещал обработку юфти дегтем на том основании, что обувь, изготовленная из такой юфти, пропускала воду и располэалась в дождливую погоду. Юфть надлежало обрабатывать ворваным салом. Указ для предпринимателей устанавливал двухгодичный срок для овладения новой технологией.

После создания коллегий Петр заботится об устройстве компаний и всяческом содействии их деятельности. В указе 1724 года Петр прямо указывает и образец, которому должны следовать в своем устройстве компании, предписывая «учинить определенные доли пайщиков с примеру Ост-индской компании».

И все же создание Берг- и Мануфактур-коллегии упорядочивает руководство промышленностью именно усилиями людей, подчиненных Брюсу.

Так, по предложению Петра, коллегия разрабатывает каноны при формировании компаний, ссужая компанейцев деньгами, часто передавая в их пользование готовое фабричное обзаведение. Казна, таким образом, становилась в положение банкира крупной промышленности и тем приобретала право

строго следить за деятельностью компаний. Это вмешательство в частное предпринимательство коллегия считала не только своим правом, но и обязанностью и не только «принуждала» подданных строить компании, но и строго наблюдала за «порядочным содержанием» их. Ни одно переустройство, даже самое мелочное, в хозяйстве компании не могло быть сделано «без доношения в коллегию». От фабрикантов требовалось ежегодно доставлять в коллегию образцы своих изделий; коллегия устанавливала вид, форму, цены на те товары, которые поставлялись в казну, и запрещала продавать их в розницу. Коллегия удостаивала наградами исправных фабрикантов и подвергала строгим наказаниям нерадивых.

В указах так и писалось при передаче какого-либо завода в частные руки: «Буде они (компанейщики) оный завод радением своим умножат и учинят в нем прибыль, и за то они от него, великого государя, получат милость, а буде не умножат и нерадением умалят, и за то на них взято будет штрафу по 1000 рублей на человека». Неудачливых фабрикантов просто «отрешали» от фабрик.

Сам президент Берг- и Мануфактур-коллегии в 1719 году, вернувшись в Петербург после Аландского конгресса, апробировал изделия кожевенных мастеров и 10 октября выдал им свидетельства на звание мастера. А за год до этого, во время работы конгресса, Герц вручил Брюсу отпечатанную на шведском языке «Инструкцию Ланде Гевдингом», «… которая, — доносил Брюс Петру 15 ноября 1718 года, — не токмо им (Ланде Гевдингом), но и губернатором служит; и понеже оная до всех коллегиев касается, и того для зело к оным надобна. Чего ради я всякими мерами уже давно домогался оную здесь промыслить, и ныне от друга своего… получил, токмо за таким каролом (словом), чтоб никто, как из их, так из нашей свиты о том не ведал… Я надеюсь, что сие известие зело х коллегиям надобно… Я бы надеялся по времени, токмо ж невдруг многие известия, х коллегиям принадлежащие, чрез оного человека получить, ежели бы Ваше Величество соизволили милостиво приказать прислать не дорогой мех соболей или хорошей лисей, чем бы его мог почтити. А я, колико мог, ево ради поманки своим дарил и обнадеживал, что впредь лучшим чем служить буду». Так, работая на дипломатическом конгрессе, Брюс заботился о деятельности коллегий.

Естественно, в ведении брюсовской коллегии были металлоплавильные заводы, особенно на Урале. Этот ответственный участок работы коллегии поручается В. Н. Татищеву, бывшему на Аландском конгрессе при Брюсе офицером

связи. Затем ввиду острого конфликта Татищева с Демидовым на Урал был отправлен Вильгельм де Геннин, которому поручается не только руководить устройством уральских заводов и надзирать за ними, но и также сделать описание всех уральских и сибирских заводов. Это описание было составлено за период управлением заводами с 1722 по 1734 год. Оно очень полно отражает масштаб развития промышленности на Урале и в Сибири в Петровскую эпоху, а главное — разнообразие этой промышленности. В «Описании» присутствуют предприятия от крупных железоделательных, медных, серебряных до мелких по производству кирпича, хлеба, мехов и т. п. Составление такого описания, безусловно, крупное достижение деятельности сотрудников Берг-коллегии.

В феврале 1724 года Геннин пишет: «Екатеринбургские заводы и все фабрики в действии… выплавлено уже 1500 пудов чистой меди и отправлено к пристани для отсылки к Москве; и медной руды уже на целый год добыто в короткое время и с малым убытком; и должен я Бога благодарить о моем счастии, что я такое богатое рудное место обложил… и надеюсь, что в малых летах тот убыток, во что заводы Екатеринбургские стали, все заплатится, и потом великая прибыль пойдет… всюду на заводах руды и угля на год вперед заготовлено. И где такая богатая железная руда есть, что на Алапаевских заводах! Половина железа из нее выходит, а на Олонче пятая доля выходит: то великая разность. Ныне на Каменских заводах льют пушки на артиллерию… Строгановы видят ныне, что Бог открыл много руды, а прежде сего жили они как Танталу, весь в золоте и огороженный золотом, а не могли достать: жили они в меди, а голодны. И ныне просили меня, чтобы я с ними товарищ был и указал им, как плавить и строить, так же на их камне завод отмежевать и при Яйве три места рудных, то я с радостью рад и сделаю, а ваши места не отдам, понеже надобно пренце свой убыток, во что заводы стали, возвратить… И они могут, ежели охотники, так же довольно руды добывать: кроме твоего богатого места, других там мест довольно. И покамест не приведу в действо нынешний завод при Пыскаре, не пойду без твоего указа; покамест сила моя есть, я рад трудиться… Пожалуй, послушай меня и не реши горных здешних дел и положи на меня, как я прикажу. Я желаю тебе добра, а не себе, и хочу прежде все убытки тебе возвратить, что в 25 лет издержано на горное дело. И то ныне не отдавай тех шахт, где я на тебя добываю руду, для того, что очень богато и без труда добываем, а возле тех мест есть довольно и других таких рудных мест… я бы сам себе худа не желал и те места на себя бы взял, только не хочу, а тебе желаю

добра».

Это письмо было адресовано Петру I, с которым Вильгельм де Геннин состоял в личной переписке. Надо признать, что не всегда эта переписка была «в пользу» Брюсу, хотя право непосредственной переписки с царем Геннин приобрел благодаря личным поручениям Брюса. Преданность нашего героя делу и пользе России была такова, что нередко вызывала неприятие не только у посторонних, но и среди подчиненных самого Брюса. Впрочем, и друзья, и недруги отдавали должное его энергии, уму и таланту, независимо от личных отношений, понимали, что участие Брюса обеспечивает успех дела. Известный нам В. де Геннин, руководивший до этого Олонецким заводом, а в 1720 году командированный за границу для найма мастеровых, писал Петру 13 февраля 1720 года из Берлина: «Пожалуйста, Государь, не отдавайте ружейного мастера и штального мастера в артиллерию; пожалуй пошли их на Олонец; а с другим как ваше величество изволите». И еще жалуясь царю: «Не вели меня Берг-Коллегии трогать; а как все сделаю, в ту пору — как они хотят. А коли им рапорты о приходе и расходе надобны, то пускай пришлют из Коллегии кого из приказной ябеды; а мне и подчиненным моим рапортовать за многим строением недосуг. Ежели б Якову Вилимовичу досуг было, то любо бы переписываться с ним, который, зная горные дела, принял бы мои письма за благо. А я из Берг-Коллегии еще благодарного письма не видал, токмо грубые указы, без приписания руки Якова Вилимовича». В то же время де Геннин в одном из писем царю сообщает 4 апреля 1724 года, что «ныне на каменских заводах льют пушки на артиллерию по присланным чертежам от Якова Вилимовича, токмо они не корабельные».

Из писем того же де Геннина мы узнаем и о том, что зимой 1724 года Брюс, не то заболевший, не то чем-то расстроенный, заперся в четырех стенах и не занимался даже службой. В письме от 26 декабря 1724 года де Геннин, сообщая Брюсу о старых рудных копях и медной руде, найденных за Барабою, в Сибири, не преминул приписать: «О прочем, что я по моей должности партикулярно ваше сиятельство долгое время не рапортовал, то тот резон, понеже слышно мне и сожалительно, что вы не изволите никого к себе пускать и никакого дела не принимать, того ради я не хотел вас, моего государя утрудить; однако в чем изволите иметь о здешнихъ всех делах известие, то может донести вам член из Берг-Коллегии из моих рапортов, которые сколько я мог и как поспел за умалением приказных людей посылать».

Были трения у Брюса и с другими подчиненными по Берг-

коллегии. Так, 25 февраля 1720 года он сделался непосредственным начальником первого порохового мастера, суперинтенданта Шмидта, в именном указе которому говорилось: «Сим подтверждаем, чтобы ты все ко исполнению должности своей требовал письменно от генерал-фельдцейхмейстера, и стать бы под его ордерами, а в небытность его здесь (в Петербурге) кому правление артиллерийское вручено будет, и того по указам исполнять». Это непосредственное начальствование над Шмидтом, объявлявшим, что без соблюдения определенных условий он порох делать не хочет, вовлекало Брюса в разные затруднения, из которых об одном он 6 апреля писал царскому кабинет-секретарю Макарову следующее: «Государь мой Алексей Васильевич. Изволил его царское величество приказывать мне, чтоб вновь заведеный пороховой завод по манире сур-интенданта (Шмидта) конечно достраивать. И я доносил, что в артиллерии зело великое оскудение в деньгах и что на такие дела денег нам не определяется. И его величество изволил обещать на оное строение приказать из кабинета отпустить деньги. И колико на половину оного строения потребно было, о том посылал я к вашему благородию наперед сего доклад.

А именно требовано 8907 рубл. И понеже по се время еще никакой резолюции не имею, а то строение к остановке ближится, того ради вашего благородия услужно прошу, дабы пожаловали уведомили меня: нет ли какова его величества указа о том. Я зело опасен, чтоб гнева на себя ненавесть; а строить из артиллерии конечно нечим. И хотя б не вдруг вышеписанное число было выдано, токмо б до остановки не допустить, понеже сие дело зело надобно. Впрочем, пребываю навсегда вашего благородия (собственноручно должным слугою Яков Брюс».

А вот служивший на заводах подполковник артиллерии Матвей Виттвер 15 августа 1720 года доносил царю: «Пушку скорострельную 24-фунтовую, которая ныне делается, оную я пробовал и выстрелил восемь зарядов с ядрами безо всякой запности. И начаю, что Божиею помощию можно выстрелить вдвое больше оною безо всякого мешкания. И ежели бы в нашей воле было — и оная бы давно в готовности была, также и прочие дела». Тот же Виттвер 18 ноября 1720 года письменно объяснил кабинет-секретарю Макарову, что не может прислать ему трехфунтовые мортиры, потому что новоопределенный цейхвартер Кошелев без позволения господина генерал-фельдцейхмейстера этой мортиры из цейхгауза не выдает, а мортир в 1 фунт, в 1,1/2 фунта и в 2 фунта, просимых Макаровым «в дом его царского величества», в наличии нет.

Несмотря на все эти досадные помехи, деятельность Брюса по

руководству Берг- и Мануфактур-коллегией была довольно плодотворной.

Так, в 1719 году он разрабатывает Берг-привилегию, утвержденную Петром 10 декабря 1719 года. Этот документ имеет огромное значение для развития горного дела, металлоплавильного производства и разработки полезных ископаемых. Фактически принятие этого документа стало основой для деятельности Берг-коллегии. Кстати, благодаря ему датой образования Берг-коллегии принято считать 1719 год.

Берг-привилегия провозглашала, что «всем и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был: во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы; сиречь злато, серебро, медь, олово, свинец, железо; так же и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и каменья, к чему каждой толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому подобное иждивение востребует».

В следующих пунктах предлагалось с заявлениями о найденных металлах и минералах являться за помощью в Берг-коллегию, которая выдает жалованные грамоты для отвода участков, субсидирует деньги на стройку и производство работ по выработке металла и добыче полезных ископаемых.

Принятие Берг-привилегии дало невероятно мощный толчок в деле поиска и разработки новых рудников, новых регионов, в будущем известных не только по России. Так, в 1720–1722 годах были найдены полезные ископаемые на Урале, в Сибири, на севере Европейской части России, в Донбассе, были открыты залежи каменного угля на Северном Донце, в Подмосковье и близ Кузнецка в Сибири. Благодаря этим открытиям в России стала зарождаться тяжелая промышленность на собственной основе (напомним, что в конце XVII — начале XVIII века как руда, так и металл ввозились в страну из Англии и Швеции), в стране появляется своя топливно-энергетическая база, обеспечивавшая потребности страны до середины XX века. Даже в годы первых советских пятилеток мощная экономика огромной державы базировалась на месторождениях, открытых в те годы Берг-коллегией под руководством Брюса.

При этом президент Берг- и Мануфактур-коллегии не только ратовал за открытие новых месторождений и строительстве заводов, но и настаивает на закрытии разработок в бесперспективных районах.

Так, обнаруженные в начале XVIII века в Московском, Клинском, Боровском, Серпуховском и Каширском уездах железные руды были признаны после проведения опытных плавок

«негодными в дело», видимо, по их бедности: «железо из них становилось дорогою ценою», и потому решением Берг-коллегии, утвержденным Сенатом, разработка здесь налажена не была. Прекратил в начале XVIII века работу и подмосковный Павловский (Сорокинский) завод, по причине «оскудения дров» и, возможно, плохого качества руды, которое не позволяло еще в XVII веке конкурировать Подмосковью с Тулой. Замирает обработка железа в Серпухове, возможно, ввиду конкуренции соседних, расположенных за Окой Скнижского и Вепрейского вододействуемых заводов. Закрылась появившаяся в 1698 году ружейная фабрика Елизара Избранта на реке Воре в Глинках.

Зато в Москве сохраняется Пушечный двор, переименованный в Арсенал и снабжавший армию Петра оружием в годы Северной войны. Подобный же «пушечный двор» в Санкт-Петербурге, по указанию Петра, строит Брюс в 1714 году. Причем новый Арсенал, петербургский, был больше московского, поскольку, согласно сведениям Кириллова, изложенным в его докладе Сенату, в середине 1720-х годов на петербургском Арсенале работало 218 человек с мастеровыми, а на московском — 131 человек. Интересно отметить и то, что Кириллов в составе мастеровых указывает двух колокольных мастеров и пять человек паникадильных мастеров, подмастерьев и учеников — даже в разгар Северной войны московский Арсенал лил колокола на продажу и делал церковную утварь.

16 февраля 1720 года в ведение президента Берг- и Мануфактур-коллегии поручается Петербургский монетный двор. Этот шаг был вынужденным, и сам Брюс стал его инициатором, обратившись с докладом к Сенату. Дело в том, что в России в 1718 году была введена медная монета для размена денег. Планировалось вывести из обращения серебряные монеты. Однако это породило не только повышение цен, но и увеличение числа фальшивомонетчиков. Поэтому Яков Брюс и обращается с докладом о необходимости проведения денежной реформы, способной преодолеть проблему фальшивых денег. Как уже отмечалось выше, такую реформу в 1698 году проводил в Англии И. Ньютон в период пребывания там Якова Вилимовича Брюса, который сотрудничал несколько месяцев с великим английским ученым и не понаслышке знал механизм проведения подобной реформы.

С другой стороны, введение медных денег потребовало внести изменения в стратегию производства металлов. Если в начале XVIII века особенно остро стоял вопрос о чугуне, железе, стали для покрытия спроса войны, теперь эти потребности военных ведомств, видимо, достаточно удовлетворялись

существующей уже сетью чугуноплавильных и железоделательных предприятий, о чем свидетельствует указ Берг-коллегии 1721 года, сдерживавший рост подобных заводов и даже приводивший к их сокращению. Наоборот, потребность в меди продолжала оставаться острой и даже чувствовалась более напряженно. О том, как обстояло дело с медью, пожалуй, лучше всего может свидетельствовать заметка Петра I от 14 февраля 1724 года. Он предполагал предоставить возможность частным лицам «медь у ково есть в домах» переделывать за плату на Монетном дворе в «деньги» и даже вновь возвращался к мысли об использовании колоколов, только теперь не для переливки в пушки, как после нарвской катастрофы, а для перечеканки в монету, чтобы окончательно вывести из употребления серебряные копейки. Разрабатывавшиеся у Онежского озера медные рудники были и небогаты и неудобны для выемки породы, опыты в других местах вовсе оказались неудачными. Поэтому богатые руды Урала, естественно, становились основой медной промышленности.

Кушурские медные заводы, описанные Геннином, были созданы в 1710–1718 годах известным заводчиком Федором Молодым и не удовлетворяли полный спрос на медь. Поэтому Берг-коллегия в 1723–1725 годах очень быстро, подчас одновременно строит на казенные средства пять медных заводов: Екатеринбургский (в верховьях Исети); Лявинский (за Уральским хребтом, в верхнем течении реки Ляли — притока Сосвы); Егошихинский (Ягошихинский) у впадения в Каму речки Егошихи на месте современной Перми; севернее его Пыскорский, получивший имя от монастыря, на земле которого, у впадения речки Камгорки в Каму, он был расположен, и Полевский — на юге (на речке Полевой, притоке Чусовой в ее верховьях — по эту сторону Урала).

Кроме того, медеплавильная печь была поставлена на Уктусском доменном заводе. Всего уже к 1724 году, не считая Полевского завода, который только еще строился, казна располагала 11 плавильными и 4 переплавильными (очистительными) печами. По расчетам де Геннина, в этих печах можно было переплавить около 450 тысяч пудов песчаных и шиферных руд, получая свыше 7 тысяч пудов чистой меди.

Для производства и обработки железа был выстроен большой Екатеринбургский завод с двумя домнами, шестью молотами и большим числом разных цехов по выработке сортового железа, уклада и прочего, и чугунолитейный и железоделательный Полевский завод (в одном месте с медеплавильным).

Особенно крупных размеров достигает в этой сфере производственная база Демидовых, которые осваивают не только

Урал, но и Тагил, а позже Алтай. Кроме Демидовых, пользуясь Берг-привилегией, рудным делом стали заниматься компании в Верхотурском уезде, на реках Логве и Ляле.

В связи с этим Урал становится в 1720-е годы самым мощным районом по производству чугуна, стали и железа. Что же касается меди, то в этом отношении его роль была исключительной: кроме небольшого количества металла с Кончезерского завода, всю остальную медь тогдашняя Россия получала с Урала.

Но быстрый рост заводов в этот период выдвигал для Берг-коллегии два существенных вопроса.

Во-первых, широкие потребности «рудного дела» в рабочей силе удовлетворялись в Уральском крае все с большими затруднениями, которые уже чувствовались с начала работы Берг-коллегии. В связи с этим приходилось увеличивать территории вокруг заводов. Эти приписки осуществляются, согласно царскому указу 1721 года, по требованиям В. де Геннина и В. Н. Татищева.

Во-вторых, при создании металлоплавильных заводов возникает опасность недостатка леса в ближайших к заводам местах. Забота об обеспечении выплавки меди, которой в 1720-х годах, как уже отмечалось, так много уделяли внимания и средств, с особой силой сказалась в указе 1720 года. Давая разрешение Демидову строить медный завод в Вые и рубить лес для плавки меди, указ прямо запрещал в этом районе заготовлять дрова для железного завода, «чтоб в том лесу к тем медным заводам оскудения не было», и даже «близ тех его емидовых медных заводов для оскудения лесов иным никому заводов заводить не дается». А далее уже в общей форме указ оповещает руководителей горного дела на Урале: «В Сибирской губернии (где как раз сосредоточены железные заводы) железных заводов вновь для медных руд, чтоб в дровах оскудения не было, до указу строить не велено…»

Подобные же указы и предписания в 1721 году Берг-коллегия адресует В. Н. Татищеву в отношении казенных заводов. Добавим, что данный категорический запрет был все же ослаблен на основании доводов того же Татищева при строительстве нового железного завода на Исети. В дальнейшем это запрещение было, очевидно, отменено, и железные заводы продолжали строиться. Но громадное потребление топлива металлургическими заводами даже на лесистом Урале ставило вопрос о более рациональном использовании лесов. И именно Татищевым, стоявшим тогда во главе казенных заводов на Урале, предложен проект правил о «бережении лесов». Эти правила, утвержденные Берг-коллегией 20 июня 1721 года, получили силу общеобязательных

предписаний с установлением в «лесных дачах» 15 лесосек.

На посту главы Мануфактур-коллегии Яков Вилимович был до января 1722 года. Его сменил Василий Новосильцев.

Успехи в модернизации артиллерии

Безусловно, горное дело, металлургия были близки Якову Вилимовичу, поскольку они связаны с артиллерией, а генерал-фельдцейхмейстер в конце Северной войны, да и после нее продолжал совершенствовать артиллерию и укреплять этот род войск.

Иоганн-Готтгильф Фоккеродт, рассказывая о петровских нововведениях, писал: «Устройство артиллерии Петр I предоставил генерал-фельдцейхмейстеру Брюсу, шотландцу по происхождению, который в несколько лет привел ее в превосходное положение, несмотря на понесенную ею великую потерю при Нарве».

В 1720 году он получает новый состав пороха, который превосходит по качествам весь известный в то время порох по точности и дальности стрельбы. Об этом упоминается в «Записке на память, о чем доложить его царскому величеству».

В то же время Брюс, всегда заботясь о пользе и выгоде своих подчиненных, вставал горою за специалистов артиллерийского ведомства, стесняемых требованиями полиции, или требовал немедленной уплаты артиллерийским рабочим за материал и труд, потраченные ими на поделки для других, казенных же, ведомств. Так, в сентябре 1720 года Брюс особым мемориалом в Кабинет ходатайствовал об увольнении артиллерийских инструментных мастеров Ив. Калмыка и Дм. Турченинова, живущих в выстроенном им из кабинетских сумм доме, от обязанности мостить свой двор, возлагаемой на них полициею.

В том же 1720 году в подчинение Брюсу передаются все крепости, т. е. фортеции регулярные готовые, — Петербург, Кексгольм, Нарва и Иван-город, Рига, Динамент, Перноф, Святаго Креста, Киев-на-Печерах, Архангельск; фортеции и цитадели строящиеся и планируемые для строительства — Шлиссельбург, Смоленск, Выборг, Кронштадт; малые цитадели — Пероволочна, Переяславль, Брянск, Павловский, Царицын, Луки, Чернигов, Новый Транжамент; города с башнями нерегулярные — Тобольск, Казань, Уфа, Астрахань, Псков, Новгород. Царский указ от 23 мая 1720 года гласит: «Великий Государь указал: все крепости и в них обретающихся артиллерийских служителей и артиллерию, амуницию, цейхгаузы и прочее, что к артиллерии принадлежит, с сего числа впредь ведать в Главной Артиллерии Генерал-Фельдцейхмейстеру и Кавалеру Господину Брюсу, так как и Санктпетербургския крепости у него ведомы суть. И о том обо всем изо всех мест репортовать его, и всякаго о том решения

требовать от него, а ему о состоянии тех крепостей репортовать в Военную Коллегию, так как и о полевой артиллерии, по Воинскому уставу. А в каком состоянии те крепости и обретающиеся в них артиллерийские служители, артиллерия и прочее, что к оной принадлежит, о том всякаго надлежащего подлиннаго ведения требовать из тех губерний в артиллерию указами немедленно, дабы заблаговременно все крепости, которыя надлежит содержать, во всем, в чем пристойно, исправить и в порядок привести, о чем должен старание иметь Генерал-фельдцейхмейстер, как о том Воинский Устав повелевает».

Продолжает Яков Вилимович руководить Монетным двором, проводя денежную реформу, направленную на борьбу с фальшивомонетчиками. Эта борьба была довольно жесткой. Так, 5 февраля 1723 года Брюс лично объявил в Берг-коллегии указ об отсечении головы фальшивомонетчикам, которые, с «влитым в горло расплавленным металлом, не скоро умирают».

После отставки Брюса Монетный двор был выведен из состава Берг-коллегии.

7 мая 1724 года, при короновании Петром Великим Екатерины на престол как императрицы, генерал-фельдцейхмейстер Брюс в свите царских регалий нес перед государем императорскую корону. Его жена Марфа Андреевна вместе с княгиней Меншиковой, графиней Головкиной и княжной Трубецкой поддерживала шлейф императрицы.

В последние дни января 1725 года тяжело заболел царь. Брюс не только присутствовал во дворце со всею знатью, но и принимал участие в «конгрессе» первейших чинов империи, провозгласившем на рассвете 28 января императрицу Екатерину преемницей умершего императора, причем «в том же преждереченном конгрессе (повествует самовидец) от всех прошен Генерал-Фельдцейхмейстер Сенатор и Кавалер граф Яков Брюс, дабы принял на себя труд о обустроении погребения императорского, и принадлежащего к тому, по обычаю прочих в Европе государств. И его превосходительство, получив себе в помощь господина генерала Бона, и выбрав угодных к тому делу управителей и прочих помощников, також и вся к тому нужная изготовив и мастеров разных художеств созвав, со всяким тщанием ему врученное дело производил и исполнил». Так Брюс в звании верховного обер-маршала печальной комиссии отслужил свою последнюю службу Петру.

В память императора Яков Брюс разрабатывает рисунок к 1160 золотым (от 4 до 50 червонцев) и 10 900 серебряным медалям. Этот рисунок был представлен в Сенате 24 февраля

1725 года. В ходе обсуждения Сенатом он был принят за основу с некоторыми изменениями оборотной стороны медали — вместо «лежащих на земле корон и прочего» решено «быть столику и на нем скипетр и держава».

Кроме медалей, Я. В. Брюс разрабатывает церемониальные планы погребения Петра. Эти планы включали: реестр певчих при гробе, изложение указа императрицы Екатерины I о погребении Петра I и Натальи Петровны (дочь Петра Алексеевича умерла 2 марта и была похоронена вместе с отцом), порядок, как поступать при погребении (инструкция на 8 листах), план погребальной церемонии (на 13 листах, в виде раскладушки), донесения об участниках погребения, опись участников погребения, опись подданных, шедших в церемонии (всего 69 человек), церемонию шествия в рисунках.

В этом огромном труде (на 66 листах) Брюс расписал до мельчайших деталей все нюансы погребения императора.

Петр I был похоронен 10 марта. Работами по бальзамированию тела императора также руководил Яков Вилимович Брюс.

Вот как описывает похороны А.С. Чистяков: «На крепости вывешены были черные флаги, по Неве, вдоль мостков, стояло войско с белыми восковыми факелами в руках; народу было видимо-невидимо; Нева, набережная, окна и крыши домов были унизаны зрителями и у всех в руках были восковые свечи. После третьего сигнального выстрела гроб вынесли с церемонией и поставили под балдахином на великолепные сани, обтянутые черным бархатом с золотыми галунами и запряженные восемью лошадьми в черных бархатных попонах, вышитых золотыми государственными гербами.

Шествие открывали унтер-офицеры гвардии с алебардами. За маршалом шли литаврщики, трубачи, пажи и придворные кавалеры. За ними, в епанчах с длинным крепом, иностранные купцы и депутаты завоеванных областей, каждое отделение отделялось гоффурьером верхом; за красным военным знаменем вели любимую лошадь государя, на которой он бывал в сражениях; на ней была богатая сбруя, а на голове белые и красные перья. Несли областные знамена, и за каждым лошадь в попоне, также желтый адмиральский штандарт, который император распускал на ботике, во время торжественного плавания. За белым знаменем с изображением ваятеля, отделывающего статую России, — вели лошадь под зеленой попоной с разноцветными перьями на голове; далее следовали латник в золотых латах на коне, а затем пеший траурный латник, с опущенным мечом, и знамя печали — черное. Несли герб

государственный и гербы областей, шло духовенство с крестами, при печальном пении певчих, за духовенством несли гроб Натальи Петровны, под балдахином. Герольдмейстеры несли государственные мечи, опущенные вниз, ордена, короны царств, скипетр, державу и императорскую корону. Затем сани с гробом императора. Полковые знамена преклонялись к земле, по мере приближения к ним гроба, и замолкавшая похоронная музыка опять раздавалась. За гробом шла императрица с лицом, закрытым черною мантией, ее под руки вели Меншиков и Апраксин, шлейф несли камергеры, по сторонам шли драбанты, в свите ее — придворные. Таким же порядком, но с постепенно уменьшающейся свитой шли все остальные члены царской фамилии; последним шел великий князь Петр Алексеевич со свитой. За ним придворные, знатные дамы и девицы, чиновники, дворяне и купцы. Шествие замыкали унтер-офицеры гвардии; у всех в руках были зажженные свечи, исключая тех, которым надобно было нести что-нибудь, кого-нибудь поддерживать или держаться за шнуры и кисти катафалка; народ тоже шел с зажженными свечами.

Через каждую минуту раздавался пушечный выстрел; похоронное пение, погребальная музыка, плач и рыдание нескольких тысяч человек производили потрясающее действие на присутствующих.

Гроб поставили на приготовленное место; по окончании службы раздались три оглушительных залпа из орудий и ружей всего войска. Феофан Прокопович сказал надгробное слово; оно было не длинно, но говорил он его долго, потому что его поминутно прерывали отчаянные крики, плач и стоны присутствующих.

Гроб Петра только через шесть лет опустили в каменный склеп, а до тех пор он стоял на виду, покрытый порфирой и при нем постоянно находилась почетная стража».

В начале царствования Екатерины I Брюс, как генерал-фельдцейхмейстер, продолжает руководить артиллерийским ведомством, которое не просто управляло мощной артиллерией, главное, был заложен механизм ее дальнейшего развития.

К личному составу этого ведомства по табелям 1725 года принадлежали 5579 артиллерийских чинов: в полевой артиллерии пять генерал-майоров, 77 штаб- и обер-офицеров, 1435 унтер-офицеров и рядовых, 1010 неслужащих, 270 инженерных нижних чинов, 194 мастеровых артиллеристов и инженеров; при гарнизонной артиллерии, кроме Сибири, 40 штаб- и обер-офицеров, 1995 унтер-офицеров и рядовых, 58 неслужащих, 202 мастеровых; при гарнизонной артиллерии в

Сибири 20 штаб- и обер-офицеров, 185 унтер-офицеров и рядовых, 87 неслужащих и мастеровых.

Ядром полевой артиллерии был созданный Брюсом Артиллерийский полк. Он состоял из одной бомбардирской, шести канонирских и одной минерной рот. В гарнизонной артиллерии насчитывалось до 30 команд, рассеянных по крепостям. Количество орудий полевой и гарнизонной артиллерии, не считая с ними полковых и корабельных, доходило до 5000 единиц. Орудия эти были медные и чугунные, от 6-фунтового до 9-пудового калибра. Медные орудия отливались в Москве и Петербурге, чугунные — в Воронеже, Олонце, Сестербеке и Екатеринбурге. Тяжелая артиллерия хранилась на складах в Москве, по крепостям и особым запасным дворам — в Петербурге, Брянске (на польской границе) и Ново-Павловске (у турецкой границы) — на каждом по 240 пушек и 72 гаубицы и мортиры. Порох изготовлялся на заводах московском, петербургском, охтинском и сестрорецком. Оружие делалось на заводах в Туле и Сестербеке. Специальное артиллерийское образование давала школа при Петербургском лабораторном доме. На содержание всего артиллерийского ведомства 21 мая 1724 года положено отпускать ежегодно по 300 тысяч рублей — из подушного 12-гривенного сбора с купцов и из остатков от 4-гривенного сбора с государственных крестьян.

Брюсу, располагавшему теперь, в 1725 году, не теми артиллерийскими средствами, которые были у него в 1704 году, оставалось только работать в пользу дальнейшего развития русского артиллерийского дела.

Однако с воцарением Екатерины I артиллерийская деятельность его почти прекратилась.

За 1725 год Брюс, «доношениями Артиллерийской Канцелярии», подготовил только два указа по артиллерийской части. Первый, от 29 апреля 1725 года, о том, что «при артиллерии к покупке и к свидетельству материалов против проб, определить из артиллерийских служителей, кого та Канцелярия за благо рассудит, и быть им при том деле за присягою и свидетельство чинить, как о том в регламенте Адмиралтейском напечатано; а из купецких людей к тому свидетельству не определять». Второй, от 7 декабря 1725 года, о прибавке «московским пороховым уговорщикам, за порох, который по указу 17 Января 1724 года, определено делать новым маниром», к прежним 2 рублям 90 копейкам еще по 34 копейки на пуд казенной цены.

Нельзя сказать, чтобы Брюс со времени воцарения Екатерины I предпочел артиллерии Берг-коллегию, «по доношению и

мнению», в качестве президента которой издал всего один указ — от 27 октября 1725 года, «о определении на Монетные дворы для караулов урядников и солдат из гарнизонных регулярных, с обыкновенною переменою по недельно, а именно: в Москве, на три двора, урядника, капрала, ефретура, да солдат 24 человека, в Санкт-Петербурге, на два двора, капралов 2, ефретуров 2, солдат 16 человек, понеже как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, на Монетных двора без твердого караулу пробыть ни которыми меры невозможно».

Вместе с тем Брюс в качестве одного из старейших «птенцов гнезда Петрова» и полезнейших сподвижников «первого Императора» был весьма уважаем императрицей Екатериной I. 21 мая 1725 года, в день брака цесаревны Анны Петровны с герцогом Голштинским Карлом-Фридрихом, ему была поручена весьма почетная свадебная должность брата августейшей невесты. 30 августа того же года императрица возложила на Брюса как кавалера Андреевского ордена орден Святого Александра Невского, учрежденный ею 21 мая.

Можно было бы предположить, что Брюс устал и от этого мало занимался государственной деятельностью. Однако думается, что подлинные причины пассивности Брюса кроются в обстановке, сложившейся при дворе императрицы Екатерины I. Да, она почитала Брюса, но это почитание вызывало раздражение и ревность со стороны высокопоставленных вельмож при дворе. Именно в этот период выдвигается А. И. Остерман, с которым у Брюса не было особой дружбы. Но наиболее влиятельной фигурой при дворе оставался А. Д. Меншиков, умело влиявший на императрицу. Для него высокое положение Брюса было не совсем выгодно, и дружба, которая сложилась между ними при Петре, ушла на второй план. Как отмечал В. Н. Татищев, после смерти Петра I в сложных условиях обострившейся борьбы за власть Брюс сумел сохранить независимое положение и не примкнул ни к одной из враждовавших группировок «и от обоих в любви и поверенности пребывал».

Так, человек, проводивший активную деятельность при царе-преобразователе, постепенно теряет былую предприимчивость, не видя должного понимания среди власть предержащих. Умный чиновник, порядочный и честный военный, Брюс видел и некоторое пренебрежение к себе. В полной мере это новое положение генерал-фельдцейхмейстера проявилось при формировании Екатериной I Верховного Тайного совета, в который вошли князь А. Д. Меншиков, граф Ф. М. Апраксин, граф Г. И. Головкин, граф П. А. Толстой, князь Д. М. Голицын, барон А. И. Остерман и герцог Голштинский. Последний введен в состав

совета через неделю, 15 февраля 1726 года.

Оказавшись вне членов Верховного Тайного совета, которые были такими же, как Брюс, «птенцами гнезда Петрова», Яков Вилимович обратился к Екатерине I с просьбой о выдаче ему жалованной грамоты с подтверждением его заслуг. Видимо, Яков Брюс не мог рассчитывать на дальнейшее расположение к нему членов Верховного Тайного совета и поэтому решил заручиться документом — поддержкой самой императрицы. Вообще необходимо отметить, что в истории России это был первый случай, когда выдавалась жалованная грамота по просьбе ее получателя. Брюс и в этом создает прецедент.

Для Екатерины I, видимо, было понятно уже тогда, что Яков Брюс собирается уходить в отставку, благо ей не нужно было делать это самой. Тем более что генерал-прокурор П. И. Ягужинский, подавая императрице сочиненную им «Записку о состоянии России», отмечал: «Не малый апартамент в государстве артиллерия, а генерал-фельдцейхмейстер уже весьма ослабел, а на его место не токмо кто видится быть достоин, но ниже и в помышление приходит кому, чтоб на его место человека заранее усматривать».

31 марта 1726 года Брюсу была выдана жалованная грамота императрицы. По всей видимости, оценив масштабность всего, что было сделано Брюсом в Петровское время, императрица жалует ему чин генерал-фельдмаршала и награждает орденом благоверного князя Александра Невского. После этого он подает прошение об отставке и получает ее со всех военных и государственных постов 6 июля 1726 года в возрасте 57 лет.

Брюс в Глинках

27 апреля 1727 года Я. В. Брюс приобретает за 4500 рублей серебром у князя А. Г. Долгорукова усадьбу в 42 верстах к востоку от Москвы у впадения реки Вори в Клязьму. Здесь он отстраивает новый усадебный комплекс. С этой усадьбой, старейшей из сохранившихся в Подмосковье, связаны последние 8 лет его жизни.

Отставной генерал-фельдмаршал неслучайно решил выехать из Санкт-Петербурга, поселиться в Москве и приобрести эти земли.

Москва для Брюса была не просто местом рождения. Здесь был похоронен его отец, здесь, в Немецкой слободе, жили близкие ему, не только по вероисповеданию, люди.

Места, вдоль берегов Вори и Клязьмы, были хорошо знакомы бывшему генерал-фельдцейхмейстеру и президенту Берг- и Мануфактур-коллегии. И связано это с тем, что здесь в начале XVIII века возник один из центров порохового и кожевенного производства России.

Первые предприятия, пороховой и оружейный заводы, у деревни Глинково были созданы в 1698 году датским предпринимателем Елизаром Избрантом. Пороховой завод ежегодно поставлял до 10 тысяч пудов пороха, оружейный — 8 тысяч ружей.

Воря в XVII–XVIII веках была промышленной рекой, на которой строились плотины, устанавливались мельницы, обслуживавшие предприятия. Елизар Избрант выстроил 2 плотины по соседству.

В 1704 году из Москвы на Ворю был переведен пороховой завод купца Пороховщикова. Он поставлял в артиллерию по контракту 4000 пудов пороха. Пороховщиков арендовал земли у Лопухиных на правом берегу реки, в полверсте вверх по течению за усадьбой Савинской.

В начале XVII века в селе Успенском, входящем ныне в черту Ногинска (Богородска), на реке Клязьме был основан еще один пороховой завод Ф. Аникеева. Его мощность определялась в 4–6 тысяч пудов пороха в год.

Вслед за ним на реке Клязьме появляется Обуховский пороховой завод английского коммерсанта Андрея Стельса, уже знакомого нам по поездке Петра и Брюса в Англию в 1698 году. А. Стельс пользовался особым расположением Петра. В 1708 году Обуховский завод опережает всех конкурентов не только по количеству поставок (16 000 пудов), но и по качеству. Порох

Стельса был высшего качества.

Кроме того, он был еще и на 18 процентов дешевле пороха других производителей.

Судьба этих предприятий непосредственно связана с Глинками, которые были пожалованы «в вечное пользование» А. Стельсу в 1710 году. К тому времени английский коммерсант, объявивший о возможности увеличения производства, получает монопольное право на производство пороха по указу Петра I. Прочим царь «делать порох не велит».

Артиллерийское ведомство Брюса заключает с ним контракт на ежегодную поставку 20 тысяч пудов пороха.

Такое положение дел не устраивало владельцев других пороховых предприятий. Тем более что Е. Избрант одним из первых затоварил Глинковский пороховой завод, на котором скопилось вместе с незавершенным производством 10 тысяч пудов пороха, не находящего спроса. Подобная ситуация возникла и у Пороховщикова и Аникеева. А Обуховский завод продолжал увеличивать производство, доведя его в 1710 году до 34 814 пудов.

Единственным средством борьбы для конкурентов была экономическая блокада А. Стельса. В обход артиллерийского ведомства владельцы пороховых заводов скупают все сырье (серу и селитру), взвинтив при этом на него цену. В итоге Обуховский завод в 1711 году остается без сырья и останавливается. Так, в 1711 году была разрушена монополия Стельса. Он не смог пережить этого удара и в январе 1712 года скончался. Его жена Варвара (урожденная Марли) пытается восстановить производство, но после неудачи продает завод и уезжает в Англию. А в 1717 году через ее поверенного сельцо Глинково с деревнями было продано князу А. Г. Долгорукову.

Глинковские заводы Е. Избранта прекратили свое существование после смерти Петра I в 1725–1726 годах. Савинский Пороховщикова действовал до 1767 года. Он был уничтожен взрывом и более не восстанавливался. Успенский завод, поменяв нескольких владельцев (Клюевых, Рахманиных, Панфиловых и других), прекратил производство пороха в середине XIX века. Обуховский завод после Стельса принадлежал Фухтеру, Беркузину, Раушеру, Беренсу и действовал до 1819 года.

Что же касается Глинковских предприятий, здесь с 1727 года были владения Я. В. Брюса, отданные в аренду в 1734 году известному предпринимателю Афанасию Гребенщикову.

В 1729 году он становится арендатором Казенной лосиной фабрики. Эта фабрика была переведена в 1708 году из Москвы, где располагалась с 1695 года близ Каменного моста, как

Казенный кожевенный двор. В Подмосковье, на Клязьму, она переводится из-за тесноты и неудобства расположения и еще потому, что по распоряжению руководителя Артиллерийского приказа в 1708 году ускоряется производство кожевенного обмундирования. Таким образом, создание Лосиной фабрики в километре от Глинок напрямую связано с деятельностью Я. В. Брюса.

Надо сказать, что это была не первая попытка строительства кожевенного предприятия в черте современного Лосино-Петровского. В конце 1660-х годов при царе Алексее Михайловиче чуть ниже по течению реки был создан кожевенный завод под деревней Тимонино. Однако место для завода было выбрано неудачно — он находился в пойме реки, — и при разливе Клязьмы был снесен паводком в начале 1670-х годов. Поэтому при Петре I место для Кожевенного двора выбирается на возвышенности, выше по течению реки.

Фабрика проработала 150 лет — до 1858 года, пока не была закрыта указом императора Александра II, который повелел переименовать Лосиную слободу, находившуюся рядом с фабрикой, в слободу Петровскую и приписать ее к городу Богородску в качестве подгородной слободы. Таким образом, закрепилось двойное название за поселением, ныне называемым городом Лосино-Петровским. Территория города с запада непосредственно примыкает к усадьбе Глинки.

Были и другие причины покупки Яковом Вилимовичем Брюсом имения в Глинках.

Прежде всего необходимо отметить, что владение Глинками А. Г. Долгоруковым оказалось незаконным.

Согласно жалованной грамоте 1710 года Андрей Стельс получает Глинки в вечное пользование. Т. е. права владения этой территорией у него не было. Поэтому продажа вдовой А. Стельса Глинок в 1717 году оказалась незаконной без «купчей крепости». Купивший имение князь А. Г. Долгоруков, 10 лет владея усадьбой, вынужден был вести постоянную судебную тяжбу с правительством о праве владения этой землей. Продажа им усадьбы Я. В. Брюсу, видимо, оказалось единственно приемлемым выходом из создавшегося щекотливого положения.

Кроме того, Глинки, имея прекрасное территориальное положение, вблизи проезжих дорог, в живописном уголке Подмосковья, были окружены неплохими соседями.

На основании списка владельцев селений за 1725 год можно заключить, что недалеко от Глинок в этот период находились крупные земельные угодья, владельцами которых являлись князья Волконские (Никольское-Тимонино, 1,5 км от Глинок), Лопухины

(Савинское, 3 км от Глинок), Долгорукие (Лукино, 4 км от Глинок), Трубецкие (Гребнево, 10 км от Глинок) и другие.

Место, где располагалась усадьба, было еще и очень удобным для проживания. Она размещалась на кромке леса, находящегося с северо-востока. Причем лес отделялся от территории усадьбы сельцом Глинковым, названным так, видимо, по породам глины, используемым местными жителями. С юга границей усадьбы была река Воря, с построенными на ней предприятиями Избранта — Гребенщикова. С запада за Старицей открывалась пойма Клязьмы при впадении в нее Вори, с видом на Лосиную фабрику, расположенную на другом берегу Клязьмы.

При обустройстве усадьбы Я. В. Брюс проявил свойственные ему энергию и изобретательность. Старица была превращена в два пруда, на берегах которых разместился усадебный комплекс. Место для строительства зданий и разбивки парка площадью в 20 гектаров было тщательно выровнено. Оно имело прямоугольную форму, вытянутую с юга на север. Усадьба отстраивалась по западноевропейскому образцу в стиле дворцово-парковой архитектуры. Подобные усадьбы уже строились в окрестностях Санкт-Петербурга.

Об одной из таких усадеб, принадлежавшей Я. В. Брюсу на берегу Финского залива, сообщает исследователь В. А. Коренцвит в статье «Последний дворец А. Д. Меншикова «Монкураж»», опубликованной в ежегоднике «Памятники архитектуры. Новые открытия» за 1988 год. Автор сообщает, что «в рукописном наследии первого историка Петербурга А. И. Богданова сохранился замечательный документ — опись участков, «которые по указу с первых лет Петром Великим пожалованы были» по Петергофской дороге, начиная от Петербурга, от Автова, до деревни Красная Горка. Из этой описи узнаем, что на территории нынешней Александрии располагались участки четырех владельцев, а именно (в направлении от Петергофа к Петербургу): подьячего Александра Яковлева, от гвардии поручика Данилы Чевкина, генерала-фельдцейхмейстера Брюса и Петра Мошкова. К моменту составления описи застроились лишь двое: Д. Чевкин и Я. Брюс. В описи указано, что «у господина Брюса дом 1, покоев 3, изб 2, баня 1, амбар 1, пруд 7».

А. И. Богданов признается, что ему неизвестно, когда была сделана опись…»

Автор на основании фактических данных определяет дату составления описи — 1718 год. Затем он сравнивает эту опись с генеральным планом Петергофа Н. Микетти 1722 года и заключает, что «владения Я. Брюса остались за ним, а соседний участок гоф-интенданта П. Мошкова перешел к барону П.

Шафирову. Шафиров… продал свой участок, «расположенный близ Петергофа рядом с местом графа Брюса, архиатеру Блюментросу». Итак, делает вывод В. А. Коренцвит, — вопреки распространенному мнению, территория современной Александрии не принадлежала А. Д. Меншикову в петровское время. Участки переходили от одних владельцев к другим, и лишь имение генерала-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса оставалось за ним, по крайней мере, до 1725 г. Этот видный деятель Петровской эпохи, полководец, дипломат и ученый, не желая терпеть над собой временщика А. Д. Меншикова, отдалился от двора и в 1726 году навсегда покинул Петербург, поселившись в своем имении Глинки под Москвой. По-видимому, в том же году Меншиков приобрел петергофский участок Брюса, а заодно и ряд соседних участков на территории не только современной Александрии, но и почти столько же в смежной Знаменке. На этот факт до сих пор исследователи не обращали внимания, а между тем и в документах, связанных с конфискацией имений А. Д. Меншикова, в длинном перечне владений наряду с Ораниенбаумом, «Фаворитом», «Монкуражем» и другими упоминаются также приморские места: «Чернышевское, Ржевской, Дохтурское, Брюсовское»».

О последних двух мы уже знаем — это бывшие дачи Брюса и доктора Блюментроста».

Автор отмечает, что названия дач Чернышевской, Ржевской, Брюсовской и др. оставались за этими участками и после конфискации имений Меншикова. При этом обращается внимание, что они «перечислены в том порядке, в каком… следуют по направлению от Петергофа к Петербургу. Упомянутый в этом перечне «Монкураж» находится перед дачей Брюса, т. е. на бывших участках Д. Чевкина и А. Яковлева. На самом деле, — утверждает автор, — это не совсем точно. Усадьба Брюса не только вошла в состав «Монкуража», но и составила его основное ядро, так как именно взамен усадебного дома Брюса А. Д. Меншиков поставил свой дворец. В этом убеждает находящийся в ЦГА ВМФ уникальный чертеж — план местности с обозначением участков Чевкина, Брюса, Блюментроста, Ржевского и «г-на генерала-майора Синявина»».

Далее, опираясь на план местности, исследователь отмечает: «…на… участке Брюса возвышается двухэтажное каменное здание в девять осей с центральной увенчанной куполом башней — ротондой. По сторонам стоят одноэтажные в три окна флигельки, связанные с главным зданием оградой с арочными проездами. Трехчастная композиция напоминает «Монкураж», но у А. Д. Меншикова взамен ограды появились галереи, в которых, однако,

также имелись центральные проезды во двор. Совпадают и размеры Брюсовской усадьбы и Монкуражского дворца — 45 саж. в длину, причем центральный корпус в обоих случаях одинаков по длине — 16 саж. Нельзя не отметить, что в решении башни-фонарика заметна перекличка с аналогичной башней в доме Брюса. Но на этом сходство между двумя постройками кончается. В архитектурном значении усадьба Брюса не идет в сравнение с великолепным княжеским дворцом. Любопытно, что на участке Брюса по другую сторону оврага показано еще одно довольно большое одноэтажное здание со службами и перед ним — Нижний сад… Наличие сада с центральной аллеей, ведущей к дому, говорит о том, что перед нами, скорее всего, не служебная постройка, а старый господский дом, рядом с которым Я. В. Брюс построил новый, более красивый и вместительный».

Такой усадьбой Брюс владел в окрестностях Санкт-Петербурга до выхода в отставку. Подобную же усадьбу он создает и в Глинках.

Планировка усадебного комплекса имела в основе перспективы с юга на север и с запада на восток. Последняя начиналась у Лосиной фабрики, проходила через Клязьму, через пруды по специально сделанной насыпи, попадала на парадный двор к обсерватории и далее следовала в восточном направлении до реки Вори. Возможно, через Ворю был построен мост, соединявший усадьбу с деревнями Вачутино (современное Марьино) и Кабаново, также принадлежавшими Брюсу.

Перпендикулярная ей вторая перспектива проходила через парадный двор от южного флигеля к обсерватории, далее следовала через парк, сельцо Глинково и уходила в лес. Заканчивалась она в усадьбе Савинское. Сохранились рассказы о том, что Брюс часто бывал у Лопухиных в Савинском. Эта усадьба располагалась на живописном берегу реки Вори. Местность была сильно заболоченной. В 1730-е годы владельцем Савинского был сенатор В. И. Лопухин (1703–1797), которому Брюс якобы посоветовал облагородить это место искусственными прудами, создав пейзажный парк английского типа. Эта идея осуществилась через 50 лет после смерти Брюса сыном сенатора Иваном Владимировичем Лопухиным — известным государственным деятелем времен правления Екатерины Великой.

По поводу авторства архитектурного проекта обсерватории Брюса существуют разные точки зрения. Приписывают его известному архитектору П. М. Еропкину, вернувшемуся в 1724 году из Италии, где он обучался архитектуре во Флорентийской академии наук, называют имя итальянского зодчего Н. Микетти.

Однако более вероятным, видимо, автором проекта этого здания следует считать самого Я. В. Брюса. И. Э. Грабарь в журнале «Старые годы» писал, что Яков Вилимович «…был очень сведущ в делах архитектуры. В его библиотеке много разных архитектурных увражей и очень возможно, что тот прелестный дом, который он выстроил себе в деревне, сочинен им самим».

Напомним, что до 1728 года действовал указ Петра I о запрете каменного строительства в связи с застройкой новой столицы. Поэтому на территории усадьбы Долгорукова каменных построек не было. Однако был главный усадебный дом, который оказался на перспективе север — юг в парке брюсовской усадьбы. Брюс селится в этом доме, строит на берегу Вори собственный кирпичный заводик и создает усадебный комплекс. Были выстроены обсерватория и химическая лаборатория, кордегардии, служебные и хозяйственные постройки. На плане усадьбы 1767 года, обнаруженном в архивах исследователем Г. В. Ровенским, можно увидеть десять зданий, среди которых были конные дворы и кладовые.

Так уж получилось, что Яков Вилимович после покупки усадьбы овдовел в 1728 году, поэтому никакого грандиозного строительства в усадьбе он не делал.

По описи 1825 года здесь было 21 каменное и 12 деревянных зданий. Это означает, что основное строительство комплекса происходило на территории усадьбы при Якове Александровиче Брюсе, вступившем во владение после смерти отца А. Р. Брюса в 1760 году.

В настоящее время уцелело восемь каменных построек XVIII века. Среди них — легендарная обсерватория. Это здание действительно совершенно необычно. Оно строилось с использованием различных архитектурных стилей, среди которых итальянское барокко и ранний классицизм (Палладио). Брюс, видимо, сам проектировал это здание, подчиняя строительство нуждам наблюдательной астрономии и нарушая привычные каноны архитектуры. Отсюда лоджии — открытые площадки, размещенные на перекрытиях первого этажа. Обсерватория имеет, по мнению архитекторов М. Г. Карповой и В. И. Якубени, два периода застройки. Первоначально — первый этаж с мезонином, возвышающимся на уровне второго этажа. Из мезонина был выход на лоджии. Затем боковые помещения на втором этаже, на месте двух из трех открытых площадок. Лоджия на северном парковом фасаде оставалась незастроенной до 1934 года, пока при создании на территории усадьбы Дома отдыха этот фасад не был перестроен. Уникальность этому зданию придают маски, сделанные техникой резьбы по камню. Они украшают наличники

окон. На первом этаже по периметру здания этих масок 57, при этом двух одинаковых найти невозможно. Каждая является индивидуальной работой мастера. Маски эти всегда вызывали суеверный страх у местных жителей, считавших их колдовскими. Мнения об этих изображениях различны. Их называли карикатурами на вельмож того времени, масками скоморохов. Среди масок есть поющие, смеющиеся, показывающие языки. Есть даже маска, меняющая выражение лица. Словом, это совершенно уникальные изображения, тайна которых не разгадана по сей день.

Обсерватория при въезде фланкировалась двумя флигелями, один из которых, западный флигель парадного двора, использовался под кладовую. Во втором, расположенном в парке, размещалась химическая лаборатория Брюса. Симметричное расположение флигелей читается и сейчас, несмотря на то что подъездной дороги через пруд уже больше нет, а берег пруда, где проходила подъездная аллея, застроен современными постройками и сильно зарос деревьями и кустарником. На парадном дворе также сохранились южный и восточный флигели. Каждый из них выполнял функции кордегардий, в нем размещалась охрана усадьбы.

Сохранились в усадьбе и постройки на хозяйственном дворе. Бывшая конюшня, каменная оранжерея, складские помещения и мастерские в XIX веке были соединены в одно здание, составляющее в настоящее время основу хозяйственного двора усадьбы. На хозяйственном дворе также присутствует бывшая конюшня и двухэтажная оранжерея. Теперь все эти постройки используются в качестве лечебного и спального корпусов гастроэнтерологического санатория «Монино». В 1972 году на территории усадьбы была обнаружена минеральная вода, способствующая быстрому излечиванию от желудочно-кишечных заболеваний.

Усадьба Глинки совершенно не обследована искусствоведами, специалистами садово-паркового искусства, поэтому можно только предполагать, что на месте современного основательно запущенного парка был когда-то регулярный парк французского типа. Об этом парке писал побывавший здесь в 1920-е годы искусствовед А. Н. Греч: «Схематическая планировка этого небольшого французского сада сводится к четырем квадратам в ширину главного дома (обсерватории), разделенным тремя широкими аллеями… В четырехугольник перед домом вписан многоугольник, состоящий из вековых лип. Дальний четырехугольник занят квадратным водоемом, по оси которого дальше, уже за парком, стоит церковь. Два других

прямоугольника справа от средней аллеи заняты: один звездообразным пересечением аллей, а другой — лужайкой, где, согласно народному поверью, была беседка с самопроизвольно играющей музыкой». Трудно определить, что в этом рассказе осталось от брюсовского парка, но несомненно одно: парк в усадьбе был одним из самых интересных в России. К сожалению, в настоящее время парк потерял прежнюю красоту.

В архиве профессора В. В. Чердынцева, ученика В. И. Вернадского, сохранился интересный рисунок усадьбы, на котором записано: «Глинки по специальному плану 1855 г.». Рисунок довольно условный, однако на нем четко обозначена аллея, проходящая на восток от усадебного комплекса. Аллея тупиковая и заканчивается площадкой округлой формы, похожей на «кабинет», характерный для парков французского типа. По всей видимости, аллея, сохранявшаяся к 1855 году, была частью перспективы. Пруд на рисунке, так же как и на плане 1767 года, разделен на две части. Раздел между прудами находится на месте предполагаемого моста и является частью центральной оси — перспективы с запада на восток. Южная часть пруда имеет форму квадрата и значительно меньше северной. Этот квадратный пруд занимает промежуточное положение «среднего» по отношению к северной части и реке Воре, что вызывает вопрос о возможном применении этого пруда при проведении опыта по «замораживанию» пруда летом, как это предполагает доктор технических наук, профессор кафедры гидротехнических сооружений МГСУ В. В. Малаханов.

Усадьба, созданная Брюсом, хранит еще много тайн, которые во многом и рождали легенды. Одна из этих тайн — система подземных ходов, находящаяся в усадьбе. Согласно исследованиям группы лозоискателей под руководством кандидата технических наук И. Е. Кольцова, проведенным в 1988–1989 годах, подземные ходы соединяют все здания усадьбы и выходят далеко за ее пределы.

В конце XVIII — начале XIX века в парке был создан искусственный пруд, который, по мнению В. В. Синдеева, использовался в качестве садка для разведения рыбы. Этот пруд отделяет основную часть парка от северной его части, где в 1756 году племянником Я. В. Брюса Александром Романовичем была построена церковь Иоанна Богослова с приделом Святого благоверного князя Александра Невского. После смерти А. Р. Брюса рядом с церковью выстроена усыпальница на месте захоронений Александра Романовича, его жены Н. Ф. Колычевой. В храме было захоронение П. А. Румянцевой-Брюс с известным надгробием скульптора И. П. Мартоса. Церковь, перестроенная в

1883 году, в советское время была закрыта и переделана в спальный корпус. Не сохранилась и усыпальница. В 1934 году она была разобрана. Все надгробия из усадьбы вывезены в Донской монастырь. Из них только надгробие Мартоса хранится в настоящее время в главном здании Музея архитектуры имени А.В. Щусева на Воздвиженке.

Период пребывания Я. В. Брюса в Глинках имеет огромное значение по той причине, что именно в эти годы Яков Вилимович наконец-то смог активно заняться научной деятельностью. Достаточно сказать, что библиотека, вывезенная из усадьбы после смерти Брюса, согласно далеко не полной описи, насчитывала 1579 томов. Это были книги по двадцати научным дисциплинам на четырнадцати языках. Поистине он был ученый-энциклопедист, занимавшийся не только переводами и научными исследованиями в различных дисциплинах, но и активно пропагандировавший знания, настоящий просветитель и организатор науки в России, всю свою жизнь занимавшийся научноисследовательской деятельностью.

Безусловно, ведущую роль в формировании Брюса-ученого сыграла поездка в Англию в составе Великого посольства в 1698 году. Об этой поездке и занятиях Брюса в Англии уже было рассказано, однако добавим, что к моменту его приезда в Англию Лондонское Королевское общество представляло собой не просто группу ученых. Общество имело сложившиеся традиции развития экспериментальных знаний, достигших своего высшего подъема на уровне теоретического анализа. Кроме того, возникает своего рода синтез бэконовского эмпирически-индуктивного и декартовского математически-дедуктивного методов (хотя номинально представители этих направлений научного исследования противостояли друг другу). И Брюс, оказавшийся по воле царя в Англии в 1698 году, аккумулировал знания, накопленные учеными за предыдущие десятилетия. Поэтому он и получает комплексное универсальное образование энциклопедиста. Тем более получаемые Брюсом знания попадают на подготовленную почву, что было обусловлено его несомненными талантами. Так что выбор Петра был неслучаен.

И все же, говоря об энциклопедичности ученого Брюса, необходимо обратить внимание на некоторые отрасли знания, которым Брюс отводил особую роль.

Безусловно, для совершенствования в науках в целом требовалось поднять свой уровень знаний в математике. Этим и занимался Яков Вилимович, обучаясь у Джона Колсона.

В библиотеке Брюса имелись рукописные книги и тетради с пометкой «Bruciana», написанные во время пребывания в Англии в

1698 году. К сожалению, этих книг сохранилось немного. Среди них наиболее интересны как раз математические. Прежде всего это «Сборная рукопись по математике и фортификации» на шведском языке. Рукопись включает такие разделы, как «Арифметика», «Геометрия», «Практическая геодезия и геометрия», «Осада крепости», «Инструкции по фортификации» и многое другое. На 286 страницах здесь подробно изложен теоретический и практический материал с упражнениями и схемами по использованию математических знаний для всяких целей. Более того, книга имеет добавления, которые Брюс вносил в апреле 1699 года, а также во время военных походов 16 ноября 1702-го и 18 января 1704 годов.

Несмотря на то что отсутствуют имена авторов книг, мы склонны предполагать, что данная «Сводная рукопись…» является своего рода конспектом, который составил Брюс при изучении различных трудов по математике, геодезии, фортификации.

Подобным же конспектом, составленным в 1698 году, безусловно, является и рукописный текст «Заметки по математике» на немецком языке. Я. В. Брюс обозначен в качестве автора этой рукописной книги. Однако эта книга не что иное, как конспекты, составленные Яковом Вилимовичем при его обучении у Джона Колсона. Конспект включает практически все разделы математики. Здесь «Правила треугольника», «Правила двойных углов», «Арифметические прогрессии», «Геометрические прогрессии», «Извлечение квадратного корня», «Дефиниции», «Теоремы», «Проблемы геометрии», «Тригонометрия». Все это показывает, что Якова Вилимовича очень серьезно интересовала математика. И связано это не только со строительством кораблей, военной и артиллерийской деятельностью, а еще и с занятиями астрономией.

Рукописная книга под авторством Брюса «Статьи по математике и астрономии» содержит следующие разделы: «Угловой сектор», «Построение синусов, тангенсов и секансов», «Основы пропорции диаметра окружности к ее длине», «Техника логарифмов или действия с логарифмами», «Основные логарифмы заданных чисел», «Проблемы астрономии», «Теория движения планет», «Орбита Луны», «Орбита Солнца», «Проекция орбиты Солнца», «Три известные долготы Солнца, находящиеся в его апогее и перигее».

Брюс занимался математикой не только как ученый-теоретик. Ему необходимы были знания для дальнейшей практической деятельности. И как мы уже видели, он эффективно их использовал.

Вообще занятия математикой были одним из важнейших

разделов научной работы Брюса. Он стал одним из первых составителей и издателей таблиц логарифмов в России. Это произошло неслучайно, поскольку основателем таблиц логарифмов был шотландский математик Джон Непер, опубликовавший первые таблицы логарифмов в 1614 году.

Что же касается рукописей Я. В. Брюса, то из 53 рукописей исследователям удалось обнаружить в фондах библиотеки Академии наук всего 24, из них 4 — русскоязычные, являющиеся по содержанию историко-лингвистическими.

Самая ранняя — «Степенная книга с добавлениями выписок из хронографов (от царствования Федора Иоанновича до царствования Василия Шуйского)». По всей вероятности, именно она была использована М. В. Ломоносовым при составлении «Краткого российского летописца» для изложения событий времен Ивана Калиты. Книга на полях имеет карандашные пометы, сделанные М. В. Ломоносовым. «Степенная книга…» написана была в 1671 году, о чем говорят экслибрис XVII века, помещенный на листе седьмом (об.) в разноцветной рамке. Этот рукописный экслибрис гласит: «Сия книга, глаголемая Степенная, Степана Герасимовича Дохтурова. Лета 7180 (1671) году, месяца сентября в первый день». Кроме того, на листе 754 следующая запись: «Лета 7114 (1606) июня в 3 день на память великомученика Лукьяна», а на обороте этого листа: «Сия книга глаголемая Летописец Сильвестр Артемьевич Огибанов; Книга господня, глаголемая Летописец государя Ивана Федорова сына Михаила».

Заслуживает также внимания вторая рукопись — сочинение Федора Поликарпова «История о владении российских великих князей вкратце. О царствовании десяти российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого и его войне против свейского короля Карола Второго на Десят пространнее описующая». В этой книге, написанной в 1715 году, автор подробно излагает историю России начиная с древних славян, описанных еще при Александре Македонском. Третья книга — «Лексикон латинский с русским толкованием речей» (№ 3 в каталоге). Четвертая — «Латинско-русский словарь».

Живя в Лондоне в 1698 году, Яков Брюс общался с крупнейшими учеными Королевского общества, впитывая все то новое, что было достигнуто научными исследованиями.

Ньютон, тогда уже признанный авторитет в научном мире, именно в 1680-е годы акцентировал свое внимание на астрономии и оптике. В 1671 году им был представлен в Лондонское общество зеркальный телескоп. В 1687 году появляется эпохальный труд Ньютона «Математические начала

натуральной философии». И это определяет круг интересов Брюса в 1698 году: математика, механика, астрономия, оптика. Как уже отмечалось, во время пребывания в Англии он близко общался с директором Гринвичской обсерватории Джоном Флэмстидом. Этот ученый был принят в число членов Лондонского Королевского общества в 1676 году и вскоре стал королевским астрономом, работавшим в недавно построенной обсерватории в Гринвиче. Но она не была подчинена обществу, будучи сугубо частным королевским учреждением. К постройке обсерватории короля побудила надежда, что с ее помощью будет быстро найден способ определения долготы мест, столь необходимый для нужд мореплавания. Но хотя здание в Гринвиче было построено очень быстро, король относился к своей обсерватории с тем же пренебрежением, какое он проявлял и к научному обществу. За 15 лет не было куплено ни одного инструмента, и Флэмстид располагал лишь тем, что получал в дар от частных лиц. Лишь благодаря исключительной энергии и самоотверженному труду Флэмстида обсерватория в Гринвиче, которую он возглавлял до 1719 года, смогла начать серию замечательных по своей точности наблюдений. Через 150 лет В. Я. Струве назвал их «основой наших астрономических знаний». Пик расцвета деятельности этой обсерватории пришелся именно на конец 1690-х годов. При этом посчастливилось присутствовать Брюсу.

Неслучайно, вернувшись из Англии, он направляет научные устремления Петра, и не только в области астрономии. Брюс по праву становится консультантом царя в разных отраслях.

С. П. Луппов писал: «…Брюсу поручались должности, требовавшие инженерного образования и хорошего знания иностранных языков… Высокообразованных людей при дворе Петра было немного, и поэтому он стремился как можно лучше использовать знания каждого из них. Помимо исполнения высших государственных должностей, Брюс всегда имел от Петра много других поручений, главным образом, связанных с распространением просвещения в России. Он учреждал школы с инженерным уклоном, принимал непосредственное участие в развитии книгопечатания в России, вербовал иностранных специалистов на русскую службу, вел переписку с иностранными учеными».

Зная о потребности России в подготовленных и обученных специалистах, Я. В. Брюс активно участвует в создании первых таких школ. Причем он в качестве руководителя артиллерийского ведомства постоянно следит за состоянием обучения в школах и их материальным обеспечением. Так, например, 17 декабря 1708 года Козлов и Павлов донесли Брюсу, что «школьные ученики,

которые учатца в ынженерной школе, у инженера Петра Грана, просили слезно: оный де инженер, тому ныне другой год науке учит малое число, и за детми его ездили в денщиках, и всяку домовную работу работают».

Первая такая специальная школа открылась в Москве в 1699 году. Это была Пушкарская школа А.А. Вейде. Одновременно с ней начала работать артиллерийская школа при бомбардирской роте Преображенского полка. Одним из активных организаторов этих школ являлся Я. В. Брюс.

При его участии была организована Математическая навигационная школа в здании Сухаревой башни на основании указа Петра I от 14 января 1701 года.

В том же году Пушкарская школа А.А. Вейде была преобразована в Артиллерийскую. В указе об учреждении школ говорилось: «Велено на новом пушечном дворе построить деревянные школы и в тех школах учить пушкарских и иных посторонних чинов людей детей их словесной и письменной грамоте и цифири и иной инженерной науке, а выучась, без указа с Москвы не съехать, также в иной чин, кроме артиллерии не отлучаться».

Подобная же Артиллерийская школа была учреждена в Санкт-Петербурге в 1721 году.

Наряду с артиллерийскими школами были учреждены и школы инженерные. В Москве — в 1712 году, в Санкт-Петербурге — в 1719 году (инженерная рота). В 1723 году эти инженерные школы были объединены в одну — в Санкт-Петербурге.

Кроме того, в новой российской столице функционировала гарнизонная школа, где учились солдатские дети. При учреждении в Москве военного госпиталя (во главе его стоял голландец доктор Бидлоо) была открыта Медицинская школа, первый выпуск которой состоялся в 1713 году. Подобная же медицинская школа создается и в Санкт-Петербурге при учрежденном там в 1716 году военном госпитале. Здесь число учащихся доходило до 50 человек, доктор З.З. Гульст преподавал анатомию, В. Гари числился оператором и учил «накладыванию бандажей». В 1719 году был основан Адмиралтейский госпиталь, где также имелись ученики, получавшие медицинское образование. Сохранился указ Петра от 23 мая 1719 года о прикомандировании к доктору Л. Блюментросту «для обучения лекарского» 30 учеников, знавших латинский и немецкий языки.

Обучение же иностранным языкам проходило в особых школах. В 1701 году возникла школа иностранных языков при Посольском приказе. В 1711 году эта школа была передана в ведение Приказа книгопечатного дела. Тогда она называлась

«Разноязычные немецкие четыре школы» (имелись в виду четыре преподаваемых иностранных языка: немецкий, французский, шведский и латинский).

При Приказе книгопечатного дела существовала еще одна школа — греческого языка, возникшая в 1709 году.

Обучение иностранным языкам велось даже в далеком от центра России Тобольске. Голиков в «Деяниях Петра…» сообщает, что в 1713 году в этом городе была открыта школа, в которой пленные шведские офицеры обучали местную молодежь немецкому, французскому и латинскому языкам. Помимо того, преподавались геометрия и рисование. Школа получила большую известность, и учиться в нее приезжали даже из отдаленных городов.

Кроме того, создавались школы, дававшие начальное образование представителям различных социальных слоев. Так, учреждались школы при отдельных ведомствах для обучения своих сотрудников и их детей, а также создавались в губерниях и провинциях общеобразовательные, так называемые цифирные школы, в которых могли обучаться дети независимо от ведомственной принадлежности и положения родителей. Следует отметить, что школы первого типа отличались от цифирных школ, поскольку в них, кроме общего образования (чтение, письмо, счет и т. д.), обычно давались и специальные знания.

Нельзя обойти вниманием школы при горных заводах, к которым Брюс имел непосредственное отношение. В 1716 году была организована первая в России горная школа при Канцелярии Олонецких заводов. В школу набрано было 20 детей бедных дворян, которых учили арифметике, геометрии, рисованию, артиллерии, инженерному делу. Именно это учебное заведение имела в виду Канцелярия Олонецких петровских заводов, когда она в 1724 году на запрос Сената об имеющихся школах отвечала: «Никаких школ, кроме железных заводов и горных дел, не имеется».

В 1721 году по инициативе В. Н. Татищева на уральских казенных заводах были учреждены две школы (Уктусская и Кунгурская), в которые брали учиться лишь грамотных детей. В школах проходили арифметику, геометрию, основы горного дела. В дальнейшем Татищев на Уктусском и Алапаевском заводах учредил также «словесные школы» для обучения грамоте. В декабре 1721 года Татищев доносил Берг-коллегию, что всего у него обучается 50 человек.

Вильгельм де Геннин учредил в 1724 году школу в новом городе Екатеринбурге, ставшем центром уральской промышленности. Было решено в Екатеринбургской школе

обучать арифметике, черчению, геометрии, а в прочих местах учредить лишь словесные школы. В связи с этим в Екатеринбургскую школу влились Уктусская и Кунгурская, а Алапаевская школа прекратила свое существование.

Еще одной из сторон обширной деятельности Я. В. Брюса были переводы. Рассказывая о военной карьере генерал-фельдцейхмейстера Брюса, мы уже касались некоторых его переводов, выполняемых даже во время походов.

С 1706 года Брюс надзирает за первой Гражданской типографией, созданной в Москве, и издательская деятельность становится частью его обязанностей. Так, в ноябре 1707 года Брюс пишет Петру: «Всемилостивейший Царь Государь. От величества вашего присланную ко мне книгу, об употреблении циркула и линейки, получил я сего месяца (ноября) 7 числа; и уж начел оную переводить, которою не замешкав переведу. Також и книгу Бухнерову, по переводе вышеписанной, исправляти буду. А математическую книгу, которую изволил мне прислать, и та изрядная, топко отчасти узловата есть. А писано во оной об оптике, или зрителном художестве, от части о астрономие, також о хранологие, си есть время ведание и пространно о Гномонике, или делании солнечных часов, за которую вашему величеству всеуниженно благодарствую и остаюсь вашего величества, моего всемилостивейшаго государя, нижайший раб Яков Брюс».

12 мая 1708 года Брюс просит у князя Репнина книгу «Часовник» «хотя на один день», а 31 мая, из Дубровны, сообщает царю: «Всемилостивейший царь государь. Вашего величества тчанием внов напечатаную ко мне посланную книжицу о комплементах получил я с не малою радостию не токмо ради того, что оная так преизрядно напечатана, что едва ль возможно латынскими литерами оныя путчей напечатать, но и ради оныя надобности, понеже будет многим вползу, за которую всеуниженно благодарствую. Что принадлежит первыя части Брауновой артиллерии, я оную еще всю не мог выправить за проклятою подагрою, которою одержым был болшии четырех недель, а потом припала было горячка, от которой у меня так было повредились глаза, что долгое время не мог оных к многому читанию и писанию употребить. К тому оная такова неисправна, что принужден чуть не каждою строку переписывать не толико переводчика, которой таковым делом был незаобычен, но сам творец тое книги такой стилус в оной употреблял, что зело трудно ево мнение разуметь и тому, кто оному делу и сам искусен, а наипаче в Геометрическом вымерении и вычитание. И мню я, что еще не будет оное дело доволно внятно тем, которыя таким вычитам незаобычайны. Теперь у оной осталось до

совершеннаго выправления дней на пять дела, и по окончанию тое части, начну другую, от вашего величества вновь присланную, исправляти».

Вместе с этим письмом переводчик И. Ф. Копиевич, состоявший тогда при Брюсе, послал Петру книгу Э. Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии».

Параллельно Брюс работал над переводами книг А. Кугорна «Новое крепостное строение» и «Геометрия, словенски землемерие» Буркхарда фон Пуффендорфа. О последней старший научный сотрудник библиотеки Российской академии наук Е. А. Савельева сообщает, что это было первая книга, напечатанная гражданским шрифтом в типографии Киприанова в 1708 году. «Некоторые исследователи даже считали Я. В. Брюса ее автором».

7 марта 1709 года он пишет Петру I из Богодухова: «По приказу вашего величества, послал я при сем письме половину книги Брауновой, выправленную и, дабы Кугорнову не остановить в выправке, того ради оная токмо тем подьячим, которым ее переписывал, поверивана. Токмо прошу не прогневаться, что оную не в переплете посылаю, для того, что здесь переплетчиков не обретается. Так же послано тут две книги, именуемые Зерцало Комендантов.

Что же принадлежит политической книжицы, о которой ваше величество изволили писать, и оная ныне у г. Шафирова, у котораго я ее наперед сего займывал». Мало того, 22 июня, т. е. за пять дней до Полтавского сражения, Брюс опять писал к Петру: «Кугорнову книгу еще я на страстной недели довершил, и прочтена оная от того подьячаго, который ее писал. Токмо за походом, который нам случился в первый день праздника, и до сего числа, я не мог оною сам прочесть. И ежели получу час свободный, то немедленно оную, выправя, пришлю вашему величеству».

5 сентября 1709 года, следуя к Прибалтике для осады Риги, Брюс писал из Слуцка Петру: «К Вашему Величеству послал я при сем письме книгу Кугорновой фортификации, которую вновь прочел и выправил, где какие описи были. И мню, что внятна будет разве не во многих местах не гораздо изъяснено; и то может выразумитесь, ежели если двою или трою раза с прилежанием причтется. Ради Бухнеровой артиллерийской книги послал я нарочно к Москве, а как привезут оную, и будет где стоянка, то начну иее выправливать». 11 октября 1709 года из деревни Саботиной, близ курляндской границы, Брюс вновь сообщает Петру: «Вашего Величества из Пустой Сольцы письмо, 16 сентября, получил я сего месяца 4 дня, в котором изволите приказывать, дабы наперед исправлять трактатец о механике. И я

Вашему Величеству доношу униженно, что намерен я оный трактатец вновь переводить (понеже он гораздо плох переведен), кой час на место придем; и деже стоянка будет. А в пути, за непрестанным маршем, зачинать было невозможно. А хотя в третий день и стоянка (дневка) бывает, то от непрестанных жалоб и докук здешних поляков не можно за нее принятись».

Так, во время военных походов, руководя артиллерийскими частями, Яков Вилимович занимался переводами необходимых для распространения в России книг.

С. П. Луппов отмечает, что для Брюса, как для переводчика, характерно чрезвычайно ответственное отношение к своей работе, желание сделать переводы как можно более понятными будущим читателям. Выступая по поручению Петра в качестве редактора переводов, сделанных другими людьми, он не просто правил текст, но, сличая его с оригиналом, исправлял как погрешности переводчика, так и стиль самого автора, становясь, таким образом, и редактором оригинала. Перевод книги Севела «Искусство нидерландского языка» натолкнул Брюса на мысль составить русско-голландский и голландско-русский лексиконы (словари), которые могли, по его мнению, пригодиться Петру I во время его поездки за границу.

С лета 1716 года до лета 1717 года этот перевод становится главнейшим ученым занятием Брюса, о котором он 18 июля 1716 года писал Петру: «…опасаюсь, что за недовольством сего языка (якоже вашему величеству известно), по желанию своему исправно и вразумительно написати не возмогу, понеже грамматика, пред иными книги, особливо достаточно искуснаго обоих языков переводчика требует, котораго здесь не изобретается».

2 ноября Яков Вилимович сообщает о ходе своей работы, затрудняемой различными препятствиями: «При сем доношу вашему величеству, что ныне две книги переведены, а именно география, ея же автор Гибнер называется, и како обносится, будто оная, удобства ради, уже и на английский и французский язык переведена, которая зело потребна будет всякому человеку ко знанию всех государств, также законов, обычаев и соседов, при том и фамилии владетелей их объявлены… и аще ваше величество соизволите их приказать печатать, чтоб о том его светлости кн. Меншикову приказать изволили, понеже от меня посланные фигуры, принадлежащие ко артиллерии французской, по се время еще не вырезаны». И Петр, сочувствовавший ученой деятельности Брюса, то предписывал из-за границы князю Меншикову, «когда генерал-фельдцейхмейстер Брюс заготовит к печатанию своего перевода книги и в них разные фигуры, то б

велел он все то от него принимать и печатать», то сам в ответ на последующие донесения Брюса писал генерал-фельдцейхмейстеру: «Письма твои октября от 2-го и декабря от 2-го же чисел, до нас дошли, из которых мы уведомились о трудах ваших в переводе книг, за что вам благодарствуем; что же упоминаете, для прибытия нашего в Голландию, потребны нам будут именования русских слов с голландскими по алфавиту из грамматики, и для того, оставя прочее в грамматике голландской, начали поспешать оными именованиями, и за сие паки вам благодарствую, и когда будет готово, то вели напечатать маленькую книжку (такую, чтоб можно носить в кармане), и пришли к нам сюда немедленно».

Петр, как следует из его переписки, проявлял необыкновенный интерес к переводу иностранных трудов на русский язык. Именно поэтому он и писал Брюсу по поводу «Голландской грамматики», а также насчет Азбуки для детей.

Относительно книги для детей Брюс писал в ответ, что он нашел две «подходящие» книжечки и когда переведет одну из них, то пошлет Петру гранки и, если его величеству что-либо не понравится, «пожалуйста соизвольте пометить это и можно будет это место выправить». Так же и с «Голландской грамматикой», когда Петр получил часть перевода на просмотр, он отвечал Брюсу через своего камер-секретаря Макарова: «Перевод хороший и (его величество) просит ваше превосходительство продолжать с тем, чтобы вашими трудами перевод был полностью выполнен вами лично».

Обремененный многими другими обязанностями, Брюс искал возможности справиться с переводом своевременно. Однако в переписке встречаются различные оправдания задержки. Петр предложил Брюсу некоего Ларионова в помощь, «а если он очень занят… возьми другого русского, кто преподает русскую грамматику». Огорченный Брюс в ответ писал, что у него и самого русский язык хороший, но дело не в этом, так как русскую часть можно выправить при чтении гранок в типографии. Ему нужен был человек, знающий не столько русский язык, сколько голландский. Меншиков предложил ему услуги переводчика из Адмиралтейства по фамилии Гамильтон, который знал латинский и немного голландский, но «по причине каких-то интриг» Гамильтона умыкнули. И вот теперь, когда он дошел до главы деклинаций (склонений), он не знал, как продолжать.

Брюс написал письмо в Амстердам автору «Голландской грамматики» с просьбой прислать ему словарь, с помощью которого можно было бы «расшифровать» оставшиеся триста слов. Лексиконы (грамматика) русско-голландский и голландско-

русский были не только переведены, но и изданы в 1717 году. В том же 1717 году появилось первое издание наставления для детей, о котором упоминал в письме Петру Брюс, оно называлось «Юности честное зерцало…».

Среди переводов Брюса были также книги З. Бухнера «Учение и практика артиллерии…», А. Влакка «Таблицы синусов, тангенсов и секансов…», И. Гюбнера «Земноводного круга краткое описание…».

Тот же Луппов, ссылаясь на авторов описания изданий гражданской печати, называет Брюса переводчиком книги «Книги мирозрения, или Мнение о небесноземных глобусах или их украшениях» Христиана Гюйгенса, чаще называемой «Космотеорос». С изданием этой книги произошла настоящая детективная история, о которой нельзя не рассказать. Воспользуемся уже приводимым переводом В. И. Зотова работы канадского ученого В. Босса «Ньютон и Россия».

«Вскоре после выхода в свет второго издания «Начал» Ньютона Петр Великий приказал перевести на русский язык книгу Христиана Гюйгенса «Космотеорос…», которая была первой книгой на русском языке, интерпретирующей космологию Ньютона. Она стала также первой научной книгой, переведенной на русский язык. Автор труда, один из величайших ученых-математиков того времени, был другом Ньютона. Они оба восхищались работами друг друга. Действительно, за несколько лет до Ньютона Гюйгенс разработал математические данные для центробежного действия.

Однако их взгляды по поводу сохранения энергии, а также по вопросам пространства и времени сильно отличались друг от друга. Прочитав научный труд «Математические начала натуральной философии», голландский ученый критически отнесся как к постулату Ньютона о всемирном тяготении, так и к его вере в существование абсолютного космоса и движения. Будучи интеллектуальным последователем Декарта, он оставил основные очертания его философии. Даже его обращение к изучению центростремительной силы и закона динамического воздействия было скорее подсказано ему Декартом, чем Ньютоном. Гюйгенс не мог сопоставить сваи механистические теории с законом обратных квадратов гравитационной силы, которая, по его мнению, была «новым и важным качеством гравитации, причину которой крайне необходимо было найти»».

Но «Космотеорос» был написан Гюйгенсом в самом конце его жизни, когда, по его собственному признанию, он находился под очень сильным влиянием фантазии картезианства. Поэтому оригинальное издание на латинском языке, увидевшее свет через

год после его смерти, в 1695-м, отражает окончательную точку зрения Гюйгенса. Эта точка зрения представляет огромный интерес не только потому, что она занимает среднее положение между взглядами Декарта и Ньютона, но и тем, что она является profession de foi великого ученого XVII века. Спрос на книгу был необыкновенно высок, и вскоре она была переведена на английский, французский, русский и немецкий языки. Брюс заверял читателей, что он старался «полнее передать мысль ученого и, по возможности, сохранить манеру автора». То, что изданию этой книги придавалось особое значение, подтверждается тем, что Петр Великий прочел рукопись нового предисловия, а возможно даже, и сам участвовал в написании предисловия.

В России книга Гюйгенса явилась совершенно новым жанром научной литературы. Переводчик безусловно стремился разъяснить открытия, достижения науки Запада и сделать их понятными «читающей по буквам публике».

Вступление к русскому изданию открывается несколькими цитатами из Библии, которых нет в оригинале. Таким образом, читателю незаметно и мягко вселяют веру в то, что «таинство достойно удивления». А именно: наш мир не является центром Вселенной — «как кажется нам живущим на этой земле». В действительности наша Земля такая же, как и другие планеты, и вращается вокруг Солнца. Русский перевод начинается благословением, а заканчивается выражением «Соли Део Глория». Должно быть, так Брюс пытался придать этому смелому открытию ауру духовного одобрения.

Действительно, основной целью предисловия было сгладить для маловерных читателей устрашающую прямоту текста книги. Староверы буквально набросились на этот труд, а несчастный издатель говорил об этой книге как о промысле дьявола.

Причина этого страха совершенно ясна, так как революционная идея всей книги высказывается на самой первой странице: «Любой человек, который разделяет мнение Коперника о том, что наша Земля является Планетой и, как другие Планеты, вращается вокруг Солнца и освещается им, не может, хоть иногда, не предположить, что другие планеты имеют свою одежду и мебель и своих жителей так же, как и эта наша Земля, особенно если он (человек) принимает во внимание последнее, сделанное после Коперника, открытие спутников Юпитера и Сатурна, а также обнаружение равнин и возвышенностей на Луне, что явилось доказательством родственной связи между ними и нашей Землей, а также доказательством этой системы…»

Ранние писатели, такие как Николай Кузанский, Кеплер,

Джордано Бруно, «и, если можно верить, то и Тихо Браге были того же мнения», они также «населяли» планеты жителями, но их ошибка состояла в том, что они сочиняли сказки о людях на Луне. Гюйгенс, с другой стороны, «придавал этому вопросу серьезное значение» и пришел к выводу, что «исследование этой проблемы имеет практическое значение и нельзя останавливаться перед трудностями, а также имеется огромное поле для предположений…».

От некоторых, «чье невежество или рвение не знало границ», можно было ожидать «ужасного приговора»:

«Люди, не имевшие представления о геометрии или математике, будут смеяться и сочтут это чудачеством и смехотворным предприятием. Для них разговор об измерении расстояния до звезд, а также разговор об измерении размера звезд — является самым настоящим колдовством: а что касается движения Земли, сделали замеры, точно ли, по крайней мере случайное мнение; и не удивительно поэтому если они примут то, что основано на такой шаткой почве для мечты фантастической головы и для расстроенного сознания».

Все это касается любителей, дилетантов и невоспитанной публики. Вторая группа, которую он имеет в виду, — духовенство. Против них, впрочем, как и в других подобных случаях, он прибегает к тем же самым аргументам, что и Галилей. Гюйгенс здесь более искренен и стремится к «ясности выражений», т. е. к тому стилю, который так высоко ценил Ньютон.

Когда они слышат, что мы говорим о Новых Землях и Животных, наделенных таким же разумом, как и они, эти люди немедленно проявляют готовность к религиозным восклицаниям, что мы выдвигаем свои гипотезы против мира Бога и что наше сверлящее мнение прямо противоположно Священному Писанию…

Но что касается миров на Небе, «они хранят полное молчание. Либо эти люди приняли решение их не понимать или они абсолютно невежественны. Так им так часто отвечали, что мне даже стыдно повторять это. Совершенно очевидно, что Бог не имел намерения делать такого подробного Перечисления в Священном Писании, всех деяний его Мироздания».

«Но, может быть, — иронически замечает Гюйгенс, — они скажут, что нам не пристало быть настолько пытливыми и так назойливо любопытными в этих вещах, которые Всевышний Создатель кажется сохранил в тайне…» И он отвечает им более резкими словами.

Далее Гюйгенс пишет, что, если бы человек прекратил научные исследования, то так бы ничего и не узнали о размерах и

форме Земли, не ведали бы, что такое Америка и где она есть. Все люди считали бы, что Луна светит своим светом и, может быть, все мы стояли по уши в воде при каждом затмении, как до сих пор это делают индейцы. Не стали бы известны нам и многие другие открытия в астрономии.

Затем следует интересная защита права натурального философа «вести исследование в природе вещей». Предположение — это перевод латинского слова «гипотеза» — оно не бесспорно, так как еще не доказано. Если же предположение доказано наблюдениями, оно становится «значительной помощью прогрессу, разуму и морали».

Один из биографов Ньютона, Л. Т. Мор, считает, что такие люди, как Роберт Гук и Гюйгенс, полагались на внутреннее чувство и, возражая Ньютону, «просто противопоставляли теорию гипотезе». Вне зависимости от значения этого определения. По «Космотеоросу» становилось ясно, что Гюйгенс все еще колебался между картезианством, по которому объекты научного исследования являются продуктом мысли, и феноменолизмом Ньютона, который рассматривал их как внешние реалии. Таким образом, если русский читатель впервые знакомился с современным научным методом по книге Гюйгенса, то ему становилось очевидным, что для доказательства любого утверждения следует шире практиковать «наблюдения».

Несмотря на такую явную демонстрацию своей беспристрастности, справедливость Гюйгенса определяется характером «предположения», которое он пытался доказать. Христианство базируется уже много веков на предположении, что человек является вершиной творения Бога. Если расширяющаяся Вселенная и возможность существования разумных существ в других мирах не разрушают уникальность, единственность Христа, то это, безусловно, подвергает огромной опасности христианскую теологию. Гюйгенс предпринимает попытки устранить возможность такого опасного вывода, обходя стороной религиозные выводы. Он оперирует в основном такими светскими концепциями, «идеями», как смысл, справедливость, мораль и т. д. Парадоксальность его положения заключается в том, что для доказательства абсурдности чего-либо по первому впечатлению он должен подчеркивать абсолютную разумность нашей собственной Солнечной системы.

Система Коперника, эллиптический курс, открытый Кеплером, а также и гравитация, «которую И. Ньютон объяснил так подробно, с необыкновенной простотой», и послужили неопровержимым доказательством того, что природа имеет понятную структуру. Из этого можно сделать логический вывод,

что по картезианской теории природа является шифром или тайнописью, зафиксированной и решенной. По крайней мере, в общих чертах в математике, в этом памятнике человеческому разуму, ключом от которого мы владеем.

Это является основной темой всей работы Гюйгенса, что же касается его категоричных выводов, то они ясно выражены в его нападках на А. Кирхнера. Иезуит, автор книги «Итер Экстатикус», Кирхнер, как и Гюйгенс, верил во множественность миров. Эта вера являлась основной нитью его книги, в которой он посещает различные планеты в своих сновидениях. Однако вместо того, чтобы найти в нем ценного союзника, Гюйгенс отрицает эту книгу за ее легковесностьи ненаучность. Выводы Кирхнера могли бы быть идентичными, если бы он не совершил грубую и непростительную ошибку своей привязанностью к взглядам Тихо Браге, Аристотеля и других докторов в то время, когда было совершенно ясно, что «Коперник их всех освободил… тем, что доказал движение Земли».

Из этого следует, что книга Кирхнера является «пустой и бессмысленной чепухой» — не потому, что выводы неправильны, а потому, что они основаны на ложных логических предпосылках. Главной целью Гюйгенса было не столько доказать состоятельность теории Коперника, сколько показать в «Космотеоросе», что та же неотъемлемая логика, с помощью которой была определена роль природы по отношению к Земле, может быть в равной степени применима и к другим планетам. Действительная красота системы Коперника состояла в математических выкладках и в эстетическом совершенстве. Вот почему главным аргументом для доказательства множественности миров «следует и взять и считать расположение планет». С этой точки зрения, Земля становится, по словам Гюйгенса, всего лишь «маленьким комочком пыли».

Другие планеты должны быть такими же, как Земля, так как они также получают свет от Солнца, также вращаются вокруг своих осей, что было доказано открытием спутников Сатурна, которое сделал Гюйгенс.

На основе других подобных «аргументов сходства», как он их называет, он считает само собой разумеющимся фактом, что другие планеты должны быть твердыми, как Земля, и во всех отношениях должны подчиняться закону гравитации Ньютона: «Сила, которая подобно природному магниту, притягивает, так как к центру все, что находится рядом с ним».

Интересно здесь то, что Гюйгенс безоговорочно принимает гравитацию Ньютона, которую он раньше отвергал. Хотя он считал, что гравитация приемлема только по отношению к

небесным телам и не приемлема для индивидуальных частиц материи.

Коль скоро планеты подчиняются одним и тем же законам, нет причины считать, что они не должны содержать другие живые существа: «Никто не сомневается, что Бог по своему желанию сотворил животных в Америке и в других отдаленных странах. И они такие же, как наши (а природа, вы знаете, стремится к многообразию), однако мы знаем, что он не сделал так». Из этого следует, что планеты должны иметь животных, похожих на наших. А также там имеются вода и растения. Это дает повод для интересной атаки на картезианцев, которые все выводы делали из «атомов и движений». А когда дело доходит до объяснения происхождения растений и животных, «они попадают в затруднительное положение и не дают убедительного объяснения их происхождения».

Все это было лишь прологом к самому потрясающему заявлению Гюйгенса: на планетах живут «планетяне, имеющие некоторый разум». Может быть, такой же, как у нас? И отвечает утвердительно, так как он должен быть таким, если «мы будем рассматривать его в применении к справедливости и морали или в применении к принципу и основам науки… По той причине, что цель и назначение создателя заключались в сохранении и обеспечении безопасности его тварей». Далее автор в своей книге приходит к еще более ошеломляющим выводам при помощи «аргументов сходства». Если страх перед затмениями заставил человечество изучать астрономию, то астрономия должна быть еще более развитой на Юпитере и на Сатурне, так как там затмения их лун происходят значительно чаще. Если у них есть астрономия, то они знакомы с геометрией, арифметикой и оптикой «по той причине, что изучение искусства и науки не может развиваться не по законам природы». По той же причине планетяне должны быть знакомы и с искусством письма и живописи… Они также знают музыку. Это предположение основано на самом необычном аргументе, который показывает, насколько сам Гюйгенс и его современники были подвержены абстрактному представлению о природе.

Гюйгенс сообщает о том, что в Америке есть такая птица, которая может по порядку спеть шесть музыкальных нот. Из этого следует вывод о том, что законы музыки установлены природой и они неизменны.

С необыкновенной откровенностью Гюйгенс говорил о том, что некоторые могут заявлять, будто планетяне «лишены изысканных знаний и так же, как американцы, были лишены их до начала торговли с европейцами». Однако он считает, что это

невозможно. Кажется вполне правдоподобным, что они похожи на нас, землян, что они также живут в домах, у них есть корабли и, повторяет он еще раз, у них есть геометрия, а также «наше изобретение — таблицы синусов, логарифмов и алгебра» (это изобретение было введено в России только во времена царствования Петра Великого). Он даже предполагает, что там может быть такое «изобилие и богатство» на планетах, что у них не может быть ни необходимости, ни желания воровать друг у друга; не исключена возможность, что они настолько честны и добры, что живут в вечном мире и никогда не покушаются на жизнь своего соседа.

Гюйгенс с гордостью перечисляет все последние достижения науки, которые планетяне вполне могли превзойти. Этот список достижений включает и его собственные открытия (маятниковые часы, «громогласная» труба, кровообращение и пр.).

Среди других открытий Гюйгенс выше всего ставил предположение Борелли о законах гравитации, которые подтвердил Исаак Ньютон.

Через пять лет после выхода в свет «Начал…» Гюйгенс писал Ньютону, что, по его мнению, идея всемирной гравитации «абсурдна». Однако уже в «Космотеоросе» он излагает свой окончательный вывод: он вынужден признать, что объяснение комет, сделанное Ньютоном, значительно лучше, чем что-либо предполагаемое Декартом. Трудно было понять, как могли кометы проходить сквозь вихри, требуемые Декартом. Также трудно объяснить эксцентричность планетарных орбит, реальное ускорение и задержку планет на их орбитах, кроме как на линиях, начертанных Ньютоном. Он также соглашался с Ньютоном по поводу формы Земли и с его идеей мироздания.

Гюйгенс заканчивает свою книгу печальным репримандом своего учителя. Гюйгенс писал: «Я удивляюсь, как это Декарт, человек, который первым начал разумно говорить о причинах гравитации, никогда не вмешался в это дело и не пролил свет на проблему».

Он считал, что у Декарта не было даже представления об огромных размерах звездной системы, а также о расстояниях между звездами, что подтверждается тем фактом, что «он считал, что как только какая-нибудь комета появлялась в нашем вихре, она становилась видимой нами. Это, конечно, абсурд. Как может звезда, которая дает нам такой огромный свет только как отражение луча Солнца… как можно это так ясно видеть на расстоянии в десять тысяч раз больше, чем диаметр орбиты Земли?».

Гюйгенс не мог поступить так, как через тридцать лет

поступил Вольтер, т. е. выбросить всю теорию картезианства и говорить о «философских принципах Декарта». Но разве сам Декарт не понимал, что вокруг Солнца существует «экстенсум» такой огромный, что «по системе Коперника магнус Орбис всего лишь фасад по сравнению с ним». Но действительно, продолжает он, «вся эта история с кометами и планетами, а также сотворение мира зиждятся на такой шаткой основе, что я часто удивлялся, как такой честный человек, мог заниматься такой ерундой». Далее Гюйгенс заключает, что он, со своей стороны, был бы вполне удовлетворен, если бы ему удалось «разгадать природу вещей, какими они являются сейчас, не утруждая особенно себя проблемами их возникновения (какими они были раньше), или как они были сделаны, зная, что это вне поля человеческого познания и даже предположения».

О глубине потрясения, которое вызвала книга Гюйгенса, можно судить по жалобам ее издателя Михаила Петровича Аврамова, называвшего эту книгу сатанинской. По мнению издателя, «атеистические и богохульные» книги таких авторов, как Фонтенель и Гюйгенс, приводят к разложению общества. Однако Аврамов не делает никаких теоретических выводов, не сообщает критических замечаний по поводу идей книги, вызвавших его возражения. Он просто неоднократно повторяет обвинение «атеисты», считая, что этого вполне достаточно, чтобы осудить их. Аврамов предлагает таким авторам «запечатать рот».

Гравитация Ньютона, а также физические аспекты картезианской космологии, как они были описаны Гюйгенсом, выглядели для Аврамова бессмысленными и незначительными наряду с транспланетарной жизнью.

Аврамов был старовер, хотя вначале он приветствовал светские нововведения Петра. Затем он изменил свое отношение, углубился в религию еще больше и направил свою энергию на различные законодательные проекты по восстановлению патриархата и ослабевающей власти духовенства. Он заводил интриги против Феофана Прокоповича, которого считал виновником того, что Петр начал секуляризацию. Аврамова неоднократно арестовывали и сажали в тюрьму. С невероятным упрямством он использовал любую возможность, чтобы поддержать противодействие духовенства. При Петре II, при Анне и Бироне его преследовали и отвергали. Когда пришла к власти набожная Елизавета и влияние духовенства опять усилилось, его голос, наконец, услышали, и Аврамов направил императрице петицию, в которой сообщал, что еретические идеи «Космотеороса» были частью той зловещей иностранной программы, предназначенной для разложения его сограждан.

И хотя петиция Аврамова была написана через двадцать лет после публикации «Космотеороса» в России, все же это письменное свидетельство представляет исключительную ценность, так как проливает свет на авторство перевода книги. Работа Гюйгенса была известна ученым, а оба издания перевода этой книги являются редкостью и еще недостаточно изучены. Все же одни ученые приписывают этот перевод барону Гюйссену, а в библиографии Сопикова его относят к Джону Вернеру Паусу. Однако ни Паус, ни Гюйссен не были переводчиками «Космотеороса»; этот перевод принадлежит перу Якова Вилимовича Брюса. Что и доказывает петиция Аврамова.

«В 1716 году, — писал Аврамов, — генерал Яков Брюс подарил его величеству императору… только что переведенную книгу. Воздействуя на царя, как обычно, своими скрытыми и хитрыми похвалами, скрывая таким образом безбожные и вероломные намерения, Брюс расхваливал книгу этого безумного автора Кристофора Гюйгенса, утверждая, что она очень умная и полезная для образования нашего народа, а особенно она необходима для навигации. Вот такой обычной и безбожной лестью обманул его величество».

По Аврамову, царь принял перевод Брюса, даже не прочитав его. Обращаясь к Аврамову, царь Петр строго приказал ему напечатать максимальное количество экземпляров — 1200 штук. Но, как выяснилось впоследствии, в судьбе «Космотеороса» отрицательное мнение Аврамова оказалось более важным, чем мнение самого Петра Великого. Хотя Аврамов не имел влияния при дворе, но от него многое зависело, так как он был директором Санкт-Петербургской типографии, которой было поручено печатание этой книги. Царь в это время был в Европе: вначале в Голландии, а затем во Франции, где из рук Фонтенеля получил награду Парижской академии за заслуги в развитии науки. Аврамов считал, что нельзя упустить такую благоприятную возможность — отсутствие Петра. «Царь в отъезде. Я еще раз прочел эту книгу и убедился, что она во всех отношениях противна Богу. Я пал на колени перед Богоматерью со слезами на глазах (с трепещущим сердцем и благоговейной душой) и молился, не зная, что делать, — боялся печатать и боялся не печатать». Эта нерешительность вскоре была преодолена с «помощью Иисуса Христа». Его посетила мысль «просветить этих сумасбродных безбожников, этих безбородых богоборцев», сократив тираж. Он напечатал всего лишь тридцать экземпляров. И даже эти тридцать он надежно спрятал.

Брюс не знал об этой нечестной игре Аврамова и писал Петру, который находился все еще во Франции, жалуясь на

непонятную задержку в печатании. Кроме того, летом 1717 года Брюс был занят переводом не только «Космотеороса». Одновременно по заказу царя он переводит «Голландскую грамматику» и Азбуку для детей.

Аврамов рассказывал, как по приезде царя из Европы он «взял эту сумасбродную книгу и дрожащими руками положил ее перед его высочеством и рассказал ему, что книжища эта самая противная Богу, самая отвратительная. Она заслуживает только одного — быть сожженной вместе с ее взбешенным, лживым переводчиком Брюсом».

Как пишет далее Аврамов, царь выслушал его и, забрав книгу, долго обдумывал этот вопрос… Прошло две недели, никакого приказа распространять ее в народе не последовало». Конечно, «не последовало», так как Петр прибыл из-за границы с уверенностью, что перевод напечатан, как было условленно, и вторично давать указание о «распространении ее в народе» не имело смысла. Но Аврамов не мог лишить себя удовольствия сказать: «Царь указал вернуть «Космотеорос» бешеному переводчику Брюсу, чтобы он отослал все экземпляры в Голландию, а также и все тридцать напечатанных книг».

Написанная много лет спустя петиция Аврамова выглядит скорее как оправдание, нежели как попытка описать действительные события. Но описание разговора с Петром вряд ли было преувеличением со стороны Аврамова. Оно было включено умышленно с вполне определенной целью: показать важность своей роли общественного цензора.

По всей вероятности, Петр не распознал настоящие цели Аврамова.

Совершенно очевидно, что Аврамов и сам не всегда ясно себе их представлял. По характеру он был человеком страстным и неустойчивым, и его «решимость» во время печатания «Космотеороса» вряд ли могла быть такой неожиданной, окончательной или до такой степени непоколебимой, как он утверждает. Это доказывается тем фактом, что его компиляция по Овидию вышла в свет не до книги Гюйгенса, а четырьмя годами позже, т. е. в 1721 году.

И еще из письма Брюса Петру от 2 ноября 1716 года явствует, что «филозофо-математическая в готовности, о которой ваше величество, отъезжая отсюда, письмецо ко мне изволили прислать, чтоб ее мне самому перевесть и преж сего предисловие от оной у меня в доме изволили читать. И понеже во оной из субтильнейших частей ума человеческаго представляется, того ради, наипаче ж от зело спутаннаго немецкаго штиля, которым языком оная писана, невозможно было переводом оныя

поспешить, понеже случалось иногда, что десять строк в день не мог внятно перевесть, чтоб авторово мнение довольно изъяснити мог».

«Письмецо», на которое ссылается Брюс, не было опубликовано, но если Петр читал предисловие, то, естественно, нет никаких оснований верить утверждению Аврамова, что царя обманным путем уговорили напечатать эту книгу, а также сомнительно, что Брюс использовал только навигацию как аргумент в пользу издания книги, так как в работе Гюйгенса нет ничего, даже отдаленно связанного с навигацией. Однако все это доказывает то, что идея сделать перевод Гюйгенса исходила именно от Я. В. Брюса.

Кроме всего этого, разносторонний Брюс тогда уже занимается естественными науками и начинает собирать в своем доме кабинет редкостей, впоследствии известный по всему миру. 23 марта 1716 года он пишет в Казань, к состоявшему в артиллерийском ведомстве майору Молоствову: «Благородный господин майор. Посланной от вас камень я получил, за которой благодарствую. А оной камень подлинно мармор. И вы пожалуйте отпишите ко мне, ежели можете наведатца, и с которых мест оные туда приваживаны. Да сказывал мне брат ваш, что он видел многие камни у Карованных гор. И я прошу вас тамо между оными поискать таково ж родства, и ежели сыщете, то хотя небольшой пришлите ко мне. А паче прошу, о чем и наперед сего просит вас, о присылке каменя алебастра, под которым сера самородная водитца, чтоб онаго, выломя, прислали ко мне, а именно чтоб алебастр вместе с серою срозса б».

Брюс, как видно из письма его Петру от 16 марта 1716 года, имел корреспонденцию с нюрнбергскими географами по вопросу о создании среднего атласа из 24 карт и «во что оныя станут и сколь скоро сделаются».

Кроме того, Брюс был автором книги «О превращении фигур плоских во иные такого же содержания»(1708).

М. Д. Хмыров писал о Брюсе: «Астроном и математик, артиллерист и инженер, ботаник и минералог, сфрагист и географ, автор нескольких и переводчик многих ученых сочинений, — граф Брюс, бесспорно, был просвещеннейшим из всех сподвижников Петра и чуть ли не первым деятелем на поприще тогдашней русской педагогики».

Уникальна не столько энциклопедичность знаний и устремлений петровского сподвижника, но еще и глубина осознания необходимости популяризации новых знаний в России. Чего, например, стоят коллекция китайских редкостей из собрания Брюса и изучение им восточных языков. В одном из

писем Якова Вилимовича, адресованном, видимо, профессору Байеру, излагаются результаты исследований мунгальского (монгольского) и китайского языков.

В 1731 году Брюс сообщает в письме профессору механики и оптики Петербургской академии наук Георгу Лейтману об исследованиях по определению удельных весов металлов. Им была составлена методика, на основе которой определены удельные веса меди, золота и серебра. Удельный вес меди совпадает с современными показателями.

При активном участии Брюса составляются первые в России таблицы логарифмов.

Совершенно уникальна находка, сделанная Брюсом в Кенигсберге в 1711 году, — список «Повести временных лет» Нестора («Радзивилловская рукопись»). Летопись была переписана одним из служителей Брюса и передана им В. Н. Татищеву в 1719 году с пожеланием заняться историей России. Поэтому в своей книге «История Российская» Василий Никитич писал о Брюсе как о своем наставнике и учителе, как о человеке, давшем ему путевку в жизнь. При этом автор свидетельствует, что граф Брюс был «высокаго ума, остраго разсуждения и твердой памяти; будучи из младых лет при Петре Великом, многие к знанию нужныя и пользе государя и государства с английскаго и немецкаго на российский язык книги перевел и собственно для употребления его величества геометрию со изрядными украшениями сочинил».

И все же Брюс как ученый сделал еще более значительные успехи в организации российской науки, определении направления ее развития. В этом, безусловно, решающую роль сыграла его приверженность идеям И. Ньютона. Наиболее наглядно это проявилось при организации Петербургской академии наук.

Создание школ и профессиональных училищ, издание учебной и переводной технической литературы дали первые сотни отечественных специалистов для армии и флота, промышленности и строительства. Появление обученных геодезистов и навигаторов позволило составить научно обоснованные карты Сибири и Камчатки, начать гидрографические работы на Балтике, впервые установить правильные очертания Каспийского моря. Последними крупными предприятиями Петра были посылка в 1725 году первой камчатской экспедиции под командованием Витуса Беринга и начатая в 1720-е годы съемка для составления Генеральной карты России. Этим работам, однако, недоставало точности из-за отсутствия обсерваторий и должной астрономической подготовки

геодезистов.

Были посланы первые экспедиции врачей и ботаников для изучения природных богатств страны: Д. Г. Мессершмидта — в Сибирь, Г. Шобера — на Кавказ, И. Х. Буксбаума — в окрестности Петербурга и в южные районы. Однако и для развития экспедиционного дела не хватало специалистов. Страна испытывала острую нужду в образованных людях. Эту задачу мог бы частично выполнить университет. Но университеты, это Петр знал из личного знакомства с ними, не могли создать научную основу для развития производства.

Поэтому, еще не решив, какого типа научное или учебное учреждение необходимо России, Петр создавал различные училища, а также научную библиотеку, музей, кабинет машин и инструментов. После Полтавской победы и укрепления Петербурга как столицы государства книги, коллекции и инструменты перевозятся из Москвы в Петербург. Вопрос об организации русской науки становится предметом обсуждения с учеными и прежде всего — с великим Лейбницем, который, разочаровавшись в возможностях научного общества в Берлине, все чаще обращается к России, с которой поддерживает связь через Брюса и русских дипломатов.

По мысли Лейбница, в качестве одной из коллегий должна была выступать академия, которая будет заботиться «о введении, приращении и процветании всех добрых наук в империи». Россия представлялась Лейбницу «непочатым полем», где можно избежать заблуждений и ошибок, допущенных на Западе. Он успешно рекомендует практические приложения наук — в медицине, в горном и монетном деле, пишет об астрономических наблюдениях, которые могут пролить новый свет на мореплавание и географию. Примечательно, что Лейбниц говорил о задачах, которые настоятельно выдвигались русской действительностью и уже успешно решались, в том числе и Я. В. Брюсом.

Сам Петр стремился узнать много нового о различных типах высших научных и учебных учреждений, бывая за границей. Во время своего пребывания во Франции летом 1717 года он интересовался постановкой преподавания в Коллеже четырех наций. В беседах с президентом Парижской академии наук Кассини, учеными Вариньоном, Гильомом Делилем Петр выяснял пути использования астрономии, математики и географии для нужд изучения страны.

В научном мире Европы в то время существовали две точки зрения на методы исследовательской работы. Они касались различных сфер деятельности и познания. В частности, решался

вопрос об определении формы Земли.

И. Ньютон на основе теоретических представлений о тяготении пришел к заключению о том, что Земля должна иметь форму сплюснутого у полюсов сфероида. Результаты его исследований были опубликованы в 1687 году в «Математических началах натуральной философии». В 1690 году также на основе теоретических соображений к аналогичному заключению пришел и Х. Гюйгенс.

Однако этому выводу противоречили градусные измерения, выполненные в XVII веке. Согласно этим измерениям получалось, что Земля должна иметь форму вытянутого у полюсов сфероида. Наиболее полно разработал эту гипотезу Ж. Кассини, опиравшийся не только на измерения парижского меридиана, но и на сформулированную Р. Декартом вихревую систему мира. В то время эта теория пользовалась всеобщим признанием. Неудивительно, что гипотеза Кассини получила широкое распространение во Франции, где в науке господствовало картезианство.

Это мнение разделяло и подавляющее большинство ученых Европы. Лишь на Британских островах, где учение Ньютона уже завоевало признание, преобладало представление о сплюснутой у полюсов форме Земли.

Возможно, всех этих противостоящих друг другу точек зрения не знал прибывший в 1717 году в Париж Петр, однако под влиянием научного консультанта Брюса он был убежденным сторонником ньютонианства и по достоинству оценил деятельность Ж. Н. Делиля. Свои исследования Ж. Н. Делиль продолжил в России, нанятый русским царем для работы в Петербургской академии наук. Он стал основателем Астрономической школы, в которой исследованиями занимались Л. Эйлер, А. Кантемир, А. Д. Красильников, Н. Г. Курганов, М. В. Ломоносов и многие другие ученые, приобщившиеся к работе астрономической обсерватории в Санкт-Петербурге.

Подобно Делилю, в Санкт-Петербурге в 1725–1727 годах оказались в основном приверженцы ньютонианства, среди которых были братья Никола и Даниэль Бернулли, друг Делиля хирург и анатом И. Г. Дювернуа, математик Х. Гольдбах, Ф. Х. Майер, Г. В. Крафт, Г. В. Миллер, Т. З. Байер и другие. В Петербурге была возможность изучать научное наследие Ньютона и творчески его осваивать, выявляя и устраняя все вкравшиеся в него ошибки.

Формируя штат академии, Петр посылал своих представителей в европейские страны с целью найма ученых. Одним из таких представителей был В. Н. Татищев, который в

своем «Разговоре о пользе наук и училищ» вспоминает, как в 1724 году, когда он отправлялся в Швецию, ему поручили среди других дел искать профессоров в учреждавшуюся академию. Когда он высказал сомнение, что профессорам учить-то некого, Петр сказал: «Я имею жать скирды великие, токмо мельницы нет, да поставить водяную и воды довольно в близости нет, а есть воды довольно в отдалении, токмо канал делать мне уже не успеть, для того, что долгота жизни нашея ненадежна». Следовательно, Петр сознавал, что не все еще предпосылки созрели для успешного выполнения его замыслов. Но он торопился. Спешил «построить мельницу», чтобы, как он сказал Татищеву, наследников своих «лучше понудить к построенной мельнице воду привести».

Зная новаторский характер многих предприятий Петра, можно с полным основанием предположить, что идея объединения ученых умов в одном учреждении академии или университете принадлежит самому Петру и он сам наметил основные положения проекта об Академии наук, который был написан Блюментростом и с поправками Петра 22 января 1724 года обсуждался на заседании Сената.

На первый взгляд может показаться, что найм ученых носил спонтанный характер, ведь для работы в Санкт-Петербурге приглашали иностранных ученых русские дипломаты Б. И. Куракин (Париж), А. Г. Головкин (Берлин), выезжали за границу Нартов, Шумахер, сам Петр и Я. В. Брюс. Однако каждая кандидатура не просто заранее обговаривалась, велись долгие переговоры, учитывались специальные рекомендации. Неслучайно процесс формирования коллектива ученых академии продолжался с 1718 по 1727 год. Одна из ведущих ролей в этом принадлежала Брюсу. Недаром исследователь жизни Брюса М. Д. Хмыров еще в XIX веке отметил, «что Брюс, как ученый, некоторым образом влиял на Петра, это, несомненно, доказывается многими распоряжениями последнего, объявленными в доме Брюса, тут же, конечно, внушавшего их царю, который, как известно, не любил ничего «отлагать в даль»».

Кроме того, академия пользовалась особой благосклонностью русского двора и особенно императрицы Екатерины 1.15 августа 1725 года она дала торжественную аудиенцию первым приехавшим в Россию профессорам, на которой присутствовали обе ее дочери — Анна Петровна и Елизавета Петровна, а также внук Петра — будущий император Петр II. Были здесь А. Д. Меншиков и Я. В. Брюс.

Весьма пышно проводились и первые публичные собрания академии, на которые, как отмечали современники, съезжался весь Сенат, Синод, генералитет, министры, посланники и

множество придворных, а порой и сама императрица. В числе гостей бывали Феофан Прокопович, а также юные Петр Апостол и Антиох Кантемир. Выделив необходимые средства на содержание академии, передав ей библиотеку Петра I и купленные по его приказу книги, инструменты и коллекции Кунсткамеры, Екатерина больше не вмешивалась в дела этого учреждения, предоставив ему полную свободу научных исследований.

В Петербурге первой половины XVIII века сложилась весьма благоприятная для научной работы обстановка. Петербургские ученые имели вполне достаточно средств для проведения своих исследований. Даже малейшие бытовые нужды академиков, по желанию Петра, поначалу обеспечивались за счет государства, дабы ученые не отвлекались от научных занятий и «времени не теряли бездельно».

Такая работа дала и соответствующие результаты. Академия подготовила десятки русских ученых, стала основой для развития научных исследований в России, к 1745 году был составлен «Атлас Российский», были обоснованы и экспериментально доказаны идеи И. Ньютона о форме Земли, было доказано отсутствие на Луне плотной атмосферы и подготовлено знаменитое открытие Ломоносовым атмосферы Венеры в 1761 году. Это блестящее астрофизическое открытие XVIII века стало крупнейшим завершением исследований, начатых в Петербургской академии в 1726 году. В области небесной механики работы петербургских астрономов оказали значительное влияние на развитие отечественной и мировой науки. Они заложили основы отечественной небесной механики и во многом способствовали становлению и развитию этой науки в мировом масштабе. Петербургская академия стала оплотом нового естествознания. Она объединила единомышленников — одиночек, работавших в других странах, оказывала им моральную и материальную поддержку. Неслучайно лучшие работы по небесной механике, основанной на учении Ньютона, были премированы Петербургской академией наук. В середине XVIII века к Петербургской академии присоединилась и Берлинская академия, где работали в те годы Эйлер и Мопертюи. После смерти Галлея в 1742 году именно Петербург стал мировым центром исследований в области небесной механики. Он оставался им вплоть до возникновения знаменитой французской школы небесной механики.

Работы астрономов Петербургской академии подготовили ряд крупнейших научных открытий. Они заложили основы кинетической теории газов, теории ахроматов, детально изучили свойства дифракции и рефракции света, подготовив тем самым

создание теории этих явлений, а также доказали существование атмосферы на Венере и отсутствие ее на Луне. Петербургские ученые принимали самое активное участие в первых международных научных предприятиях XVIII века — астрономических наблюдениях для определения параллаксов небесных тел (Солнца, Луны, Марса, Меркурия и других), в результате которых были получены первые научные данные о размерах Солнечной системы.

В Петербургской академии наук XVIII века была найдена даже весьма удачная форма организации руководства всеми астрономо-геодезическими работами страны — так называемый Географический департамент, по образцу которого впоследствии создавались Парижское бюро долгот и аналогичные организации в других странах.

Петербургские ученые-метеорологи XVIII века, разработав инструменты собственной конструкции и детальную программу исследований, первыми в нашей стране начали многолетние систематические наблюдения, заложив тем самым основу отечественной метеослужбы.

Деятельность академии заложила основы для развития исторической науки в России. Исследования Шлецера, Миллера, Байера в этой области до сих пор являются предметом оживленной дискуссии сторонников и противников норманнской теории образования Российского государства.

Важным результатом работы академии явилась деятельность М. В. Ломоносова, основателя первого Российского университета в Москве, ученого, преуспевшего во многих отраслях научных знаний.

Таков был триумфальный итог деятельности Петра и Брюса по созданию Академии наук. При этом необходимо учитывать, что Яков Вилимович при создании академии и в ходе ее работы выступил не только как организатор важнейшего в России учреждения. В своей переписке с учеными академии наук он проявил себя и как ученый-энциклопедист.

В 1727 году двадцатилетним молодым человеком в Петербургскую академию наук приехал работать Леонард Эйлер. Он получил профессуру в академии и в 1732 году вступил в переписку с Брюсом, к тому времени уже жившим в Глинках. Переписка Брюса с Эйлером рисует Якова Вилимовича как ученого, сохранившего на всю жизнь интерес к чистой математике и, как отмечает автор публикации переписки Ю. Х. Копелевич, уже в старости, вдали от государственных дел, внимательно следившего за состоянием математических наук в молодой академии, сумевшего оценить замечательное дарование

молодого Эйлера. Брюс обсуждал выдвигаемые Эйлером математические проблемы, завязав с ним научную переписку, которая, однако, очень скоро прервалась из-за болезни и смерти Брюса.

В этой переписке Брюс выступает как математик-теоретик, с которым консультируется профессор Л. Эйлер. Такие взаимоотношения объяснимы ввиду огромной разницы в возрасте — 38 лет. Естественно, для Эйлера Брюс был более опытным, а следовательно, знающим ученым. Эйлер по достоинству оценивает достижения Брюса в области математики, в свою очередь наш герой охотно делится с молодым исследователем своими познаниями и достижениями в области построения кривых линий. Вероятно, это и высокая оценка Брюсом таланта Эйлера способствовали стимулированию исследовательской работы будущего великого математика.

Переписка показывает и необычные отношения Брюса с учеными, работавшими в Академии наук. Они стремились поделиться своими знаниями с Брюсом, рассчитывая на помощь и поддержку, а главное — понимание научных проблем в качестве специалиста-исследователя.

К сожалению, болезнь не позволила Брюсу продолжить его любимое дело и участвовать в исследовательской работе петербургских ученых. Несмотря на это, в последние годы жизни, проведенные в Глинках, Брюс занимался активной научной деятельностью. Особенно это относится к его занятиям наблюдательной астрономией.

Астрономия

В. Л. Ченакал в «Очерках по истории русской астрономии» писал о Брюсе: «Приобретя еще в молодости путем самообразования превосходные по тому времени знания, Брюс систематически пополнял их всю жизнь. Особое внимание уделял он при этом физико-математическим наукам и особенно астрономии».

Исследования В. Л. Ченакала дают наиболее подробные сведения, связанные с деятельностью Якова Вилимовича в области астрономии. Автор приводит данные о библиотеке Брюса, называя около ста книг, специально посвященных вопросам астрономии. Среди авторов этих книг почти все классики астрономии (И. Гевелий, Х. Гюйгенс, И. Ньютон, Д. Грегори, Д. Флэмстид, Э. Галлей, все видные астрономы XVI–XVII и начала XVIII века) и разные учебные руководства по теоретической и практической астрономии, а также литература по гномонике, различные календари и таблицы и множество книг по мореходной астрономии. Были в их числе и русские, и немецкие, и английские, и голландские, и шведские, и итальянские, и французские издания. «Одним словом, здесь было почти все, чем располагала астрономическая литература того времени. Иметь в своем личном пользовании такое богатое книжное собрание мог, конечно, только человек, серьезно интересующийся этой наукой».

Знания Брюса в астрономии были настолько основательными, что он начал сам писать астрономические сочинения.

Большой интерес представляет и в наше время, например, составленная и опубликованная Брюсом в 1707 году карта звездного неба — «Глобус небесный иже о сфере небесной…».

Одновременно с выполнением частично теоретических, частично просветительских и популяризаторских астрономических работ Брюс уделял много времени и внимания наблюдательной астрономии, изучая звездное небо, отдельные небесные светила с помощью астрономических наблюдательных инструментов.

До 1700 года все астрономические наблюдения Брюс, как и другие московские «звездозаконники» того времени, проводил в различных, случайно выбиравшихся им местах. Что это были за места и насколько они были удобны для размещения инструментов и ведения наблюдений, пока неизвестно.

В 1699 году Петр поручил Брюсу организовать в Москве уже упоминавшуюся выше «навигацкую школу».

Наиболее удобным помещением для размещения этой школы была признана построенная в 1692–1695 годах в Москве на Земляном валу Сухарева башня.

Так как эта башня возвышалась над землей на 64 метра и к тому же находилась на одном из наиболее высоких мест Москвы, то Брюс нашел, что одновременно с размещением в ней «навигацкой школы» она может быть весьма выгодно использована и для устройства в ней астрономической обсерватории.

В январе 1700 года в этой башне Брюс оборудовал в одном из верхних ее этажей астрономическую обсерваторию.

В. Л. Ченакал утверждает, что Брюс, не имея времени для личного руководства «навигацкой школой», уже в 1701 году передал ее «под смотрение» другим лицам, продолжая работать в ее стенах лишь в астрономической обсерватории. Более того, исследователь считает, что Брюс производил астрономические наблюдения в этой обсерватории почти пятнадцать лет. Позволим себе не согласиться с этими утверждениями, поскольку при создании школы на Сухаревой башне Брюс даже не рассматривался в качестве ее возможного руководителя. Об этом говорят факты, связанные с началом Северной войны и участием в этих событиях в 1700 году генерал-майора Брюса. Для Петра I, несмотря на ученость Якова Вилимовича, последний рассматривался в качестве военного специалиста, инженера и ученого-консультанта. Что же касается астрономической обсерватории на Сухаревой башне, эта обсерватория создавалась Брюсом не для собственной работы, а для обучения специалистов, получавших в школе образование, связанное с деятельностью военно-морского флота. «Навигацкая школа» в большей мере готовила капитанов кораблей, штурманов (навигаторов), для которых познания в области астрономии были необходимы. Поэтому совершенно излишне говорить о работе Брюса в обсерватории на Сухаревой башне. Тем более никаких документальных подтверждений этому нет.

Имеются сведения, что в этой обсерватории, кроме астрономических зрительных труб, Брюсом были размещены измерительные инструменты — секторы и квадранты — для определения времени по звездам Большой и Малой Медведицы. Здесь же был помещен привезенный в Москву из Голландии еще при жизни Алексея Михайловича большой звездный глобус диаметром 2 метра 13 сантиметров, работы наследников известного голландского географа Жуильяма Блеу.

Переписка нашего ученого героя с Петром содержит немало сведений об астрономических работах Брюса.

На письмо Петра, адресованное Брюсу в начале 1699 года и касавшееся вопроса о способах наблюдения солнечных затмений, последний отвечал царю 22 марта того же года: «…когда изволишь потемнение солнца примечать, тогда изволь избрать избу, в которой бы можно окны все закрыть, чтоб свету в ней ничего не было. Такожды надобна трубка зрительная, которую в яблоко деревянное вкрепить, а яблоко и с трубкою вставить надобно в затвор оконечной, таким подобием, чтоб можно трубку на все стороны поворотить, на ту стать, как у астролябиума яблочко медное поворачивается.

Сие изготовивши, надобно чрез ту трубку зрительную округ солнечный на разных бумажках начертить, чтоб в разные времена величество потемнения ведомо было. Так же и диаметр солнушной прочертить надобно, а диаметр для того начертить, когда изволишь начать примечать, тогда изволь нитку провесную пред бумажкою повесить, и надобно так унаравливать, чтоб всегда стень от оной привесной нитки на диаметре солнечном была; наипаче всего как трубку и привесную нитку приправить, изволишь в образце разсмотреть».

29 июля 1699 года Брюс посылает Петру письмо с описанием инструмента для определения высоты Полярной звезды.

«…послал я, — пишет он в этом письме царю, — надеяся, что будет угодно тебе, милостивейшему государю, вещь такую, которая зело надобна человеку, который в езде пребывает, как сыскать полус когде (или элевацию поли) без всякого вычету и не ведая деклинации солнца и не имея инструментов, кроме циркула и линеала, а как сие сыскать, и тому яе чертеж и описание сделал, како изволишь видеть на бумагах, которыя в сей грамотке положены, и зело мне печально будет, ежели недовольно внятно к вразумлению тебе, государю, написал. Возможно сим подобием не токмо полуденную черту и элевацию поли или деклинацию солнца того дня, також в котором часу та обсервация была сыскать; да для того и написал, что гораздо много линей случиться и трудно будет разбирать…»

20 июля 1704 года в районе Нарвы Петр наблюдал полет болида. Имеются сведения о том, что, находясь в указанное время под Нарвой, наблюдал этот болид также и Брюс, причем его наблюдения, в отличие от петровских, носили уже чисто научный характер.

12 сентября 1706 года царь пишет письмо, в котором обращается к Брюсу с просьбой выслать ему чертеж инструмента для определения высоты Полярной звезды. На это Я. В. Брюс 28 ноября отвечал следующее: «Ваше величество изволите писать ко мне, чтоб учиня чертеж оному инструменту, о котором я доносил,

им же возможно возвышение полюса и время в ночи сыскать, и прислать бы к вашему величеству. И я не токмо начертания, но и пространнаго описания не имею оному (понеже ныне никаких почитай книг при себе не имею). Того ради не могу при нынешнем случае ни явственным начертанием, ни ясным описанием вашему величеству услужить. Только ж, колико могу, о том памятно: состоит оный инструмент в трубке зрительной, длиною футов 16 или больши, имеющая в себе два стекла — одно обычайное, другое близко в четверо больши обычайного — и не мню я, чтоб кто на Москве такое стекло, како надлежит, сделать мог. Сверх того, надобно два кольца, подобные английским солнечным часам, чтоб одно в другое вложить и поворотить возможно было, величеством с величайшее стекло. Надлежит оныя два кольца разделить одно в месяцы и числы, а другое на 24 часа, и утвердить в вышеписанной трубке в той точке, где лучи обоих стекол сходятся. А как иную точку сыскивать невозможно вкратце описать, ибо много иных окрестностей из науки зрительной описать надлежит. Також надобно ко оной трубке на градусы разделенный квадрант приделать. Однакож гораздо о сем мысля, вздумал я сделать для таково дела инструмент без трубки зрительной, которым також вышеписанныя дела (хотя не таково, как с трубкою, однакож с довольным тщательством), надеюсь, что сыщутся. И начал я уже оный из дерева делать, только ж не могу онаго к совершенству привести, понеже не имели в долгом времени светлыя ночи, чтоб возможно тот инструмент опробовать, а как в совершенству придет, и я оный к вашему величеству немедленно пришлю. За сим остаюся вашего величества, моего всемилостивейшего государя, покорнейшим и нижайшим рабом Яков Брюс». Насколько глубоко понимал все тонкости описываемого в этих письмах адресат — Петр, — сказать трудно, что же касается их автора, Брюса, то, судя по тому, с какой точностью он описывал в них свои трубки, «штуки» и прочие устройства, предназначавшиеся для выполнения тех или иных астрономических работ, можно безошибочно сказать, что его знания методов и средств наблюдательной астрономии были исключительно высокими.

Все эти отрывочные данные полного представления о характере и объеме выполненных Брюсом астрономических наблюдений, конечно, не дают. Однако по ним уже можно предполагать, что объем его работ был достаточно обширен.

То, что выполнявшиеся Брюсом уже в первые годы его занятий астрономией наблюдения были серьезны и заслуживали большого внимания, подтверждает такой факт.

В 1803 году французский астроном Жозеф Жером Лаланд

опубликовал широко известную в свое время «Историю астрономии». Излагая в последней хронику событий в наблюдательной астрономии с древнейших времен до конца XVIII века, он в записи, стоящей под 1700 годом, указал, что в этом году «Брюс производил некоторые наблюдения в Санкт-Петербурге». Какие именно наблюдения Брюса имелись при этом в виду — неизвестно. Однако если бы они не имели научного значения, то вряд ли он стал бы включать их в свою летопись, где им отмечалось лишь то, что действительно представляло интерес для истории астрономии.

В 1713 году, построив «на Литейной стороне» «палаты», Брюс переселился в Санкт-Петербург.

Оказавшись в новой столице, он по-прежнему систематически вел свои астрономические наблюдения. Полного их перечня до нас не дошло, однако имеется ряд фактов, свидетельствующих об этом.

Сохранилось письмо Брюса Петру I от 15 апреля 1716 года, из которого видно, что 9 апреля этого года он наблюдал полет над Петербургом болида, подобного виденному им в 1704 году под Нарвой.

«Еще же какое явление было, — писал он в этом письме царю, — посылаю вашему величеству при сем чертеж».

На приложенном к письму чертеже, представлявшем собой небольшой листок бумаги, была изображена идущая сверху вниз зигзагообразная линия и под ней надпись: «1716 г. Апреля 9 числа в осьмом часу по полудни явилась при Санктпитербурхе на небеси между норда и норд-веста таковая фигура, цветом молнейным и была видна более получаса. Сия фигура произошла из-за облака снизу вверх, почитай таковым же обычаем как метеора 1704 года, которая при Нарвской осаде была».

Исключительно интересная работа Брюса астрономического характера описывается в его письме Петру от 18 июня 1716 года.

«…я в солнце пятна усмотрел, — писал он в этом письме царю, — однакож опасался в таких многодельных временах вашему величеству так малым делом докучать. Токмо ж, памятуя любопытство и особливое тщание вашего величества в вещах, не часто случающихся, дерзнул ныне донести, что оных много в солнце является и возможно оных гораздо внятно трубою зрительною футов в 12 видеть, егда ближайшее стекло к глазу умеренно покоптится, возможно ж оныя и в 4 фута длиною трубкою видите; однакож гораздо мелко. Я надеюся, что ваше величество, конечно, оныя может увидеть, ежели да изволите кому ни есть приказать по вся дни, недели две смотреть дважды или трижды в день, понеже иногда в нем ничего не видеть, когда

солнце, поворачивался на оси своей, от вида нашего оные пятна отворотит. А обращается оное на оси своей в 26 $^1/_4$ дней. И понеже сие, колико мне известно, уже с 30 лет не видно было, и я от роду своего впервые увидел, того ради не мог удержаться, не донеся о сем вашему величеству».

Это письмо дает основание считать, что занимался Брюс изучением пятен на Солнце.

В. Л. Ченакал считал также, что Я. В. Брюс имел прямое отношение к ежегодным календарям, или месяцесловам, которые начиная с 1713 года появились в Петербурге, а еще раньше в Москве.

Он утверждает, что поскольку ни в Петербурге, ни в Москве других астрономов, кроме Брюса, в указанное время, по-видимому, не имелось, то логично предположить, что именно Брюсом и были определены астрономические координаты городов, сделаны расчеты времени названных астрономических явлений, которые стали даваться с 1714 года петербургским и с 1716 года московским календарями.

Живя в Глинках, Брюс полностью посвятил себя научным занятиям и прежде всего астрономическим наблюдениям. Здание обсерватории в Глинках имело открытые лоджии и было очень удобно для проведения наблюдений.

В перечне астрономических событий 1728 года «История астрономии» Лаланда вторично упоминает имя Брюса, говоря о том, что «Брюс произвел астрономические наблюдения, которые в прошлом поощрялись умершим 28 января 1725 года царем», т. е. Петром I.

По сообщениям В. Л. Ченакала, сохранилось довольно много документов, рассказывающих о работах Якова Вилимовича по конструированию и изготовлению различных инструментов и, главным образом, зрительных труб и зеркальных телескопов. Из этих документов видно, что Брюс не удовлетворялся только лишь приобретением требовавшихся ему для своей обсерватории где-то на стороне, но и изготавливал их сам. Одним из наиболее достоверных источников, подтверждающих последнее, являются письма Брюса Лейтману. В письме, датированном 17 августа 1727 года, имеются такие, например, строки:

«Что касается изготовления катодиоптрических труб, то следует напомнить, что их не так легко делать, как это себе представляли, и неудивительно, что англичане неохотно берутся делать эти трубы. Меж тем, этим летом я велел сделать две подобных трубы, одну из металла, другую из стекла… и наибольшее затруднение состояло в первую очередь в том, что трудно было найти композицию металла, которая имела бы

микроскопические скважины и полировалась бы как стекло.

N.B. Белая композиция имеет больше скважин, чем все другие композиции и полировка металла, когда его полируют как стекло, требует немало труда. Однако должен сказать, что металлические дают лучший результат, чем стеклянные, что возможно зависит от двойного отражения стекла».

В отрывках из письма, относящегося к началу 1730-х годов, неизвестному лицу говорится:

«При этом посылаю два маленьких зеркала, из коих меньшее сделано с мышьяком, а другое без мышьяка. Пошлите их, пожалуйста, господину профессору Лейтману и сообщите ему, что я еще прошлым летом сделал катодиоптрическую трубу <… >.

Оба зеркала, изготовленные мною к этой трубе в своем доме, различные. Одно из металла с мышьяком, второе из стекла. Стеклянное многим лучше, так как полировка металла нам удается меньше, нежели полировка стекла <…>.

Малое зеркало я употреблял также металлическое и нашел его лучше стеклянного, однако не столь хорошим, как призмы из горного хрусталя <…>.

Эту трубу, с окуляром в 2 $^{8}/_{10}$ дюйма, я неоднократно употреблял для рассматривания предметов на горизонте, а также наблюдения Луны. Луна выглядела в ней отчетливо и ясно и был виден весь ее диаметр. Но я не мог провести наблюдения из-за моего нездоровья, которое в темные осенние ночи увеличивается…»

Приведенные отрывки из писем Брюса наглядно показывают, какой глубокий интерес проявлял он к изготовлению для своей обсерватории зрительных труб и зеркальных телескопов.

Особо интересовала его проблема получения высококачественных металлических зеркал к катодиоптрическим, т. е. отражательным, телескопам.

Целый ряд деталей описываемого в отрывках говорит также об исключительно высоких знаниях в области технологии шлифовки и полировки стекла и металла.

Помимо указанных писем, свидетельствующих о высоком мастерстве Брюса в изготовлении зеркал для телескопов, подтверждает последнее и дошедший до нас вещественный памятник его трудов в этой области.

В Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге доныне хранится металлическое вогнутое зеркало от большого зеркального телескопа со следующей, вырезанной на оборотной его стороне, надписью: «Зделано собственным тщанием графа Якова Вилемовича Брюса 1733 году августа месяца».

Рабочая, т. е. отражательная, сторона этого зеркала выполнена с такой тщательностью, которой мог бы позавидовать любой инструментальщик-оптик не только того времени, но, пожалуй, даже и всего XVIII века.

Перечисленные факты показывают, таким образом, что в лице Брюса русская наука начала XVIII века имела не только превосходного астронома-наблюдателя и строителя первых в стране астрономических обсерваторий, но и выдающегося конструктора и мастера астрономических инструментов.

В 1735 году, после смерти Брюса, его научная коллекция была вывезена в Санкт-Петербург. Среди большого числа книг, карт, чертежей, коллекций минералов и «протчих вещей» в описи этой коллекции значатся предметы, имеющие отношение к брюсовской астрономической обсерватории:

«Глоб (глобус) небесный, Тихобрашевой системы, Билима Блауа диаметрия аршина в полтора…

Два глоба: небесный и земной, диаметру вершков по двенадцати…

Футляр кожаный черный, в нем инструмент большой медный сферический.

Футляр красный, в нем часы солнечные медные универсальные…

Футляр такой же, в нем часы солнечные медные прорезные, с компасом.

Ящик липовый, в нем астролябия медная…

Футляр черный, в нем инструмент медный, которым дальности без вычету вымеривают.

Ящик сосновый трехугольный, в нем меридиан медный…

Футляр черный, в нем нактурнал медный.

Часы малые медные универсальные с привесом.

Часы средние медные универсальные с привесом…

Футляр сосновый, в нем квадрант малый пальмовый.

Футляр черный кожаный, в нем астрономический квадрант с трубкой зрительною, при нем столбик на четырех ножках.

Ящик сосновый, в нем сперископием, смотреть на затмение солнца, с трубкою зрительной.

Футляр дубовый, в нем квадрант морской медный и трубкою зрительной.

Инструмент из пальмова дерева, которым дальности меряют.

Столик сферы Копернической, к нему малой руки глобус.

Астролябия медная — три штуки.

Секстан железный, вокруг покрыт медью, с двумя трубками жестяными…

Чаш медных, которые от свечи свет умножают (вогнутых

зеркал к отражательным телескопам) — четыре…

Два глобуса.

Стекло зажигательное медное (вогнутое зеркало) в рамах крашенных черепахою…

Три стекла зажигательные большие, в дереве, на ножках.

Ящик сосновый большой, в нем стекол от зрительных разных труб сто сорок.

Зеркало кругловатое небольшое, в котором кажет большое лицо.

Труба зрительная большая, из дубовых досок, четырнадцати футов; к ней ящик с прибором, в нем к другой трубе стекла: в 20 футов объектив и оглаз, прибор медный.

Труба железная большая зрительная, двадцати футов.

Труба кожаная с медным прибором, десяти футов.

Две трубки зрительныя маленькия.

Три трубки маленькия…

Две трубы: одна жестяная, оклеена ящером, без стекол, другая такая ж, жестяная с стеклами…

Четыре штатива с медными, к ним принадлежащими, фигурами.

Четвероугольная, на которой кладется трубка зрительная дубовая с медным убором.

Столб, которым зрительную трубку подымают. Подъем с железным винтом, и выкрашен красной краскою…

Зрительная трубка Ньютоновой инвенции…»

В упомянутом «ящике сосновом большом» со сто сорока стеклами «от зрительных разных труб», как показывает отдельная их опись, имелись и самых различных размеров объективы и всевозможные, «в оправах и без оправ», окуляры, и призмы, и зеркала, и прочие оптические детали астрономических инструментов.

Приводимые в упомянутой описи размеры почти для всех из этого ящика стекол показывают, что здесь были линзы от 200 до 6 миллиметров в диаметре и от 27 метров до нескольких миллиметров фокусом.

Кроме перечисленных инструментов и стекол, значилось в этой описи также большое число различных «из бука сделанных припасов, надлежащих до простых и зрительных труб».

Вот каким числом астрономических инструментов и отдельных их частей располагал Брюс в период пребывания его обсерватории в Глинках!

Трудно себе даже представить астрономическую обсерваторию начала XVIII века, которая могла бы вместить в себя все это оборудование.

В октябре 1737 года В. Н. Татищев в одном из своих писем в Академию наук писал, что у него имеется «квадрант не очень малой с перспективой (со зрительной трубой)», у которого «все обороты и все движения на бесконечных шурупах», т. е. с червячными винтами, и что этот квадрант был сделан ему «с обрасца графа Брюса».

Подводя итоги сказанному об астрономических занятиях Брюса, уместно уделить несколько слов о том, какой след оставили они в истории русской астрономии.

Выше нами уже рассказывалось о том, что в течение своей жизни Брюс написал ряд астрономических сочинений и участвовал в составлении астрономической части календарей. Сыгравшие большую роль для русской науки начала XVIII века все эти остающиеся, к сожалению, до сих пор не изученными сочинения и календари были в значительной мере обязаны своим появлением тем материалам, которые Брюсу удалось собрать при своих астрономических наблюдениях.

Большую роль сыграли для дальнейшего развития наблюдательной астрономии в нашей стране также и обсерватории Брюса.

Выше уже рассказывалось о том, какую большую службу сослужила Сухаревская обсерватория Брюса при подготовке первых русских военно-морских офицеров в петровской «навигацкой школе». Заметный след оставили обсерватории Брюса в строительстве астрономических обсерваторий и в последующее время.

Документально известно, например, что, получив в 1735 году перечисленное выше оборудование обсерваторий Брюса, Академия наук еще в течение долгого времени после этого пользовалась им для укомплектования инструментария своей астрономической обсерватории.

Сохранился, например, «репорт» руководившего с 1726 по 1747 год обсерваторией Академии наук астронома Жозефа Никола Делиля, датированный апрелем 1746 года, в котором он, касаясь обеспеченности вверенной ему обсерватории нужными инструментами, писал: «…Что ж касается до прочих маленьких инструментов, которых еще на обсерватории недостает, то понеже Академия Наук получила… многие инструменты из пожитков покойного фельдмаршала Брюса, для того не потребно будет из других земель более выписывать».

Уже один этот документ наглядно показывает, какую ценность для Академии наук составило собрание астрономических инструментов Брюса.

Если к этому добавить, что часть этого оборудования

поступила в Физический кабинет Академии наук и в течение длительного времени служила там хорошим пособием для обучения академических студентов практической оптике, то значение указанных обсерваторий Брюса для дальнейшего развития русской науки станет еще более очевидным.

В. Л. Ченакал подмечает также одну довольно любопытную деталь: живя в Глинках, Брюс очень часто навещал Москву, был тесно связан с целым рядом московских государственных учреждений и находящимися в это время в Москве учеными.

Богатое наследие

Яков Брюс скончался в Глинках 19(30) апреля 1735 года. В надгробной проповеди, прочитанной при его погребении 14 мая пастором Фрейнгольдом, указывалось, что прожил он 65 лет 11 месяцев и 18 дней, т. е. не дожил до 66 лет всего 12 дней. В то время возраст достаточно солидный. А учитывая то обстоятельство, что Брюс довольно сильно болел: почти 30 лет его мучили приступы подагры, можно сказать, что смерть его не была чем-то неординарным. Тем более в 1728 году скончалась его жена Мантейфель Маргарита (Марфа Андреевна), и он был в последние годы одинок. И все же можно с уверенностью говорить о неожиданности смерти Брюса. Поскольку есть эпизоды, показывающие, что у Брюса были планы, которым не суждено было сбыться.

Первое: находясь в начале февраля в Москве, он покупает дом в Мясницкой части (современный адрес — Мясницкая, 15), в дополнение к тому, что был пожалован Брюсу в 1705 году (Мясницкая, 13, корпус 4). Видимо, он рассчитывал это здание использовать в своей дальнейшей деятельности. Тогда же Брюс заключает договор с вдовой подьячего Стефанидой Васильевой о том, что возьмет в обучение на пять лет ее сына Диму и подготовит его к поступлению в учебное заведение. Договор подписан 4 февраля, т. е. за 72 дня до смерти.

И наконец, третье и, наверное самое главное обстоятельство, показывающее, что смерть была неожиданной. Находясь в эти дни в Москве, Брюс отправляет в Санкт-Петербургскую академию наук два ящика с приборами и инструментами из своей личной коллекции. При этом предполагается, что им будет написано завещание о судьбе всего научного кабинета и библиотеки и это будет дар Российской академии наук. Однако след отосланных ящиков затерялся, их судьба до сих пор неизвестна, и завещания так и не было написано. Хотя на протяжении многих десятилетий после смерти Брюса ошибочно утверждалось, что якобы Брюс завещал все свое научное наследие академии.

Эту коллекцию и библиотеку Брюс собирал всю свою жизнь. В отличие от многих коллекционеров, Брюс, по мнению Луппова, выступает перед нами не как простой собиратель, а как ученый, который приобретает то, что ему надо для занятий. И коллекция, и библиотека отражают широту его интересов.

Валентин Босс подчеркивал, что библиотека Брюса составлялась с определенной целью. Прежде всего она отражает интересы физика, естествоиспытателя, астронома, математика и

инженера, который по возвращении из Лондона встал во главе сложного движения интеллектуального и социального преобразования России, во время которого русская наука и русский язык начали приобретать свой современный характер. Брюс заложил основы для нового математического и — шире — научного образования, чем в свою очередь была подготовлена почва для основания Петербургской академии наук (в которой он также должен был играть соответствующую роль). Вот почему коллекция книг, инструментов и редких вещей, которые он собирал долгие годы, является уникальной для Петровской эпохи.

Каталог библиотеки Брюса печатался в двух вариантах. Первый, неполный, в 1859 году с коротким и неточным вступлением И. Е. Забелина, где говорилось, что «Тайдеману дана была инструкция, согласно которой он должен был принять вещи и бережно доставить их в Петербург. Принимать и считать вещи академия назначала по «росписи, которая от профессора и секретаря посольства господина Гроса учинена была», вероятно, еще при жизни и по поручению самого графа Брюса, и в инструкции, между прочим, в третьем параграфе, говорилось: «Если он (Тайдеман) между оставшимися имениями еще разные печатные книги, и как до истории, так и до прочих наук и знаний принадлежащие рукописные тетради, картины, рисунки, гравюры, инструменты, машины, сосуды старинной или нынешней работы, из какой бы оныя материи не были, также и возвышенной и резной работы, камней, старинные и новые резные монеты и медали, звери, инсекты, коренья и всякие руды найдет, которые в показанной росписи не объявлены, то и имеет он особливую роспись о том учинить и оные вещи к прочим приложить»». В конце августа вещи были приняты, уложены и до отправки в Петербург перевезены из дому Брюса в пустой дом князя Юрия Долгорукова, что близ Мясницких ворот. Здесь они оставались до зимнего пути, потому что осенью Тайдеман везти побоялся, чтоб не учинилось вреда и траты некоторым ломким вещам, каковы были инструменты и посуда. В ноябре их отправили на 30 подводах и с конвоем для бережения.

Второй вариант был напечатан в 1889 году в V томе «Материалов Императорской Академии Наук».

Прежде чем показать различие между этими двумя вариантами, необходимо восстановить ситуацию, в которой первоначальный вариант создавался.

После смерти Брюса в мае 1735 года временно ответственным за библиотеку стал граф Салтыков. 6 июня того же года он получил письменное указание от Кабинета министров «назначить исключительно квалифицированного человека» составить список

книг библиотеки Брюса. В этом же письме сообщалось, что академия высылает «специального курьера», чтобы помочь классифицировать «все курьезные вещи» для Кунсткамеры. Но этот специальный курьер так никогда и не прибыл. Салтыков поручил это задание своим знакомым Богдану Аладину и капитан-лейтенанту Гурьеву, которые совершенно не понимали всей сложности возложенной на них задачи.

Поэтому первоначальная опись проводилась неквалифицированно, по-дилетантски, лишь грамотная помощь нотариуса Христофора Тайдемана дала возможность судить о подлинном богатстве библиотеки. Вот как об этом пишет канадский ученый Валентин Босс: «Трудности возникали и по той причине, что книги были на многих иностранных языках — на 12 языках (если не считать и одну неопознанную книгу). Транскрибировались названия книг кириллицей. Иногда транскрипция названий давалась фонетическая, а иногда делалась попытка перевести название книги. Каждый из четырех составителей каталога вносил свою долю профанации при работе над ним. Неспециалисты Богдан Аладин и капитан-лейтенант Гурьев начали работу первыми, и поэтому в списке первых шестисот томов отсутствует дата издания. Христофор Тайдеман подошел к делу более добросовестно и поэтому немецкие книги во второй половине описи обработаны наиболее полно». Можно добавить, что Академия наук получила не только книги из библиотеки Брюса, но и коллекцию редкостей и ценных вещей, которые Брюс собирал всю жизнь (картины, монеты, приборы, атрибуты восточных культов и многое другое).

Нотариус Христофор Тайдеман и писарь Иван Пухорт прибыли для составления каталога 31 июля. Окончательный вариант каталога включал 1600 наименований: книги, редкие рукописи, географические курьезности, карты, образцы минералов и ботаники, а также астрономические и математические приборы. Этот каталог был действительно единственным документом такого рода в первой половине XVIII века. Каталог наглядно показывает не только широкий диапазон интересов Брюса во всей его полноте, но также каким образом учение Ньютона проникало в Россию и становилось в ней известным.

Этот каталог оставался до сих пор нерасшифрованным, частично по вине Забелина, так как он считал, что его список неполный, содержащий менее половины всей коллекции Брюса, а также по причине самых реальных языковых несообразностей каталога. Но если бы такие ученые, как С. Е. Фель, Ю. Х. Копелевич, В. Л. Ченакал, С. Л. Соболь, В. Л. Воронцов-

Вельяминов и другие, писавшие о Брюсе, даже знали, что каталог Забелина в 789 наименований является всего лишь частью значительно большего списка, то все равно они не смогли бы понять этот каталог, так как (отмечает С. Е. Фель) «названия книг не даются как текст, а в сильно сокращенном виде, дата издания не указывается, фамилия автора сообщается редко». Например, труды Ньютона, имевшиеся в собрании Брюса, упоминаются без имени автора и без года издания. В библиотеке Брюса имелись все основные труды Ньютона и многие наиболее значительные труды его последователей, комментаторов теории Ньютона, имелись даже «Похвальные стихи на господина Исаака Невтона» (Лондон, 1728). Более бережно отнеслось академическое начальство к книгам на английском языке. Научные связи с Англией и в 30-е годы XVIII века были редки, да и английским языком в то время владело ограниченное число ученых Петербургской академии наук, поэтому и книги на нем были большой редкостью и сразу же попали в иностранный фонд библиотеки Академии наук, где и находились в течение двух столетий. Книги эти в собрании Якова Вилимовича хронологически охватывают конец XVII — первую четверть XVIII века, т. е. период всей жизни Брюса. Сохраняя связи с Англией и после отставки, он получал оттуда литературу до последних дней жизни. Он был единственным в России того времени обладателем полного комплекта научного журнала «Философские труды», печатавшегося в Лондоне с 1666 года. Последний том этого журнала из собрания Брюса вышел в свет в 1730 году. Из книг, опубликованных в Англии в конце 20-х — начале 30-х годов XVIII века, в библиотеке были переводная книга Г. Бургаве «Элементыхимии», «Искусствоминиатюры» и «Школа рисунка», издания 1732–1733 годов и многие другие. Даже художественную литературу Я. В. Брюс, по мнению Е. А. Савельевой, предпочитал иметь в своей библиотеке на английском языке. Примером служат «Басни» Эзопа и «Дон Кихот» Сервантеса.

Многие книги, независимо от языка, на котором они написаны, носят на себе следы работы над ними Я. В. Брюса. На изданиях по математике, физике, астрономии, точным наукам — это алгебраические выкладки, решения задач, расчеты, сделанные им для работы над инструментом, вроде подзорной трубы или оптических стекол, зеркал. На рецептурных справочниках он часто выписывал на форзац рецепты, которыми, по-видимому, пользовался сам. В ряде случаев попадается просто редакторская правка.

Если с книгами на иностранных языках в сохранившейся части библиотеки дело обстоит более или менее благополучно, то

судьба книг на русском языке из его собрания оказалась просто печальной. По описям в составе библиотеки числилось тридцать восемь единиц русских изданий. В настоящее время удалось обнаружить лишь пять, которые с уверенностью можно отнести к этому собранию. Три из них: «Земноводного круга краткое описание» И. Гюбнера, «Новейшее основание и практика артиллерии» Э. Брауна (М., 1709) и «Сокращение математическое» Я. Германа и Ж. Н. Делиля (СПб., 1728) — напечатаны гражданским шрифтом. Три издания напечатаны кириллицей: «Таблицылогарифмов» (М., 1703), «Торжественные врата» (М., 1703) и Новый Завет на голландском и русском языках. Голландский текст был напечатан в Гааге, русский — в Санкт-Петербурге в 1717 году. Интересно, что и в последней книге, в русской части текста, имеется правка Брюса.

Анализ библиотеки основан на двух самых авторитетных исследованиях — С. П. Луппова и Е. А. Савельевой. Именно их трудами стало видно, что книги были на четырнадцати языках.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении библиотеки в целом, — это ее универсальный характер. Пожалуй, нет ни одной научной дисциплины, по которой у Брюса не было бы книг. Явно преобладает научная литература. Обращает внимание большое число книг по физико-математическим наукам (233), медицине (116), геологии и географии (71). Несомненный интерес Брюс проявлял и к военным наукам (91), особенно к артиллерии и фортификации.

Но Брюс был не только естествоиспытателем и военным. Гуманитарные науки, особенно история, философия, занимают немалое место в его библиотеке. В этой области Брюс, очевидно, был силен. Немало книг имелось у него по архитектуре, искусству и филологии (включая лексиконы).

Подавляющее большинство книг в библиотеке Брюса было на немецком, английском, голландском и латинском языках. На французском языке всего 25 книг. Брюс приобретал для себя книги, как правило, лишь на тех языках, которые были ему хорошо известны.

Какие же именно книги находились в библиотеке Брюса? В числе математической литературы можно найти книги по всем разделам математики: арифметике, алгебре, геометрии (в том числе и стереометрии), тригонометрии. Среди них есть учебные курсы (например, «Математика для отроков» Штурма на латыни) и литература о практическом применении математики. Тригонометрические таблицы (например, Хр. Вольфа, издания 1711 года), переводы самого Брюса.

Довольно разнообразна и астрономическая литература. Здесь

и «Космография» С. Мюнстера (Базель, 1550), «Каталог звездам восточным» Э. Галлея и его же «Описание прохождения лунной тени через Англию во время солнечных затмений 1724 и 1725 годов», «Известия о кометах» К. Нотингеля (1665), целый ряд изданных в Гданьске на латинском языке произведений польского астронома XVII века Я. Гевелия (например, «Космогеография», 1668), «Защищенный Коперник» И. Вилкина (Лейпциг, 1703).

В числе книг по физике, наряду с работами Ньютона, в собрании Брюса привлекают внимание «Книга о магнитной теории» Хью Эбергарда, издания 1720 года, сочинения Архимеда в изложении Барова на английском языке.

Интересовала Брюса и литература по химии — науке, находившейся в этот период еще в младенческом состоянии (до открытий Ломоносова и Лавуазье). В числе книг по химии в библиотеке Брюса мы находим: «Курс химии» Луммера (1698), «Химия рациональная и экспериментальная» Г. Штала (1720), «Химические примечания» (1718), «Химия» Кункела (1686), «Химия» Келнера (1693), «Химия» Реленера (1715) и другие.

Немало тут книг по технике. Состав его книжного собрания отражает разнообразный характер его деятельности. В нем значатся книги по горному делу, металлургии, монетному делу: «Металлургия» Штала (1720), «Горное дело» Г. Агригула (1580), «Книга рудокопная» Хр. Гертвига (1710), «Книга о пробовании руд» Крутермана (1717). Интересен конволют, по описи № 872, являющийся тематической подборкой литературы, очевидно сброшюрованной в один том по указанию Брюса: «Книга о пробовании металлов» Модестина (1669), «Рудокопная книга» Барба (1676), «Монетнаякнига» Шиндлера(1705), «Книгаопробовании руд» Венгера (1704). Из других книг по технике упомянем: «Книгу о мыловарении» (1712), «Книгу оварении селитры и как фейерверки делать» (1710), «Описание соляных заводов в Галле» Гофмана (1708) и ряд руководств по шлифовке стекол.

Выше уже отмечалось, что в собрании Брюса было сравнительно мало книг по морскому делу и навигации. Это — морские уставы на русском языке и несколько книг по практической навигации на английском и голландском языках. Очевидно, что эта область интересовала Брюса лишь постольку, поскольку всем сподвижникам Петра приходилось заниматься вопросами навигации. Любопытно отсутствие книг по кораблестроению — области, которой особенно увлекался Петр и которая, видимо, совсем не интересовала Брюса. Зато очень хорошо представлена была в библиотеке литература по архитектуре, в том числе сочинения классиков (Палладио,

Бароцци де Виньола, Витрувий) на основных европейских языках, включая итальянский, и в переводах на русском. Архитектура и строительство интересовали Брюса не менее, чем Петра.

Среди довольно немногочисленной в собрании Брюса биологической литературы преобладали труды по ботанике. Например, «Книга о травах» Авр. Мутинга (1696), «Английская флора» (1660). Из книг по анатомии — «Состояние анатомии в Великобритании».

Что касается медицинской литературы, то она была представлена в библиотеке Брюса по тому времени полно (116 книг, включая и книгу по ветеринарии). Основную массу составляли всякого рода лечебники и книги о предохранении здоровья от заболеваний, например: «Лечение всех болезней» Вейсбаха (1712), «Книга, как самого себя лечить» Мейнигема (1728), «Практическая медицина» Гельвиха (1710), «Тридцать афоризмов, или Правила о содержании здравия» Гехма (1696), «Способ как лихорадку лечить» (1724). Медицина интересовала Брюса во всех аспектах, и в его библиотеке мы встречаем литературу по терапии, хирургии, урологии, гинекологии, окулистике, венерическим болезням и т. д. Встречаются и такие книги, как «Способ как пользоваться чаем вместо лекарства» Когаузена (1728), «Основательный способ как кровь пускать» Штала (1725).

Брюс, по-видимому, лечил себя сам. Известно, что он страдал подагрой, и среди его книг была литература и о лечении этой болезни. Большое число книг было посвящено фармакологии, аптечному делу. Упомянем такие книги, как «Домовая и походная аптека» Блюментроста (1716), «Аптекарская наука» Туллера (1709), «Основательное известие о лекарствах» Гофмана (1722) и др.

Среди книг по геологии и географии явно преобладала последняя. Здесь были общие работы по географии, например: «География» Гюбнера, изданная в 1711 году, «География генеральная…» (русский перевод известной книги Б. Варения, изданный в Москве в 1718 году), «Краткое описание всего света» на латыни (1687), «География» Вейзена на немецком языке (1694), описания отдельных стран (Англии, Франции, Швеции, Польши, Неаполитанского королевства, Гренландии и др.), островов Самоса, Патмоса и др., городов Иерусалима, Гданьска, Бендер. Интересно «Описание Российского государства», изданное в 1706 году в Стокгольме в разгар Северной войны.

Целый ряд книг был посвящен описанию путешествий. Этот жанр литературы пользовался популярностью в XVIII веке. В библиотеке Брюса находились широко известные книги Адама

Олеария и Корнелия де Бруина (обе изданы в Амстердаме: первая в 1711 году, вторая — в 1651 году). Из других книг назовем «Описание путешествия в Китай» Усбранта (1707). Имелись отдельные издания по минералогии, геодезии, определению широты и долготы.

Брюс был одним из крупнейших специалистов по военным (особенно военно-инженерным) наукам. Неудивительно поэтому, что военная литература была широко представлена в его библиотеке. Здесь были военные уставы разных государств, книги по военной истории, ружейному делу и т. д. Наиболее хорошо подобрана литература по фортификации и артиллерии. В числе книг по фортификации мы встречаем произведения крупнейших специалистов того времени, в том числе подлинники переводов, изданных при Петре I. Вот лишь некоторые из них: «Вобанова манера укрепления городов», труды по фортификации Ф. де Кремы, А. Фрейтага, Ф. Блонделя, М. Дегенса, О. Смоли, Хр. Нейбаруна, Штурма, ван Брюже, Я. Вертмиллера, С. Грубера, Ф. Г. Рузена, Боргдорфа, Беклера, Тревена. Интересны два конволюта, числящиеся в описи под № 1092 и 1138. В первом помещены следующие произведения: «Крепостноестроение» Пагана (1677); «Основаниефортификации» Римплера (1674); «Жестокий штурм на укрепленные места» Шейхцера (1678). Во втором: «Непобедимаякрепость» Боргсдорфа (1682); «Новый способ к крепостному строению» (1682). Среди книг по фортификации находились и русские переводы, например «Римплерова манера о строении крепостей». Из литературы по артиллерии назовем сочинения Кр. Геслера, М. Мигера, З. Бухнера, Козимера, Кугорна, Пирофила, Рихтера, Блонделя и др. Здесь были и книги, являющиеся оригиналами переводов, опубликованных при Петре, например книга З. Бухнера «Учение и практика артиллерии».

Разнообразна была в библиотеке Брюса историческая литература. Имелись классики древности: Плутарх, Тит Ливий, Корнелий, Тацит, Иосиф Флавий (в основном в переводах на немецкий и английский языки), а также крупнейшие историки XVII века, например Самуэль Пуффендорф. Среди исторических книг Брюса мы встречаем «Курсы всеобщей истории», «Всеобщую историю» Вильгельма на латинском языке, изданную в Берлине в 1682 году, «Полную историю европейскую», изданную в Лондоне в 1711 году, и др., истории отдельных стран, монографии, посвященные различным историческим событиям: «Описание войны в Италии» (1702), «Историческое известие о смятениях в Польше» (1710), исторические лексиконы и др.

В библиотеке Брюса имелось много всевозможных хроник и летописцев: «Турецкая хроника» (1640), «Польская хроника»

(1701), «Английская хронология» (1665), «Краткий китайский летописец» (1696), а также биографической литературы: жития (описания жизни) Карла XII (1702), Карла-Густава (1697), Тамерлана (1723), Сципиона Африканского (1690), Марка Брута (1700), Александра Македонского (сочинение Квинта Курция), Петра Великого (Лейпциг, 1725) и др. Две исторические книги были на русском языке: «Степенная книга» (рукопись) и «Синопсис…» (не указано, печатная книга или рукопись).

Среди книг по истории имелись и многотомные издания, например упомянутое «Житие шведского короля Карла XII» в девяти томах. Характер интересов Брюса отражает литература по нумизматике: «Книга о монетах» Патина (1675), «Руководство к познанию монет» (1718), «Известия о польских и прусских монетах» (1722) и др.

Политическая литература в библиотеке Брюса была немногочисленной, однако среди этих книг имеется знаменитое сочинение Н. Макиавелли «Князь» (1699), а также «Правда воли монаршей…» Ф. Прокоповича (М., 1722). Другие книги были связаны с практической русской дипломатией: известное «Рассуждение…» П. Шафирова о причинах шведской войны на русском языке (неясно, какое издание), «Трактат между Российскою империею и султаном Эшрефом»(СПб., 1729), «Ключ к Ништадтскому миру» (1722).

Несомненно, обширнее была литература по философии. Здесь были труды и древних философов (Гераклит, Демокрит, Лукреций Кар), и крупнейших философов XVI–XVIII веков: Рене Декарта (в 4 томах), Френсиса Бэкона (в 3 томах), Джона Локка («Опыт о человеческом разуме», изданный в Лондоне в 1700 году), Роберта Бойля (в 3 томах), Хр. Вольфа и др. Таким образом, Брюс был знаком с важнейшими философскими учениями своего времени. В библиотеке его были ряд книг также по логике и психологии.

По филологии имелось в библиотеке два вида изданий: многочисленные словари на всех языках и грамматики (латинская, немецкая, голландская, французская, английская, русская). Таким образом, по филологии Брюса интересовала литература, необходимая для переводов и изучения языков.

В небольшом количестве были книги по искусству и художественным ремеслам. Например, трактат Леонардо да Винчи «О художественном письме», две монографии «О знатнейших живописцах» (1710 и 1718 годов), «Книга об искусном золотарном и серебряном художестве» (1708) и «Книга о лаковом и олифовом художестве» (1707).

Интересовала Брюса литература по генеалогии и геральдике.

Перечислим некоторые из этих книг: «Сокращенный каталог о дворянах и лордах в Англии» (1697), «Краткие вопросы из генеалогии» И. Гюбнера (1719), «Руководство о геральдике» В. Триера (Лейпциг, 1714), «Духовные и светские королевские ордена» Х. Грифия (Берлин и Лейпциг, 1709), 5 томов «Новоисправленной книги немецких гербов» (Нюрнберг, 1657), «Куриознаягеральдика» Рудольфа (Франкфурт и Лейпциг, 1718) и др.

Художественная литература в библиотеке Брюса была немногочисленна, однако состав ее не лишен интереса: произведения древних классиков (Овидий, Теренций, Эзоп, Гомер, Гораций) чередовались с литературой XVI–XVII веков. Известное произведение Овидия «Метаморфозы», популярное в России в первой половине XVII века, имелось в библиотеке Брюса на голландском языке. Очень интересно наличие в библиотеке комедий Мольера на французском и немецком языках. Из других художественных произведений имелись вирши на различных языках (включая и финский: № 1217 — «Финская стиховая книга»).

Представляет несомненный интерес и литература под условной рубрикой «Прочие книги»: сюда вошли книги по садоводству, пиротехнике и фейерверкам, описания различных церемоний, литература о музыке и танцах, верховой езде и т. д. Наиболее многочисленны книги по садоводству, к которому Брюс, подобно Петру, проявлял большой интерес. Немало было работ и по домоводству: поваренные книги, «Разумная хозяйка» Миллингсдорфа (Нюрнберг, 1712), об устройстве погребов и т. д. Закономерен интерес Брюса к литературе о музеях. В его библиотеке имелись, например, «Описание саксонской Кунсткамеры» Г. Бетеля, «Описание натуральных вещей» И. Шейхцера и др.

По музыке, танцам, педагогике, сельскому хозяйству, верховой езде, охоте у Брюса имелись лишь единичные книги.

Подбор книг в целом очень хорош. По физико-математическим наукам, архитектуре, медицине, военным наукам литература была подобрана с большим знанием дела, причем Брюс был хорошо знаком с новейшей научной литературой.

Гуманитарные науки не были областью особого внимания Брюса. По числу исторических и философских книг библиотека Брюса была значительно беднее библиотеки его современника Д. М. Голицына, который специально подбирал книги по этим областям знания. Но и тут Брюс обнаруживает и знание предмета, и хороший вкус: в его библиотеке имелись классические исторические и философские произведения. Что же касается

политической литературы, то кроме «Князя» Макиавелли мы не находим у него других известных политических трактатов.

Особое место в библиотеке Брюса занимают книги, связанные с оккультными и герметическими знаниями. Эта часть библиотеки Я. В. Брюса практически не освещена ни российскими, ни советскими исследователями, писавшими об истории науки и просвещения в России. Обычно они ограничивались краткими упоминаниями об этом бесценном собрании, отписками или вообще умалчивали о нем, что само по себе симптоматично. Например, в интересном во всех прочих отношениях исследовании «Наука и литература в России при Петре Великом» П. П. Пекарского нет об этой литературе ни слова. В работе советского ученого С. П. Луппова «Книга в России в первой четверти XVIII века» говорится: «Несколько слов об антинаучной литературе, имевшейся в библиотеке Брюса, хотя и в очень небольшом количестве. Эти книги по астрологии («Ключ к астрологии», Лондон, 1694), алхимии (Фауст. Алхимический лексикон; «Алхимия», Франкфурт, 1613), толкованию снов и другие». У другого исследователя Л. М. Хлебникова в статье «Русский Фауст» мы находим заявление, что «очень мало в библиотеке Брюса весьма популярных в средневековой науке и издававшихся в большом количестве книг мистического содержания по астрологии, хиромантии, физиогномике, белой и черной магии».

Не останавливаясь на подробном исследовании этой части библиотеки Брюса, отметим, что сейчас выявлено 73 книги из всей коллекции Брюса, имеющие отношение к оккультно-мистическим знаниям. Наиболее интересны труды А. Магнуса (Великого), Демокрита, Т. Парацельса, Р. Лулиуса, И. П. Румелия, А. Кирхера, Д. Кардани, Ф. Бэкона, И. Б. Порте и других ученых, занимавшихся философией, геомантией, астрологией и медициной. Данное исследование впервые опубликовано в 2003 году в моей книге «Яков Брюс».

Говоря о библиотеке Брюса, следует отметить, что это не коллекция, а рабочее собрание книг, необходимое его владельцу, которое полностью отражает области его научных интересов. Здесь почти нет случайных книг. Это библиотека научной литературы, библиотека ученого, а таких еще не было ранее на Руси. Начиная именно с Брюса этот тип библиотек будет встречаться все чаще и чаще, отражая быстрые успехи развития науки в России.

К сожалению, судьба библиотеки Брюса оказалась печальной.

Коллекция была перевезена в Санкт-Петербург. Причем после перевозки у Тайдемана обнаруживалась недостача в вещах Брюса,

в которой он не мог отчитаться, и, видимо, в таких размерах, что после смерти Тайдемана (8 июля 1742 года) Академия наук назначила запрет на продажу его вещей до тщательной проверки книг и ценностей особой комиссией. Таким образом, уже в самом начале был причинен значительный ущерб библиотеке, да и урон ее целостности. Так что суждения о полном составе библиотеки как отражении интересов ее владельца могут делаться с ретроспективными поправками и носить относительный характер. К сожалению, на этом злоключения культурного наследства Брюса не закончились.

Академия наук приняла решение по существующей традиции разделить прибывшие книги по отраслям знания, а обнаруженные дублеты передать в академическую книжную лавку для продажи. Таким образом, уже в самом начале часть книг из собрания Брюса покинула стены Академической библиотеки. Это деление собрания Я. В. Брюса не было последним. В 1812 году, после пожара Москвы, часть дублетного фонда Академической библиотеки поступила в библиотеку Московского университета. До сих пор в ней хранится ряд книг с экслибрисом Я. В. Брюса из его библиотеки. Позже, в 1827 году, после пожара в Абосском университете и открытия нового университета в Хельсинки, два больших раздела по каталогу 1742 года (Камерному каталогу) — «Теология» и «Юриспруденция» — были подарены вновь открытому университету. Среди этих книг находились и издания, ранее принадлежавшие Я. В. Брюсу. В настоящее время они хранятся в библиотеке Хельсинкского университета. Там представлено около 30 томов из библиотеки Брюса. Таким образом, книжные богатства, ранее принадлежавшие Я. В. Брюсу, оказались в нескольких местах.

В 1763 году императрица Екатерина II заинтересовалась коллекцией Брюса и заказала значившийся по описи «большой сверток российских книг, между которыми капитуляции и пункты взятых лифляндских городов, на немецком языке и разные письменные каталоги книг». Оказалось, однако, что они пропали вместе с двумя пачками книг и библиографическими записями Брюса, содержание которых не было раскрыто в описях.

В настоящее время группа сотрудников Российской академии наук во главе с Е. А. Савельевой смогла выявить и определить как бесспорно принадлежавшие Я. В. Брюсу более 800 печатных и рукописных книг.

Во многом такая печальная судьба брюсовской библиотеки стала основой того, что в легендах книги Брюса предстают как часть и источник магической силы знаменитого колдуна, исчезнувшей вместе с ним.

И все-таки ни отдельные факты биографии петровского сподвижника, ни его удивительная библиотека не могли стать основой тех легенд, которые сочиняли о Брюсе после его смерти, наделяя Якова Вилимовича качествами колдуна и чернокнижника. Происходило это, по нашему мнению, из-за того, что совершенно искусственно была создана легенда об издании, появившемся в московской Гражданской типографии в 1709–1715 годах, названным впоследствии Брюсовым календарем.

Текст этого издания к Брюсу не имел никакого отношения. В самом издании он представлен в издательских данных только как лицо, под надзрением которого этот календарь появлялся. Там же указывается, что составителем был руководитель московской Гражданской типографии В. О. Киприанов, а в астрологических страницах представлены имена авторов предсказаний: Иоанн Заган, Мартын Альберт Феофрастический и Вольфганг Гильдебрант.

Это издание появилось, как и множество других, в типографии Киприанова, и, так же как на всех остальных изданиях, Брюс назван в качестве лица, под надзрением которого оно вышло в свет.

Так почему же это издание стало так популярно и обрело новое название?

Надо сказать, что астрологические предсказания, представленные на отдельных страницах, оказались очень востребованы обществом. Неслучайно именно они переиздаются в 1726 и 1735 годах. А затем в эпоху правления Елизаветы Петровны, т. е. в 1740-е годы, с разного рода дополнениями, с включением месяцеслова и другой полезной информации, издаются под названием «Книга именуемая Брюсовской календарь». Так имя Брюса впервые появляется на титульном листе этого издания. Причина этого появления очень проста и прозаична: коммерческая выгода, которую стремились извлечь издатели. Еще бы, имя сподвижника Петр I, к тому же и ученого было настолько авторитетно в народе, что именно оно могло привлечь тысячи покупателей. Издатели не ошиблись. Эффект оказался ошеломляющим, «Книга…» переиздавалась новыми тиражами. А издатели, поверив в то, что сами же и придумали, в следующих выпусках убеждали читателя, что вся эта информация — плод труда самого Брюса, тем самым укрепляя в массовом сознании убеждение, будто Брюс о сотворении света писал, таблицу исчисления лет составлял, о святцах указывал, месяцы в лицах изображал, месяцы, под которыми младенцы родятся и когда семь вселенских соборов произойдут предсказывал и о праздниках в году и о четырех мирах и стихиях все рассказал.

Оказывалось, что Брюс все-то знал о Луне, вычислив таблицу лунного круга, исчислял долготы, широты и имена звезд, определял по планетам, какими будут годы и действия человека на каждый день, высчитывал версты по города и губерниям и расстояния от Петербурга до монастырей, церквей и иностранных городов, составлял ландкарты московскую и петербургскую и даже гербы российских городов. Вот каким Брюс представлялся читателю этих изданий. Таким образом, неискушенный русский читатель все больше и больше убеждался в невероятных способностях этого человека. И это убеждение неизменно отражалось в самых разных небылицах, которые о нем сочиняли.

Пожалуй, кульминацией этого процесса стало время издательской деятельности И. Д. Сытина (1851–1934), который включил в свой «Всеобщий календарь» «предсказания Брюса», а затем стал выпускать специальные календари для широкого круга людей, включая крестьянство. Это были домостроительный, сельскохозяйственный календари, которые использовались в повседневной жизни. Поэтому крестьяне по «Брюсам», так называли такие календари, практически сверяли свою жизнь. А если учитывать, что кроме предсказательной, гадательной информации в календарях начала XX века появляется раздел «О судьбе каждого человека», авторитет таких изданий в народе неизмеримо возрос.

После этого разубедить читателей таких календарей, что Брюс не колдун и не чернокнижник, очень сложно. Кстати, именно в начале XX века, особенно в 20-е годы, резко возрастает количество публикаций, связанных с легендами о Брюсе. Так, на протяжении двух столетий календарь, не имевший никакого отношения к сподвижнику Петр I, стал причиной создания в массовом сознании образа чародея, каковым Брюс никогда не был.

Нельзя сказать, что только сейчас происходит исследовательское открытие Брюса. Его личность интересовала практически всех, кто касался Петровского времени. И это не могло не произойти. О Брюсе писал А.С. Пушкин. Вспомним упоминание Брюса в поэме «Полтава» в качестве участника Полтавского сражения. Упоминает Пушкин о Брюсе и в своем рассказе «Как царь Петр Арапа женил», причем именно как об ученом. В данной книги мы специально привели упоминания о Брюсе из пушкинской «Истории Петра Великого».

Не менее известно присутствие Брюса у А. Н. Толстого в его историческом романе «Петр Первый».

Приводили различные факты жизни Брюса или отдельные его достижения М. Д. Хмыров, П. П. Пекарский, Л. М. Хлебников,

С. П. Луппов, В. Л. Ченакал и другие исследователи, показывая его в качестве артиллериста или астронома, коллекционера или библиофила. А вот объемного, отражающего во всей полноте жизнь Брюса исследования до настоящего времени так сделано и не было.

Фактически целенаправленная работа в архивах, связанная с определением фактов биографии Брюса, началась в 1960-е годы при организации музея боевой и трудовой славы Монинского камвольного комбината на территории города Лосино-Петровского, расположенного в непосредственной близости с Глинками.

Создатели музея Р.М. Веретенникова, В. П. Гусев, С. И. Овчинникова, В. И. Филатова и особенно А. Ф. Ерофеева заинтересовались историческими местами в окрестностях Лосино-Петровского, среди которых настоящей жемчужиной высветилась бывшая усадьба Я. В. Брюса, являющаяся к тому же старейшей из сохранившихся подмосковных усадеб. Начались поиски в архивах…

В начале 1970-х годов в санатории «Монино», расположенном на территории брюсовской усадьбы, поселился инвалид Великой Отечественной войны, профессиональный переводчик В. И. Зотов с женой, кандидатом филологических наук М. И. Гореликовой. На территории усадьбы, конечно, знали, что здесь когда-то жил Брюс. Об этом своим ученикам рассказывал учитель истории местной школы М. Н. Востоков, главный врач санатория Л. М. Василивецкий собирал материал о Брюсе, заведующий клубом санатория Д. И. Корпусов проводил экскурсии для отдыхающих, увлекательно рассказывая легенды о Брюсе, врач-рентгенолог А. П. Мазин занимался изучением истории усадьбы. Работа этих людей увлекла В. И. Зотова, который стал проводить свои исследования, привлекая материалы, опубликованные в иностранных источниках. В частности, он переводит на русский язык работу канадского ученого В. Босса «Ньютон и Россия. Раннее влияние 1698–1796 годы», трудится над переводом еще одного недоступного для отечественных исследователей масштабного труда К. Масси «Петр Великий». Здесь, в санатории «Монино», произошло знакомство В. И. Зотова с инженером, приехавшим сюда на лечение и отдых, В. В. Синдеевым, который был поражен масштабностью личности Брюса и в то же время заброшенностью его усадьбы. Вернувшись в Москву, он начинает заниматься архивной работой.

Впоследствии Всеволод Владимирович рассказывал, что в архиве его поразило одно обстоятельство. Документы, связанные с Брюсом, как правило, совершенно не были востребованы.

Никаких запретов и ограничений при их использовании не было. Они просто были никому не интересны. (Вот оно влияние легенд!) И только одна фамилия то и дело попадалась в архивных карточках на документы: А. Ф. Ерофеева.

У работников архива выяснил, что это один из исследователей города Лосино-Петровского. Поэтому в следующую поездку решил ее найти. Пришел в музей комбината. В зале увидел пожилую женщину, моющую пол. Спросил, как найти Анну Федоровну Ерофееву. В ответ: а это я и есть. Так, совершенно спонтанно образовалась группа исследователей, которым в течение 15 лет удалось поднять огромный пласт и сложить биографию петровского сподвижника.

Конечно, основная исследовательская работа выпала на долю Всеволода Владимировича Синдеева, поистине открывшего Я. В. Брюса для широкого круга людей. Не будучи профессиональным историком, он фактически заново штудировал Петровскую эпоху, изучал чтение кириллицы, разбирался с мудреными первоисточниками конца XVII — начала XVIII века.

К концу 1980-х годов возникла возможность открытия мемориального музея. В этот период одним из исследователей, занимавшимся родословной шотландских Брюсов, включился в работу кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Всемирной истории Российской академии наук Д. Г. Федосов. Оказалось, что в 1989 году вышла монография старшего научного сотрудника библиотеки Российской академии наук Е. А. Савельевой «Библиотека Я. В. Брюса». Начался сбор материала теперь уже для будущего музея. К этой работе подключился профессиональный кинооператор и фотограф, краевед В. В. Чеченков.

Затем выяснилось, что в Москве живут потомки рода Брюсов по женской линии Либерманы, которые, занимаясь своей родословной, выявили, что они прямые потомки Я. В. Брюса. Правда, при объединении усилий А. Я. и М. Я. Либерманов с исследованиями Синдеева и Федосова оказалось, что речь идет о потомстве от старшего брата Якова Брюса Романа.

Таким образом, обозначился довольно серьезный круг тех, кто формировал третью жизнь Якова Вилимовича Брюса.

Благодаря всем этим людям, включая дочерей Либерманов Татьяну Алексеевну и Елизавету Михайловну, а также включившейся на заключительном этапе Е. Г. Брищук, в феврале 1991 года открылся общественный музей Якова Вилимовича Брюса.

Главная задача созданного музея обозначалась как просветительская и объединительная в усилиях по дальнейшей

работе, связанной с исследованиями жизни и деятельности Брюса.

Фактически это было начало нового этапа привлечения к работе самого широкого круга специалистов.

Например, однажды музей посетил Александр Иванович Полетаев, заинтересовался Брюсом и особенно составленной им картой юга Европейской части России. В итоге уже в 2008 году он опубликовал следующую информацию:

«Безусловный интерес представляют новые сведения о карте, составленной Я. В. Брюсом в 1696–1699 гг., на которой изображена территория юга Европейской части России. Выступая с докладом от кафедры динамической геологии Геологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова на десятых Горшковских чтениях в январе 2008 года, Александр Иванович отметил, что «Я. В. Брюс данной картой дал, сам того, естественно, не зная, информационную основу для изучения структуры земной коры южной части Русской (Восточно-Европейской) платформы, т. е. внес важный вклад в развитие геологических представлений, который оказался, к сожалению, невостребованным более 300 лет».[4]

Исследователь отмечает: «Визуальный линеаментный[5] анализэрозионной сети, представленный на данной карте, выявил все основные составляющие линеаментного поля Земли, т. е. линеаменты ортогональной (подсистемы 1 и 2) и диагональной (подсистемы 3 и 4) систем, а также линеаменты трех девиантных простираний: С-СВ и С-СЗ (5 и 6) и З-СЗ (7).

Наиболее плотную сеть образуют лениаменты ЮЗ-СВ-го и субмеридионального простираний, наименее плотную — линеаменты СЗ-ЮВ-го простирания; линеаменты субширотного простирания развиты весьма ограниченно, по северному периметру карты, т. е. в районе Москвы, и по южному периметру — на широте Крымского полуострова.

В структурном отношении наиболее значимыми представляются линеаменты СЗ-ЮВ-го простирания, маркирующие простирания крупнейших отрицательных структур платформы — Днепрово-Донецкого и Пачелмского авлакогенов[6], и линеаменты субширотного простирания, совпадающие в районе Москвы с ограничениями Подмосковного авлакогена.

В составе девиантных (уклонение; отклонение от правильной линии, от заданного курса под влиянием каких-либо внешних причин) систем наибольший интерес вызывают линеаменты С-СВ-го простирания, которые так же, как и линеаменты субширотного простирания, развиты фрагментарно, но практически по всему полю рассматриваемой территории, а кроме того, как правило,

секут линеаменты ЮЗ-СВ-го простирания.

Как показал предыдущий опыт исследований линеаментного поля в самых разных регионах мира, в том числе и на данной территории, такие взаимоотношения чаще всего могут свидетельствовать о проявлении вращательных (ротационных) эффектов отдельных блоков земной коры.

Таким образом, одна из первых топографических карт южной половины Европейской части России, составленная более 300 лет назад, и в настоящее время может представлять интерес как независимый источник информации о структуре земной коры этой территории»[7].

Добавим, что на этой же конференции выступавший с докладом А. Е. Федоров отметил существенное влияние линеаментов (разломов) на творческую активность людей.

Таким образом, можно констатировать, что «открытие» Брюса и определение значимости его исследований и открытий продолжаются, а значит, все больше проявляет себя третья жизнь Якова Вилимовича.

Еще одна интересная встреча определила дальнейшую работу в качестве архивного исторического исследования. В 2004 году к 335-летию со дня рождения Я. В. Брюса Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи города Санкт-Петербурга организовал трехдневную конференцию, в подготовке к которой принял участие дом-музей Я. В. Брюса. Именно к открытию конференции удалось подготовить совместное издание двух музеев и редакции журнала «Щелково» первый том «Архива генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса», т. е. публикацию личных писем Я. В. Брюса, хранящихся в архиве ВИМАИВ и ВС. Основная заслуга в реализации этого проекта принадлежит заместителю директора музея С. В. Ефимову и руководителю архива данного музея Л. К. Маковской. За прошедшие после конференции годы удалось издать еще три тома, каждый из которых охватывает примерно год жизни Брюса. В первом томе представлены письма за 1704–1705 годы, во втором — за 1706-й, в третьем — за 1707-й и, наконец, в четвертом, изданном в 2008 году, — за 1708 год. Это не просто публикация писем походной канцелярии. Каждый из томов открывается основательной вступительной статьей, охватывающей все события жизни Брюса, произошедшие в данном, представленном в томе году. Тексты этих вступительных статей использованы в данном издании.

Продолжились исследования родословной Я. В. Брюса. По поводу матери Якова Вилимовича выявилось интересное обстоятельство. Жительница Шотландии Ирина Лайс — потомок

российских Брюсов, в девичестве Ирина Алексеевна Либерман, — обнаружила интересную информацию о том, что якобы Вилим Брюс выехал в 1647 году из Шотландии уже будучи женатым. И только после того, как ему удалось устроиться в России, обосноваться в Москве, к нему приехала его жена. Однако эта находка Ирины Алексеевны ставит много новых вопросов и в какой-то степени противоречит здравому смыслу. Если принять за основу тот факт, что в 1647 году, Вилим Брюс уже был женат, значит, его жене к моменту рождения Якова Вилимовича в 1669 году должно было быть около 40 лет. Более того, после смерти Вилима его вдова вышла замуж за Юрия Инглиса и родила по крайней мере двоих детей — Андрея и Елену, а ведь к тому времени ей должно было быть уже далеко за 50. Поэтому пока согласиться с версией о том, что Вилим был женат в 1647 году, нельзя. Все же более вероятной выглядит предположение, что он женился уже после выхода в отставку в 1660-е годы и его жена могла быть моложе мужа на 15–20 лет. Тогда объяснимо то, что она и во втором браке в 1680-е годы имела детей. Кстати, исследователь Д. Г. Федосов называет Юрия (Георгия, Джорджа) Инглиса драгунским полковником.

notes

Примечания

1

Четь (четверть) — старинная мера площади размером 40 саженей в длину и 30 в ширину.

2

Райна — рея, поперечное дерево на мачте, к которому привязан парус (прямой, косые без реев).

3

В геральдике принято рассматривать герб в зеркальном отражении.

4

Полетаев А. И. Первая топографическая карта южной половины Европейской части России 1696 г. (карта Я. В. Брюса) как источник информации о структуре ее земной коры // Актуальные проблемы региональной геологии и геодинамики. Десятые Горшковские чтения. Материалы конференции. М.: МГУ, 2008. С. 23.

5

Линеаменты (от лат. lineamentum — линия, контур) — линейные и дугообразные элементы рельефа планетарного масштаба, связанные с глубинными разломами.

6

Авлакоген (от греч. áulax — борозда и génos — рождение) — глубокий и узкий грабен в фундаменте древней платформы, перекрытый платформенным чехлом. Представляет собой древний рифт, заполненный осадками.

Термин предложен в 1960 г. советским тектонистом Н. С. Шатским и стал общепринятым во всем мире. Шатский определил авлакоген как бороздовую сложную структуру между двумя одинаковыми зонами в платформе.

Простые авлакогены представляют собой глубокие (с опусканием фундамента иногда до 5–10 км), узкие (от нескольких десятков до первых сотен км) и вытянутые в длину на сотни или первые тысячи км прогибы, ограниченные длительно развивающимися разломами. Могут пересекать всю платформу (сквозные авлакогены) или затухать в ее пределах. В результате развития превращаются либо во внутриплатформенные пологоскладчатые зоны (например, Датско-Польский авлакоген), либо в более широкие и пологие впадины — синеклизы (например, Днепровско-Донецкий авлакоген — в Украинскую синеклизу).

Наряду с простыми авлакогенами существуют сложные, состоящие не только из прогибов — грабенов, но и из поднятий — горстов (например, зона Вичиты Северо-Американской платформы). В авлакогенах иногда наблюдаются проявления базальтового вулканизма и нередко накапливаются мощные соленосные толщи (источник: http://ru.wikipedia.org/wiki).

Полетаев А. И. Первая топографическая карта южной половины Европейской части России 1696 г. (карта Я. В. Брюса) как источник информации о структуре ее земной коры// Актуальные проблемы региональной геологии и геодинамики. Десятые Горшковские чтения. Материалы конференции. М.: МГУ, 2008. С. 24.